2014
5704.

Розикзода Абдулхаким Шерали

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ ТАДЖИКИСТАНА

РОЗИКЗОДА АБДУЛХАКИМИ ШЕРАЛИ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ ТАДЖИКИСТАНА

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ
«ЭЛЕКТРОН ВАРИАНТ ВЕЛЕН ТАВСИЯ ШУДААСТ»

Ба устоди донишгоҳи
тиҷоратии Тоҷикистон
Розикзода Абдулхаким
Шералиевич ҳаққи
истифодаи электронӣ
аз ин асар дорад.

ДУШАНБЕ
"ИРФОН"
2001

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ
ЭЛЕКТРОННЫЙ ВАРИАНТ ДАННОЙ КНИГИ ПРЕДОСТАВЛЕН
ЧИТАЛЬНЫЙ ЗАЛ
БИБЛИОТЕКА АКАДЕМИИ ТОРГОВЛИ ТАДЖИКИСТАНА

ББК – 4+12
Р-74

Под редакцией
доктора исторических наук,
профессор Хотамов Н.Б.

МУАССИСАИ ДАВЛАТИИ
«КИТОБХОНАИ МИЛЛИИ ТОҶИКИСТОН»
2014
5704
Тадж; 34 (09)

Розикзода А.Ш.
Р-74 История формирования и деятельности милиции
в Таджикистане. – Душанбе; "Ирфон", 2001, 194 стр.

В монографии на основе анализа публикаций и обширного архивного материала впервые комплексно освещается вопрос обеспечения порядка в дореволюционном периоде, а также организация и становление органов милиции в первые десятилетия установление советской власти в Северном Таджикистане и на Памире.

4506000000 – 047
Р---------- 01
М 501 (12) – 2001

ISBN 5-667-01 003-8

ББК – 4+12

(с) Розикзода А.Ш. 2001

Монография кандидата исторических наук А.Ш.Розикзода "История формирования и деятельности милиции Таджикистана" посвящена одной из совершенно не изученных страниц истории таджикского народа – истории милиции Таджикистана. Данное исследование восполняет историографический пробел, имевший место в исторической науке Таджикистана.

В монографии на основе анализа публикаций и обширного архивного материала впервые комплексно освещается становление и укрепление органов милиции Таджикистана в первые десятилетия утверждения советской власти.

История милиции и органов внутренних дел Таджикистана, безусловно, является неотъемлемой частью истории таджикского народа советского периода. Пройденный таджикской милицией путь, как и вся история системы органов внутренних дел, берет своё начало с установления советской власти в Средней Азии.

Сменилоось не одно поколение людей, работавших в милиции, не раз менялись название и структура самой милиции, но остались неизменными возлагаемые на нее главные задачи: охрана общественного порядка, обеспечение личной безопасности граждан, борьба против преступности и т.д.

В первые десятилетия своего существования милиция Таджикистана несла не себе все тяготы и испытания, которые выпали на ее долю. Многие граждане Таджикистана посвятили себя нелегкому делу защиты законности и правопорядка, прошли суровую школу испытаний в рядах милиции, проявив настоящее мужество, патриотизм и преданность служебному и гражданскому долгу.

Примечательно то, что автор также интересуется вопросами обеспечения правопорядка в дореволюционном Таджикистане.

Читателя непременно заинтересует представленный исторически материал о миршабах, шабгардах и других блюстителей порядка в Бухарском эмирате, о деятельности полиции в дореволюционном Северном Таджикистане, о формировании и деятельности рабоче-крестьянской милиции в первые годы утверждения советской власти, а также новые сведения о борьбе милиции против антинародных и преступных действиях басмаческих вооруженных групп.

Развитие государства в целом немыслимо без системы правоохранительных органов, в первую очередь органов внутренних дел. "В период, когда закладываются и укрепляются основы государства, когда враги посягают на его суверенитет, бремя ответственности, возложенной на органы правопорядка и силовые структуры, увеличивается многократно", отмечал Президент Республики Э.Ш.Рахмонов.[1]

В этом отношении монография молодого ученого А.Ш.Розикзода, посвященная истокам формирования органов милиции Таджикистана имеет большое значение для преподавателей, аспирантов, студентов юридических и исторических факультетов, а также для практических сотрудников органов внутренних дел.

Доктор исторических наук, профессор
Хотамов Н.Б.

---

[1] Рахмонов Э.Ш. Речь на совещании работников правоохранительных органов и силовых структур. 9 февр. 1999 // Главное – верховенство закона. – Душанбе: Ирфон, 1999.

ВВЕДЕНИЕ

При всех формах государственного управления издавна существовали отдельные государственно-правовые институты, в чьи компетенции входили контроль и обеспечение порядка в обществе. Органы правопорядка, и в первую очередь, внутренних дел, играли, и будут играть весьма важную роль в жизни любого государства. Не является исключением и Таджикистан.

Менее чем за сто лет (вторая половина XIX и первая четверть XX веков) в социальной и политической жизни народов Центральной Азии, в том числе таджикского, происходили судьбоносные события - завоевание и присоединение к России, победа Октябрьской революции, свержение эмирского режима в Бухаре, установление советской власти. Эти события привели к коренным изменениям в укладе жизни, сознании и менталитете таджикского общества, возникновению некоего симбиоза европейской и азиатской культур. Данное обстоятельство породило отличие от предыдущего правосознания и правовой культуры. Все это в совокупности составляет социальный опыт, который должен учитываться в дальнейшем при совершенствовании новых общественных отношений. В центре этих процессов, в том числе и политических, органы правопорядка – миршабство, полиция и милиция занимали особое место, что вызывает огромный научный интерес к исследованию их деятельности, что, в свою очередь, может восполнить многие неясные страницы истории таджикского народа.

Процесс демократизации общественно-политической жизни и повышение национального самосознания таджикского народа убедительно показывает, что многие страницы дореволюционно-

го и советского периодов истории таджикского народа настоятельно нуждаются в пересмотре, в новом освещении и разработке. Многие вопросы истории таджикского народа второй половины XIX и всего периода существования советской власти получили свое освещение в рамках господствующей тогда коммунистической идеологии и не всегда рассматривались с точки зрения справедливости и исторической объективности. По утверждению Президента Республики Таджикистан Э.Ш.Рахмонова, "...только через познание исторического прошлого, через национальное самосознание можно определить будущее новых поколений"[1].

Актуальность исследования обусловлена и тем, что история таджикской милиции, прошедшая очень сложный и в то же время славный путь, несет в себе заряд большой воспитательной силы. В течение нескольких десятилетий происходило формирование служебных и боевых традиций милиции Таджикистана - преданность гражданскому и служебному долгу, самоотверженность, мужество и отвага в борьбе против антисоветских вооруженных групп и других правонарушений, бескорыстие, товарищеская взаимопомощь, верность присяге и своему народу. Эти традиции представляют собой самостоятельный социальный опыт, который необходимо изучать и распространять. На них следует воспитывать современное поколение работников органов внутренних дел, приумножать и обогащать их. Безусловно, пройденный милицией Таджикистана путь имеет большое практическое значение в деле возрождения национального самосознания и национальной гордости нашего народа, а также в воспитании молодого поколения, прежде всего сотрудников органов внутренних дел в духе патриотизма.

Своевременность научного исследования указанных проблем также обусловлена тем, что наша республика делает первые шаги по пути создания демократического, правового и светского государства, где день ото дня возрастает роль органов правопорядка, в частности, внутренних дел.

Основная цель работы заключается в научном изучении и освещении истории организации, становления и деятельности ми-

---

[1] Рахмонов Э.Ш. Таджики в зеркале истории. - Душанбе: Шарки озод, 1997. – С. 32.

лиции в первые годы советской власти в Северном Таджикистане (1917-1924 гг.).

С учетом разработки главной цели, автор основное внимание сосредоточил на следующих задачах:

– определить основные государственные институты, обеспечивающие традиционный общественный порядок в Бухарском эмирате и в Восточной Бухаре; раскрыть сущность и задачи института миршабства;

– осветить деятельность российской полиции в северных районах Таджикистана и на Памире до установления советской власти, как колониального аппарата управления;

– показать процесс слома "народной милиции" Временного правительства и организации республиканских органов управления милиции Туркестанской АССР, создания советской милиции и ее роль в защите мирного населения от бандитских вылазок антисоветских вооруженных групп в северных районах Таджикистана и на Памире.

Данная работа является первой попыткой научного исследования одной из мало разработанных проблем истории таджикского народа – истории формирования милиции Таджикистана, и не претендует на полноту освещения всех ее аспектов.

Автор с благодарностью примет все замечания и учтет их в последующих своих публикациях.

ГЛАВА 1. ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОРЯДКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ

Административно-полицейская служба на территории современного Таджикистана имеет давнюю историю. В частности, судя по историческим источникам, можно предположить, что началось формирование полицейской службы (естественно, не в современном понятии) еще во времена Ахеменидской империи (VI-IV вв. до н.э.). В последующие периоды, особенно в эпоху средневековья, очень сложно было четко отделить чисто полицейскую службу от других видов государственной службы (например, военной). Кроме того, между отдельными институтами государственного управления определенной границы или функционального разграничения обязанностей не было. Видимо, в большинстве случаев полицейская служба находилась в ведении военных. И лишь позднее, на рубеже XVIII – XIX вв., в феодальных среднеазиатских государствах устанавливаются специальные формы административно-полицейской службы.

До 60-70-х годов XIX в. большая часть нынешней территории Таджикистана временами номинально входила в состав Бухарского и Кокандского ханств. Долгое время эти ханства представляли собой самостоятельные и полу самостоятельные феодальные владения, где полицейская служба была почти одинакова и мало чем отличалась друг от друга. Однако после завоевания Средней Азии Российской империей полицейская служба в северных районах Таджикистана и на Памире коренным образом стала отличаться от аналогичных служб в районах Юго-восточного Таджикистана, впоследствии вошедших в состав Бухарского Эмирата. Поэтому мы считаем целесообразным рассматривать полицейскую службу двух частей дореволюционного Таджикистана каждую в отдельности.

§ 1. БЛЮСТИТЕЛИ ПОРЯДКА В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ И ВОСТОЧНОЙ БУХАРЕ

Население Бухарского эмирата во второй половине XIX – начале XX в. в среднем составляло около 2-2,5 млн. человек. Явля-

ясь отсталой социально-экономической и патриархальной страной, в политическом отношении он продолжал оставаться зависимым от Российской империи. В административном отношении Бухарский Эмират делился на бекства, бекства – на амлокдорства.

Прежде чем анализировать полицейскую службу в Бухарском эмирате вообще, необходимо дать краткую характеристику тем лицам, которые стояли во главе его высшего административного аппарата, потому что они в своей административной деятельности иногда выполняли функции полицейского характера.

Во главе Бухарского Эмирата стоял «эмир», что в дословном переводе с арабского означает «повелитель», «властитель». Ему принадлежала полнота власти во всём Эмирате, и он был последней и окончательной инстанцией, к которой апеллировали пострадавшие от несправедливых решений местной администрации и судей. Подобно средневековой иерархии феодальных государств, эмиру подчинялись все остальные административные чиновники, кроме того, лично при нём постоянно находились 100 чиновников[1].

О безграничных правах эмира русский исследователь Д.Н. Логофет писал: «Владыка ханства – Бухарский эмир, правитель с неограниченной деспотической властью на основании шариата (духовного закона), он вместе с тем является и духовной главой государства, управляя им так же, как пастух управляет своим стадом, как пастух зарезает во всякое время любую овцу из своего стада, так и эмир имеет законное право пресечь жизнь любого из населения»[2].

По мнению А. А. Семёнова, эти властители, принадлежавшие к узбекскому племени мангыт, были лишены некоторых элементов демократизма, которые отличали, например, хивинских ханов, происходивших из узбекского племени кунгурот[3]. Как очевидец, А.А.Семенов приводит такой пример: «... помню выезд эмира Абдулахада (1885-1910) из Старого Чорджуа в апреле 1902 к железнодорожной линии. В ожидании этого события тысячи

---

[1] См.: Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 32.
[2] Логофет Д. Н. Страна бесправия. – С. 29.
[3] Семенов А. А. Очерк устройства...– С. 21.

людей стояли на коленях по сторонам дороги. Как бы предвестником близкого появления эмира был скакавший из города всадник в дорогом халате, на отличном коне с богатой сбруей: он хлестал своего скакуна, носился во все стороны, топтал посевы... Вот вдали показалась пыль, то близился кортеж эмира. Впереди бежали с палками в руках четыре скорохода (шотиры) в бархатных остроконечных шапках ..., отороченных куньим мехом, в коротких, до колен, халатах и с голыми ногами, обутыми в остроконечные туфли.... Назначение этих людей состояло не только в том, чтобы расчищать от толпы путь эмиру, но и в том, чтобы смотреть по сторонам, нет ли в народе кого-либо с поднятой рукой, держащей прошение. В этих случаях скороход бросался в толпу, и быстро расчищая себе путь, выхватывал это прошение для передачи эмиру... За экипажем, в густой пыли бежали все прочие эмирские сановники разных степеней и рангов, старые и молодые в роскошных костюмах и более простых. Едва экипаж эмира доезжал до ожидавшей толпы, все, как один пали ниц, чтобы не видеть лица своего повелителя... народ лежал на земле, не смея поднять головы, пока не скрылся в пыли весь кортеж»[1].

Из этого примера становится ясно, что, несмотря на большой штат правительственных чиновников и офицеров разных рангов, каждый из которых, казалось бы, мог отправлять самостоятельно свои функции в пределах положенной ему компетенции, в действительности ими почти ничего не делалось без санкции эмира, по крайней мере ему докладывали почти о всех мелочах повседневной и бытовой жизни[2].

Эмир самолично судил прелюбодеев, крупных воров, главарей разбойничьих шаек и других нарушителей законов, которых также ожидала смертная казнь[3]. Эмиру были подсудны также высокие должностные лица (кушбеги, диван-беги, закотчи-калон и беки) и начальствующий состав регулярной армии за преступления по должности или вызвавшие гнев эмира[4]. Казнь обычно со-

---

[1] Там же.
[2] Семенов А. А. Очерк устройства...– С. 21.
[3] Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. – Ташкент: Узбекистан, 1969. – С. 70.
[4] Ханыков Н. В. Описание Бухарского ханства. – С. 230.

провождалась конфискацией имущества осуждённого в пользу эмирской казны, и такие случаи в Бухаре бывали частыми. Например, в числе подвергнутых наказаниям влиятельных лиц были Абдул-Адир – бывший ещё при Насруллахане (1827-1860гг.) в должности кушбеги, Баротбек, бывший Ура-Тюбинский бек; начальник полиции Абдулло был зарезан в тюрьме за то, что настаивал на войне с русскими[1]. Как видим, с санкции эмира вершилось множество дел. Им же определялось и административное устройство Бухарского ханства, которое делилось на четыре отрасли управления: финансовую, административную, судебную и духовную. Соответственно в каждой отрасли управления существовали свои инстанции: высшая – в (столице) Бухаре, средняя – в городах и низшая – во всех значительных населенных пунктах.

Как было отмечено выше, вслед за эмиром в центральных учреждениях по всем отраслям управления власть принадлежала кушбеги. Это было главное административное лицо, ведающее внутренними делами государства и в отсутствие эмира управляющее всей страной. Фактически он управлял государством, и в его аппарат входило 125 чиновников. В ведение кушбеги входили следующие ветви государственного аппарата (см. приложение 1): тупчибоши (начальник дворцовой стражи – при нём 50 чиновников); лашкарбоши (командующий войсками) – при нём 20 чиновников; миршаб (полицмейстер) – при нём 70 чиновников; кушбегии боло (первый министр) – при нём 125 чиновников; кушбегии поён (закотчи, ведавший налогом) – при нём 100 чиновников; мираб (управляющий орошением) – при нём 20 чиновников; кази калон (верховный судья) – при нём 150 чиновников; раис (градоначальник) – при нём 100 чиновников.

Как видим, кушбеги управлял и полицейской службой. Более того, ему подчинялись институт миршабства, который имел чисто полицейский характер, начальник дворцовой стражи и командующий войсками. Однако это не говорит о том, что кушбеги имел полную самостоятельность. Его деятельность была строго ограничена, так как он зависел от самого эмира. По существу, кушбеги являлся простым исполнителем воли эмира, и, кроме того, его деятельность ограничивалась только пределами арка

---

[1] Стремаухов Н. Поездка в Бухару. – С. 68.

самого города Бухары и 9 туманов его окрестностей[1]. Тем не менее, кушбеги являлся первым сановником в стране, заместителем эмира и он же отвечал за спокойствие в столице[2].

В иерархической административно-территориальной лестнице после эмира стоял бек – правитель области, в подчинении которого находились вассалы. Д.Н.Логофет писал: «Беком называется чиновник в гражданском или в военном чине, заведующий известной частью ханства и могущий быть приравненным по своему положению и обязанностям к нашим губернаторам, а бекства к губерниям»[3]. Бек назначался специальным указом эмира, обычно из числа родственников или приближённых к эмиру, и на отведенной территории являлся абсолютным, бесконтрольным, самостоятельным правителем. На местах всё зависело от этого правителя, и поэтому в его ведение входили другие должности полицейского характера. Как только бек получал назначение, он со своей семьёй и родственниками приезжал на место назначения и приступал к выполнению обязанностей. Никакого приёма и сдачи дел, за исключением книги закона, не производилось, так как делопроизводство совершенно отсутствовало.

Как мы уже отмечали, при административном управлении Эмирата действовал институт миршабства, где была сосредоточена в основном вся полицейская работа. Для полицейской опеки над населением, многообразной и мелочной, имелся целый ряд должностей со специальными, полицейскими по характеру, функциями. Это, прежде всего, должность миршаба.

Миршаб в переводе означает «правитель ночи». Миршаб столицы считался начальником полиции не только столичного округа, но и всех округов эмирата. Миршаб – это полицмейстер, который главным образом занимался борьбой с воровством, хулиганством, фальшивомонетничеством и другими правонарушениями в городе Бухара и осуществлял охрану столицы по ночам. В распоряжении миршаба были 70 охранников города, тюрьмы и постовые склады. Миршаб назначался в Бухаре и увольнялся непосредственно эмиром, и казённое служебное помещение принима-

---

[1] Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 35.
[2] Семенов А. Очерк устройства... – С. 54.
[3] Логофет Д. Н. Бухарское ханство. – Т. 1. – С. 32.

ло каждого нового миршаба и освобождалось от прежнего также с ведома и санкц...я эмира[1]. По справедливому замечанию И. И. Крыльцова, полицейский аппарат в Бухаре был так же примитивен, как и в других (окружных) городах Эмирата, и такой аппарат был характерен для феодального типа государств, где полицейская опека над угнетаемым населением распространялась не только на надзор за его поведением и добрыми нравами, но даже и на надзор за верованиями и мыслями[2].

Крупные города (в том числе и Бухара) делились на отдельные части, которые назывались «сахмами» (в переводе с арабского – часть). Каждый сахм делился на «джарибы» (это арабское слово означало территорию, равную примерно 10 тыс.м ^{2}). Джарибы имели своего начальника, называвшегося «бобо», и каждый джариб был подчинён дахбоши, т.е. десятнику. У каждого такого дахбоши находилось в подчинении по несколько полицейских, называвшихся «шабгардами» (буквально – хозяин ночи). Ночной обход города, задержание всех подозрительных людей, или без нужды проходящих или проезжающих по улицам, и оказание помощи нуждающимся в безопасности и т.д. входило в их обязанности. Шабгарды при обходе города били в большой барабан, которому вторили серебристые звуки металлических треугольников.

Полиция вступала полностью в свои права только ночью, вернее, с вечера, когда закрывались все базары и ворота города (в 7 часов вечера). После этого постепенно замирала жизнь, и никто уже не имел права показаться на улице. По сведению Н. А. Кислякова, движение в городе прекращалось после последней молитвы, предшествующей наступлению темноты[3].

Миршаб со своими шабгардами, объезжая город, от своих людей получал сведения о том, где происходят пирушка, игра в кар-

---

[1] Семенов А. А. Очерк устройства... – С. 8.

[2] Крыльцов И. И. Государственное управление и суд в Среднеазиатских Ханствах накануне завоевания Туркестана царской Россией // Ученые записки Свердловского юридического института. – Т. 2. – Свердловск: ОГИЗ, 1947. – С. 47 (Далее: Крыльцов И. И. Государственное управление...).

[3] Кисляков Н. А. Патриархально – феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в XIX начале XX в. // Труды института этнографии АН СССР. – Т. LXXIV, М. – Л., 1962. – С. 47.

ты или другие азартные игры. Тут же миршаб со своими подручными отправлялся туда, задерживал провинившихся и штрафовал их, в случае неуплаты штрафа, грозил тюрьмой. Даже такие торжества, как свадьба, должны были заканчиваться к установленному времени, иначе гостям приходилось оставаться в том доме до рассвета[1].

Традиционно считалось, что по ночам на улицах могли находиться только преступники, а не мирные граждане. И поэтому полицейские патрули – шабгарды – забирали ночью всех, кто им попадался, и отводили в «миршабхона», невзирая на положение и звание задержанного. В миршабхона всех, задержанных ночью, на утренней заре направляли на работу по чистке банных печей, а утром отпускали по домам.

По сведению А.А. Семёнова, в 1917 г. он услышал от бухарского сановника Мирзо Наимбия такой рассказ: часов в 11 ночи он возвращался из арка от эмира. На пути его остановил дозор во главе с миршабом и задержал. Тщетно Мирзо Наим доказывал, что он едет по служебной надобности и не виноват, что его задержал эмир, что он известное лицо, которое хорошо знает сам миршаб. Всё было напрасно, и почётный сановник в своём дорогом халате и белоснежной чалме вместе с кучером был взят и посажен с разными подозрительными лицами, задержанными в ту ночь на улице. На заре их всех повели чистить банные топки. После работы, уже поутру, когда открывались базары, всех арестованных, перепачканных пылью и грязью, повели обратно в миршабхона, после чего и отпустили на все четыре стороны[2]. О случившемся пострадавший жаловался сначала кушбеги, а потом самому эмиру, однако безрезультатно. Видимо, древнее правило не выходить честным гражданам ночью на улицу должно было неукоснительно выполняться. Оно не касалось только повивальных бабок (доя) и врачей (табибов), шедших по спешному вызову к родящим и тяжело больным[3].

Миршаб с шабгардами вступал в полноту власти только по ночам, следя за общественной тишиной и безопасностью населе-

---

[1] Семенов А. А. Очерк устройства... – С. 47.
[2] Там же. – С. 50.
[3] Там же. – С. 51.

ния. Днем он не имел права делать этого, ибо тогда наблюдение за порядком ложилось на другие лица (чиновников), а также на само население, и население справлялось с этим. В подтверждение этому А.А.Семеновым приводится такой интересный и поучительный факт: «...меня, впервые попавшего в Бухару в 1897 г., поразило необычайное явление на огромных, страшно людных и очень богатых базарах. В час обычной молитвы, едва раздавались с минаретов громкие призывные голоса «суфи» (муазин), как все торговцы и покупатели, прохожие, проезжающие спешили в ближайшую мечеть, невообразимо людные базарные ряды немедленно пустели, лавки оставались открытыми, в мануфактурных и шёлковых рядах бросались недомеренные куски тканей, в ювелирных рядах на лотках оставались лежать неубранными кучки кораллов, жемчуга и драгоценных камней в сыром виде и в изделиях, саррофы и банкиры, покидали на виду у всех бывшие у них золотые и серебряные монеты и ассигнации; превосходная индийская кисея, мальтийские полупрозрачные, с серебряными блёстками покрывала и накидки, необыкновенно прочные и красочные стамбульские ситцы и прочие разнообразные дорогие, редкие и красивые товары продолжали лежать по полкам, оставались развёрнутыми в эффективных складах, будучи брошены на прилавок. И когда минут через 20-30 торговцы и покупатели возвращались к лавкам, торг продолжался без всякого замешательства, **и я никогда не слышал, чтобы за время такого отсутствия продавцов у них пропала какая-либо вещь»** (выделено нами – А.Р.)[1].

Приведённый факт, прежде всего, говорит о том, что среди простого, трудового населения преступления в виде воровства случались очень редко.

С. Айни, рассказывая о многих сторонах жизни миршабов города Бухары, приводил такой примечательный факт, который не свойственен обычной жизни и деятельности миршабов Бухары: эмир Абдулахад привлек известного поэта и просветителя Мирзо Сахбо на государственную службу. Сахбо вскрывал злоупотребления царедворцев и разглашал их в присутствии эмира. «Сахбо, занимая высокий пост привратника эмира,– писал С.Айни, – был

---

[1] Семенов А. А. Очерк устройства... – С. 52

одним из самых близких людей повелителя Бухары. Но любовь Сахбо к правде и нетерпимость к всякого рода злоупотреблениям не остались безнаказанными: эмир разгневался на Сахбо и снизил его в должности, сделав распорядителем вод – мирабом городского оросительного канала. Назначение это не было случайным: незадолго до этого Сахбо изобличил мирабов в обмане и в беззастенчивом взяточничестве. Должность мираба не оплачивалась, ибо подразумевалось, что доход «оросителя» составляют подношения и взятки от тех, кому нужна вода; от этих подношений полагалось посылать по несколько раз в год ещё и подарки эмиру. Эмир, назначая на эту должность бескорыстного Сахбо, как бы говорил ему: «А ну-ка! Попробуй-ка сохранить чистоту души на этом месте!»[1].

Но Сахбо не унизился до взяток и поборов с людей и два года, терпя лишения, верой и правдой служил землевладельцам, справедливо распределяя между ними воду. Своим поведением Сахбо быстро завоевал у народа уважение и любовь. Узнав об этом, эмир снял Сахбо с должности мираба, и назначил его миршабом – начальником полиции города.

Эта должность была ещё тяжелее. Доход миршаба состоял из подношений от воров, разбойников, картёжников и подобных им жителей города. «Князья ночи» считали себя настолько обеспеченными этими взятками, что из них они несколько раз в год делали подарки самому эмиру.

Но Сахбо и на этой должности не пошёл на сговор с ворами, не согласился иметь долю в их доходе. Ему пришлось распродать всё своё имущество, ценности жены, вести образ жизни почти бедняка, но он исполнял свой долг и не посылал подарков эмиру. За время его управления в городе и его окрестностях наступили спокойствие и безопасность. Кроме того, убеждениями и наставлениями он добился того, что жители города начали вывешивать по ночам фонари возле своих домов, и таким образом город, который тысячу лет по ночам пребывал во мраке, был освещён.

Тогда эмир, видя, что ни одна из его попыток сбить Сахбо с честного пути не удалась, совсем отстранил Сахбо от каких-либо дел... Эмир искал какого-нибудь повода, чтобы разделаться с

---

[1] Айни С. Бухара. – Кн. 2. – С. 18.

этим непокорным человеком.

В начале февральской революции эмир приказал арестовать Сахбо за революционные настроения: продержав Сахбо некоторое время в бухарском подземелье, его сослали в Кабадиан, где в 1918 г. во время колесовских событий он был убит.[1] Как уже потом стало известно, Мирзо Сахбо был убит сыном миршаба Бухары – Давронбеком[2]. Согласно сведениям устода Айни, последним миршабом города Бухары был некий Хикмати Буз, который в дни свержения эмира был убит одним дехканином[3].

Кроме столицы эмирата Бухары, должность миршаба предусматривалась и в центрах бекств, но здесь его обязанности были чуть проще. В ведение миршаба входили охрана и соблюдение порядка в городе (крепости бека), тюрьма, склады оружия и другие полицейские функции. Он имел при себе несколько шабгардов, ясаулов и наукаров. А. Маджлисов, говоря о чиновниках и помощниках бекских миршабов, почему-то не называет шабгардов[4], без которых немыслима работа миршаба. Кроме того, в некоторых бекствах (например, в Кургантюбинском) миршабы имели своих помощников – дахбоши[5]. Как утверждает Ш. Т. Юсупов, полицейская власть в дореволюционном Душанбе находилась в руках у миршаба (его заместитель назывался дахбоши), в распоряжении которого было несколько шабгардов. Последним миршабом был некий Назир, а дахбоши Рахмон после свержения эмира возглавлял крупную антисоветскую группу[6]. В некоторых бекствах Восточной Бухары миршаба называли курбаши[7]; (так его называли и в Ташкенте накануне Российского завоевания). Курбаши – ночной раис (т.е. миршаб), относился к полицейским должностям[8]. Самым главным чиновником (после бека) в бекст-

---

[1] Айни С. Бухара. – Кн. 2. – С. 18 – 19.
[2] Айни С. Еддоштхо. – С. 335.
[3] Там же. – С. 392.
[4] Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 51.
[5] Гаевский П., Кургантюбинское бекство //Известия РГО. – Т. LY, 1919 – 1923, Вып. II – Москва – Петроград: Госиздат, 1924. – С. 25.
[6] Юсупов Ш. Т. К истории дореволюционного Душанбе (конец XIX начало XXвв.). – С. 25. (Далее: Юсупов Ш. Т. К истории дореволюционного Душанбе…).
[7] Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 51.
[8] Крыльцов И. И. Государственное управление – С. 47.

2014
ЕЭИ

вах в Восточной Бухаре являлся старший ясаулбаши[1], который считался помощником бека, и ему должны были подчиняться все остальные чиновники. Чиновников в чине ясаулов при беке было около 25 человек. В обязанность самого младшего входило сопровождение бека, следуя впереди последнего с палкой в руках, за что он получал в месяц 1 руб. 65 коп. жалованья и ежедневно по 8 коп. на содержание 1 лошади[2]. Ясаул-баши в каждом бекстве и амлокодорстве являлся помощником бека и амлокдора по полицейской части и по роду своей деятельности мог быть приравнен к полиции, имея на своей распоряжении несколько ясаулов (помощников) и значительное число наукаров (вроде полицейских), числом от 10 до 20 человек[3].

Б. И. Искандаров определяет число наукаров в каждом амлокодорстве от 10 до 200 и называет их конной полицией, в обязанности которых входили защита бекства и явка по первому требованию бека туда, куда он приказывал[4].

Кроме того, как утверждает М. Хамраев, во время взимания податей с населения наукары играли роль полицейских и выполняли разные поручения амлокдора[5]. О полицейских функциях наукаров также упоминал А.А.Семёнов, более того, найдя в деятельности наукаров много общего с нашими милиционерами, он прямо называет их милицией[6]. Поскольку А.А.Семёнов был хорошо знаком с административной жизнью Бухары, нельзя не согласиться с его мнением.

Число наукаров зависело от размеров территории и положения в бекстве вообще, и поэтому в бекствах Восточной Бухары число было разным. М. Хамраев пишет, что в каждом амлокдорстве Гиссарского бекства находилось от 10 до 200 кишлачных наука-

---

[1] Юсупов Ш. Т. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XXвв. – Душанбе, 1964. – С. 43. (Далее: Юсупов Ш. Т. Очерки истории Кулябского бекства...).

[2] Хамраев М. Очерки истории Хисорского бекства конца XIX и начала XXвв. – Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР, 1959. – С. 32. (Далее: Хамраев М. Очерки истории Хиссарского бекства...).

[3] Логофет Д.. Н. Страна безправия. – С. 32.

[4] Искандаров Б. И. Восточная Бухара и Памир. – Ч. 2. – С. 16.

[5] Хамроев М. Очерки истории Хиссарского бекства. – С. 38.

[6] Семенов А. Очерк устройства... – С. 59.

ров[1], а по всему бекству число этих наукаров доходило до 2 тысяч человек[2]. Согласно данным Г.А.Арандаренко, число наукаров в Каратегине составляло 4 тысячи человек (возможно, цифра завышена), а в Дарвазе – 600 человек[3]. В административной лестнице Эмирата самыми низкими должностями считались должности аксакалов – административная глава нескольких близлежащих кишлаков, арбобов – главы отдельных кишлаков и ильбегов – главы аулов, где на отведённой для каждого территории они тоже исполняли работу полицейского характера.

Необходимо отметить, что все чиновники – должностные лица (военные или гражданские), начиная от кишлачного наукара до самого эмира, имели чины – звания[4]. На основе всестороннего анализа некоторых источников, специальных исследований и научной литературы, касающиеся званий, мы составили перечень званий от высших к низшим (см. приложение 1).

Звания в эмирате не имели чётких опреелений. Эта система сама по себе была очень сложной и запутанной. Кроме того, говоря о званиях, некоторые авторы допускают неточности. Например, Г.С.Азизкулова называет юзбоши поручиком, дахбоши – ефрейтором, звание джебочи приравнивает к лейтенанту, чухрао-госи – к унтер офицеру[5], чтомы считаем неверным. Большинство вышеуказанных чинов было установлено ещё Амир Темуром и давалось как войсковым, так и гражданским бухарским чиновникам. Чиновникам давали звания не за знания или способности. Порядок назначения на должность и производство в чины очень чётко и метко охарактеризовал А.В.Варыгин: «Чины даются в Бухаре не за образование, не за службу, а за принадлежность к известному роду или за родство с военным лицом, поэтому в чине генерала – «датхо» есть безусые юноши, точно так же мироху-

---

[1] Хамраев М. Очерки истории Хиссарского бекства… – С. 38.

[2] Лилиенталь. – Кап. Хиссарское и Кабадианское бекства, 1889г. //СГТСМА – СПб., 1894. – Вып. 57. – С. 319.

[3] Арандаренко Г. А. Досуги в Туркестане. – С. 448.

[4] Об этом подробно см.: Семенов А. А. Бухарский трактат о чинах и званиях; Его же: Очерк устройства…; Юсупов Ш – Очерки истории Кулябского бекства; Хамраев М – Очерки истории Хиссарского бекства и др.

[5] См.: Азизкулова Г. С. Цикл лекций… – С. 32.

ром бывают 14 и 15-летние мальчики»[1]. Известно, что в эмирате существовал единый для всех закон – шариат, который регулировал правовую жизнь населения. Это был и уголовный и гражданский кодекс страны. Поскольку другого законодательства, кроме шариата не существовало, регулирование поведения людей по шариату было поручено духовенству.

В системе государственного управления Бухарского эмира существовали следующие высокие должности духовенства, которые сильно влияли на политику государства и обеспечение внутреннего порядка:

1. Советник эмира по шариату, который во время приёма находился рядом с ним и постоянно давал ему консультации по вопросам шариата. На эту должность назначались «охунд» или «аъзам», которые считались учёными из учёных.

2. Шейх-ул-ислам – высшая судебная должность в Эмирате. На эту должность назначались лица из числа садри аъзама, «ходжаи саодата». Во время каких-либо приёмов или церемоний шейх-ул ислам сидел с левой стороны эмира и считался вазиром левой руки. К концу XIX в. эта должность утратила своё значение и его функция перешла к кази калону[2].

3. Кази-калон – лицо, осуществляющее правосудие на территории Эмирата, его должность можно было приравнять к должности министра юстиции[3].

4. Муфти – высшая консультационная должность по вопросам шариата. Главным образом, занимался составлением юридических справок, являлся советником кази-калона.

5. Раис – исполнял функции полицейского, торгового инспектора, занимался делами мазаров, мечетей, медресе и школ.

Вышеуказанные должности предусматривали наличие заместителей (наибов), которых назначал сам эмир. Все они имели при себе многочисленных агентов, исполнителей, секретарей-редакторов. Например, мы уже отмечали, при кази-калоне рабо-

---

[1] Варыгин М. А. Опыт описания Кулябского бекства. – Петроград. 1916. – С. 796.

[2] См.: Семенов А. А. Бухарский трактат. – С. 319; Его же: Очерк устройства... – С. 13.

[3] Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 45.

тали 150 человек, а при раисе – 100 исполнителей[1].

На территории ханства правосудие осуществлял кази-калон, которого на эту должность специальным указом назначал сам эмир, любое его решение считалось окончательным и не подлежало обжалованию.

Из вышеуказанных духовных должностей, раису в большей степени были свойственны функции полицейского, поэтому о нём мы будем говорить более подробно. Раис считался важным духовным чином, исполняющим духовно-полицейские обязанности. Ему были подведомственны как преступления против благочестия и общественного порядка, так и против нравственности и религиозных обрядов. Он следил за общественным порядком, исполнением религиозных обрядов населением и нравственным поведением людей, даже имя его внушало страх каждому, не исключая должностных лиц, как военных, так и гражданских. По существу, раис являлся лицом, карающим за преступления, совершаемые в области злостного нарушения мер, веса и длины, несоблюдения тех или иных обрядов религии, незнания молитв обывателями и т.д[2].

Раис обычно два раза в день, поутру и перед вечером объезжал город. Он останавливал проходящих мусульман, заставлял их повторять предписания из Корана. «С восточной пышностью приезжал ишан-раис на базар, – пишет И. Крыльцов, – в сопровождении свиты для проверки весов у продавцов. В случае обнаружения преднамеренного обмера или обвеса ишан-раис тут же наказывал виновных, производя экзекуцию... плетью (даррой). Если избиваемый начинал кричать, то отдавался приказ начать удары снова с вычетом уже полученных ударов из счетов...». Избиение не превышало 39 ударов[3]. По верному утверждению А.Маджлисова, «когда вникнешь в содержание работы раиса, то становится ясно, что в своих руках он сосредоточил функции инспектора торговли[4], контроля за действием школ и медресе, а

---

[1] Семенов А. А. Бухарский трактат. – С. 319.

[2] Ишанов А. И. Бухарская Народная Советская Республика. – С. 70.

[3] Крыльцов И. И. Государственное управление – С. 50 – 51.

[4] Наблюдая ежедневные многочисленные случаи и факты обвеса покупателей, мошенничества и обмана со стороны продавцов, воровства, разбоя и других неприглядных явлений, которые встречаются на каждом шагу на сегодняш-

также выполнением закона шариата населением и т.п. Все преступления, которые не носили серьезного уголовного характера, подобно обману во время торговли, нечтению молитв и несоблюдению уразы (мусульманский месячный пост), лишению детей и женщин наследства и запрещению учиться, неуплаты налогов и целому ряду других – всё это входило в ведение раиса»[1].

Кроме центрального аппарата, во всех 27-28 бекствах эмирата также назначались (эмиром) кази и раис. Указом эмира в бекства назначались только те раисы, которые могли совместить с этой должностью и обязанности казия, а все другие являлись номенклатурой бека и выполняли целый ряд дополнительных работ. Каждые бековские раисы имели по 2-3 наиба (заместителя), 20-30 человек муллазимов, и ему подчинялись все имамы мечетей, шейхи мазаров и учителя мактабов. Наибы выполняли функцию раиса на мелких территориальных участках, а муллазимы являлись агентами и палачами самого раиса[2]. Раис и его люди в любое время могли оказаться на базаре, они интересовались мерой и весом, мнением о товаре у покупателей, в случае обнаружения обмана виновников подвергали избиению и штрафу; задерживали людей и заставляли их читать молитвы (каждый мусульманин должен был знать наизусть главные положения шариата, изложенные в книге «Фарзи айн», которая состояла из 34 страниц)[3]. Если кто-то не знал требуемого, то его также подвергали телесному наказанию. Наказывали воров и тех, кто не платил государственную подать и не выполнял повинности, не пускал детей в школу, не выполнял своих обязанностей по благоустройству мечетей, государственных зданий, дорог и др. Одно появление раиса и его людей вызывало неимоверный страх не только у преступников, но и у людей, которые ни в чём не были виноваты. Только те люди, которые приносили подарки или давали деньги, скот и другие взятки, освобождались от наказания и штрафа.

Поскольку раисы и кази назначались из сеидов или потомков

них базарах, невольно в голову приходит мысль о необходимости введения должности раиса – надзирателя базаров, хотя в их деятельности было немало недостатков.

[1] Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 65.

[2] Там же. – С. 66.

[3] Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 66.

пророка, и считалось, что у них репутация нравственного и порядочного во всех отношениях человека, то их за деятельностью никто из вышестоящих должностных лиц не осуществлял никакого контроля, они позволяли себе обогащаться за счёт ограбления народных масс. Раскрывая подлинное лицо «столпов правосудия» и законности Бухарского Эмирата, просветитель Ахмад Дониш справедливо писал: «... кази и раис постоянно творят насилие и обижают людей, лицемерят и благоволят богачам... конфискуют имущество бедных в пользу эмирской казны, выносят приговоры об имуществе, принадлежавшем сиротам, присваивают имущество, оставшееся без наследников. Можно утверждать, – продолжает автор, – что кази и раис не выносят ни одного законного решения, что все их решения полностью незаконны и сомнительны»[1].

Казии и раисы всячески стремились угодить эмиру и беку для того, чтобы прикрыть свои преступные действия, и поэтому в год по нескольку раз (особенно в случае свадьбы, поездки эмира в Россию, военного похода и т. д.), они приносили эмиру разные подарки[2].

В эмирате было 67 казиев и 68 раисов. В некоторых случаях должности кази и раиса объединялись и их именовали кази-раисами. Так было, например, в ряде мест юго-восточных районов дореволюционного Таджикистана в Курган-Тюбе (мулло Каримберди-кази), Кабадиане (кази мулло Мухаммад Мансур), Регар (кази мулло Мухаммад Ашур), а также во многих селениях Каратегинского и Дарвазского бекств[3].

Русский исследователь П. Гаевский, посетивший Курган-тюбинское бекство в 90-х гг. XIX в., видимо, не обратил внимания на то, что функции раиса и кази совмещены, и ошибочно утверждал, что «должность раиса (блюстителя шариата) является обычной в других бекствах, в Курган-тюбинской нет...»[4]. Однако накануне установления советской власти в Курган-Тюбе была

---

[1] Ахмад Дониш. Путешествие. – С. 227.
[2] Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 66.
[3] Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 54-55.
[4] Гаевский А. Кургантюбинское бекство. – С. 14 – 17.

введена должность раиса[1]. В Кулябе, Бальджуане, Гиссаре, Ховалинге и Денау работали и казии, и раисы. В 1898 г. исследователь А. А. Семёнов был очевидцем того, как раис в Кулябе при встрече на дороге с мальчиком спросил у него, знает ли он молитвы, оказалось, что молитв мальчик не знает. Тогда раис начал бить его палкой по спине[2].

Должности кази и раиса существовали и в отдельных амлокодорствах, и они выполняли те же функции, о которых мы писали выше.

Из всех названных должностей, как видим, чисто полицейскими являлись должности миршаба и раиса. По характеру исполнения их функции были одинаковыми, но первый в основном действовал в городе, а второй – в сельской местности[3].

По замечанию С. Айни, полицейские не получали определённого содержания из государственной казны, напротив, вынуждены были преподносить различные подарки эмиру и содержались за счёт доли доходов, получаемых от публичных домов и воровских компаний[4]. Преступная деятельность не только не каралась представителями властей эмира, но и покровительствовалась всеми полицейскими чинами, начиная от главного миршаба города Бухары до простого полицейского патруля.

Ни для кого не было секретом, что во всех судебно-полицейских кругах была широко распространена коррупция. При последнем бухарском эмире Саиде Алимхане она вообще приняла открытый и массовый характер. Именно так организовывался государственный аппарат эмирата. «Я видел, – вспоминает С.Айни, – как эмир по личному желанию и своей воле официальным приказом назначил одного хокимом, другого казием, третьего миршабом и четвёртого раисом. А эти хакимы, казии, миршабы и раисы, в свою очередь, по своему желанию и воле назначили одного амином, другого – арбобом, третьего – аксакалом, четвёртого – мирабом и т.д.»[5].

---

[1] Юсупов Ш. Т. Вахшская долина. – С. 24.
[2] Семенов А. А. По границам Бухары и Афганистна. – С. 961.
[3] Маджлисов А. Аграрные отношения. – С. 65.
[4] Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. – С. 17-18.
[5] Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро. – С. 16; Его же: Выборы // Коммунист Таджикистана, 1950, 12 февр.

Отсутствие штатно-окладной системы и контроля за действиями чиновников всех рангов, а также покупаемость должностей порождали взяточничество, и злоупотребления в стране не знали предела. Например, в донесении Российского политагентства в Бухаре от 10 апреля 1891 г. на имя Туркестанского генерал-губернатора пишется следующее: «Народ в угнетённом состоянии, ишан и кази-калон и ишан – раис очень много берут взяток с народа, вследствие чего жалобы и просьбы увеличились. Миршаб, в свою очередь, задерживает людей, обвиняя их в том, что они проводят время по ночам с бачами (мальчиками), их арестовывает, а затем берёт с них выкуп и освобождает"[1].

Ахмад Дониш также писал: «... эмир и визирь, улемы и военачальники были похожи друг на друга... Если присмотреться к ним хорошо, то эмир некто иной, как развратник и кровожадный тиран, казий – заядлый взяточник и вымогатель, раис – продажный сводник и безбожник, а начальник стражи – пьяница и игрок, атаман разбойников и главный вор»[2].

Деятельность судебно-полицейских органов немыслима без различных форм наказания и тюрьмы, где содержались виновные.

В Бухарском Эмирате существовали различные формы наказания виновных, о которых сообщает русский исследователь Н. Стремаухов. Сведения автора относятся ко временам эмира Музаффархана (1860-1885). По утверждениям очевидца, изобретательная способность Музаффархана в придумывании наказания по жестокости не уступала никакой инквизиции. Первое место между наказаниями занимали: клоповная яма (зиндан), колодец и башня[3]. Н. Стремаухов даёт подробное описание каждого из них в отдельности.

Пытки преступников (так обычно назывались виновные в Эмирате) совершались в следующих формах: поджаривание на раскалённых подносах, отрубливание носов, ушей, рук и ног, выкалывание глаз, выдёргивание ногтей, волос и языков, прижигание раскалённым железом, разламывание молотком суставов и

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. И. – 3, оп. 1, д. 16, л. 61.
[2] Ахмади Дониш. Путешествие. – С. 83.
[3] Стремаухов Н. Поездка в Бухару. – С. 683.

многое другое.

Если наказание за воровство и другие уголовные преступления назначались верховным судьей, то смертная казнь осуществлялась лишь с ведома и санкции эмира особым палачом[1]. Палач брал осуждённого за голову, читал молитву и перед народом перерезал ножом горло. Обычно для казни выбирался базарный день, и труп казнённого, в назидание народу, лежал два дня.

Право вынесения смертной казни, кроме самого эмира, имели только гиссарские беки, которые назначались эмиром из среды его влиятельных бухарских сановников. Смертная казнь была применена эмиром впервые в Гиссаре при покорении его эмирскими войсками (в 1868г.). Тогда были казнены 5 тысяч человек.[2] Об одном из видов наказания сообщает Д.Н.Логофет преступников сбрасывали с «башни смерти» (большая башня Бухары)[3].

Русские дореволюционные исследователи, как очевидцы, писали не только о различных формах наказания и процедурах их исполнения, но и о состоянии мест содержания заключённых – зинданов, которые они называют «клоповниками». Согласно их сведениям, кроме столицы Эмирата, в каждом бекстве имелись зинданы, представляющие собой громадные ямы, над которыми возвышались высокие глинобитные стены с одним узеньким оконцем. Вот как описывает зиндан Гиссарского бека в конце XIX в. Д.Н.Логофет: «Мы, выходя из бекского дома... в сопровождении ясаулбаши, двинулись по узеньким переходам, спускаясь куда-то всё ниже и ниже. Тёмные коридоры едва освещались небольшими бойницами в толстых стенах. Спёртый горячий воздух затруднял дыхание. Ещё несколько ступеней вниз, и мы очутились в сводчатых подвалах, где лёжа и сидя виднелись тёмные человеческие фигуры. Лязганье кандалов нарушало тишину. Здесь сидели совершившие небольшие преступления, сроком на один и два года... В следующем подвале, где воздух до того был пропитан миазмами, что трудно было дышать, находились заключённые, совершившие различные более тяжёлые преступле-

---

[1] Семенов А.А. Очерк устройства... – С. 52.
[2] Стремаухов Н. Поездка в Бухару. – С. 684.-685.
[3] Логофет Д.Н. Из путевых очерков по Восточной Бухаре // Военный сборник. 1910. – №2. – С. 286.

ния, прикованные за шею к стене. Еще ниже освещенный косыми лучами солнца, падавшими сквозь узкую бойницу, виднелся какой-то колодец, казавшийся бездонным. Сюда опускались те, которые совершили самые тяжёлые преступления, и они уже никогда не выходили из этого ада. Откуда-то снизу слышались человеческие стоны»[1].

Как и в других бекствах, места заключения были и в Кулябском бекстве. Городская тюрьма находилась во дворе бека. «Единственная в стене дверь, – пишет А. А. Семёнов, посетивший Куляб в конце XIX в., – была входной аркой губернаторского (т.е. бекского. – А.Р.) дома. Внутренность Кулябской тюрьмы представляет громадную яму, над которой возвышаются высокие глинобитные стены с одним узеньким оконцем. Ослизлая солома валяется на сыром полу. Воздух необыкновенно спёртый и удушливый»[2]. О положении пленников автор далее пишет: «Длинная железная цепь сковывает их шеи так, что если одному нужно было сесть, лечь или нагнуться, то это должны были сделать и все остальные. Свои физиологические отправления заключённые делали в тюрьме же...»[3]. О тяжёлом положении узников сообщает и М. Варыгин: «На ночь их (заключённых. – А.Р.) заковывают в общее бревно, куда вкладываются ноги, между двумя половинами, приходится лежать на спине, почти не поворачиваясь в продолжении 12 часов, так как заковывают при закате солнца и освобождают при восходе его» [4]. Аналогичная подземная тюрьма (зиндан) имелась и в дореволюционном Душанбе[5].

В зиндан можно было попасть даже за плохое обращение с домашними животными. Ш.Юсупов приводит рассказ одного из старожилов города: «Как-то в огород нашего рассказчика пробралась корова и стала топтать бахчу. Хозяин взял палку и стал выгонять корову. В это время во двор вошёл хозяин коровы, отправившийся на поиски. Им оказался сам миршаб. Он увёл корову, а вскоре в дом пришёл шабгард (полицейский) и забрал хо-

---

[1] Логофет Д.Н. В горах и равнинах Бухары (Очерк Средней Азии) – СПб, 1913. – С. 252 – 253.
[2] Семенов А. А. По границам... – С. 961.
[3] Семенов А. А. По границам... – С. 961.
[4] Варыгин М. Опыт описания... – С. 797.
[5] См.: Юсупов Ш. Т. К истории дореволюционного Душанбе. – С. 32 – 33.

зяина в миршабхону. Его стали бить палкой. После 5 ударов он выхватил её из рук палача, но там было много людей миршаба, которые быстро его свалили и, связав руки, отвели в зиндан. Тут на ноги ему надели колодки, а на шею накинули цепь. Вечером родные принесли узнику еду, но он не мог есть: мешала цепь. Только сделав миршабу солидное подношение, родственники смогли освободить нашего рассказчика»[1].

Установление протектората российской царской власти над Бухарским Эмиратом не внесло существенных изменений во внутреннюю жизнь страны. Власть эмира, с одной стороны, была безраздельной, а с другой – он старался угодить представителям царской власти.

В записке, составленной Российским политагентом в Бухаре П.М. Лессаром в 1890 г., пишется, что «система, принятая нами по отношению к ханству, заключается в полном невмешательстве в его внутренние дела...»[2]. Однако, несмотря на это, бухарские эмиры, понимая свое бессилие перед военным могуществом царизма, «добровольно» стали верными вассалами России и в отношении ее проводили верноподданическую политику. Эмир лишился прежней самостоятельности не только во внешних отношениях, но и в управлении внутри государства. Он был во всех отношениях зависим от представителя императорской власти в Средней Азии – Туркестанского генерал-губернатора[3].

Вмешательство царской России во внутренние дела Бухарского Эмирата ещё более усилилось в начале XX столетия. Более того, в последние годы правления Абдулахада (т.е. в 1910 г. – А.Р.) вблизи Бухарских ворот со стороны правительства Туркестанского генерал-губернаторства – был назначен на должность пристава человек, который открыл колониальную контору. Эта контора без всякого официального разрешения в любое время могла произвести обыск дома любого бухарца и конфисковать некоторые предметы, подлежащие запрету. Известно, что после такого отношения, т.е. грубого вмешательства во внутренние дела Бухарского Эмирата, о каком либо суверенитете официальных

---

[1] Там же. – С. 33.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 3, оп. 1, д. 20, л. 149.
[3] См.: Хотамов Н. Б. Свержение эмирского режима в Бухаре. – С. 124.

властей не могло быть и речи[1]. Вспоминая об этом, С.Айни пишет следующее: «Особенно когда во главе этого управления приставом был назначен человек по имени Вильман, спокойствие и безопасность окончательно исчезли. В поисках оружия он врывался в любой дом и мог унизить каждого»[2].

Накануне и особенно в период первой мировой войны Турция, являясь союзницей Германии, усилила агитацию и пропаганду с целью объединения мусульман Центральной Азии, в том числе и Бухарского эмирата против России. Кроме того, Турция под видом дервишей, маддохов и мулл посылала своих эмиссаров с целью сбора пожертвований у населения Бухарского Эмирата[3]. Поэтому царское правительство для обеспечения безопасности своего государства повсюду усилило полицейский надзор и преследование в Бухарском Эмирате. И правильно замечает устод Айни, что «во время войны гонения и преследования царской тайной полиции (охранки) и действовавшего с ней заодно эмирского аппарата ещё больше усилились... По приказу царской охранки эмирское правительство насадило своих агентов в каждом квартале, где, по их сведениям, был хотя бы один или два человека, говоривших о политике или читавших газеты... Ежедневно подвергались обыску несколько домов. Немало людей было арестовано по приказу эмира»[4].

Несмотря на колониальный характер протектората царской России над Бухарским ханством, включение эмирата в состав, по выражению Ахмада Дониша, цивилизованного государства,[5] являлось историческим прогрессом. Однако установление протектората царской России не привело к осуществлению мечты Ахмада Дониша – «к избавлению от животноподобных правителей, которые величали себя эмирами и везирями, могли своевольно вытворять с населением, что хотят»[6].

Таким образом, можно утверждать, что, как и на других тер-

---

[1] См.: Айни С. Таърихи амирони мангития. – С. 130; Его же: Таьрихи инкилоби Бухоро. – С. 125.
[2] Айни С. О моей жизни. – С. 50.
[3] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 2246, л. 30.
[4] Айни С. О моей жизни. – С. 85.
[5] Ахмади Дониш. Путешествие. – С. 77.
[6] Там же. – С. 75.

риториях Бухарского эмирата, в Восточной Бухаре, начиная от бека и кончая последним аксакалом, все чиновники также являлись наблюдателями и надзирателями традиционного порядка в стране. Подобная система обеспечения порядка в центральных и южных районах дореволюционного Таджикистана сохранялась до свержения Бухарского режима и установления советской власти.

§ 2. ПОЛИЦЕЙСКАЯ СЛУЖБА В СЕВЕРНЫХ РАЙОНАХ ДОРЕВОЛЮЦИОННОГО ТАДЖИКИСТАНА И НА ПАМИРЕ

Вопросы управления вновь завоеванными территориями Средней Азии стали в центре внимания правящих кругов царского правительства ещё в ходе операции, и поэтому вслед за овладением первыми же районами в марте 1867 г. был создан особый комитет под председательством военного министра для рассмотрения вопроса административного устройства среднеазиатских владений. На этой территории, с целью управления и подчинения, было образовано в 1867 г. Туркестанское генерал-губернаторство[1] с административным центром в Ташкенте в составе двух областей – Семиреченской и Сыр-Дарьинской.

В 1876 г., после ликвидации Кокандского ханства, на его территории была образована Ферганская область, в состав которой вошли Канибадамский, Исфаринский и Аштский районы.

Почти через десять лет, на основе нового «Положения об управлении Туркестанским краем» от 1886 г., бывший Зарафшанский округ с 1 января 1887 г. был преобразован в Самаркандскую область, к которой в том же году был присоединен Ходжентский уезд[2]. Таким образом, в состав Туркестанского генерал-губернаторства по нынешнему административному делению из районов Северного Таджикистана входили: Ходжентский, Исфаринский, Аштский, Пенджикентский, Пролетарский, Науский, Матчинский, Айнинский районы, города Ходжент, Ура-Тюбе,

---

[1] Генерал-губернаторство как административно-территориальная единица была введено в России ещё с 1775 года.

[2] Гейер И. И. Путеводитель по Туркестану. – С. 226, 236-237.

Канибадам, а также часть территории Памира. На всей этой территории Туркестана постепенно получило распространение императорское законодательство. Царское правительство сохранило структуру феодальных отношений, но правление стало военно-феодальным, в результате чего была (формально) ликвидирована государственность с её центральными, частично местными органами, а вместо них была образована система колониального управления, которая функционировала на основе законов Российской империи [1].

Руководство управлением края осуществлялось сначала на основе временного «Положения», утвержденного Александром II 14 июля 1867 г.,[2] а потом «Положением об управлении Туркестанским краем» (далее «Положение...)», утвержденным 12 июня 1886 г. Это «Положение» стало постоянным и с некоторыми изменениями действовало до установления советской власти в Средней Азии. На основе этих «Положений» во всём крае установился принцип военно-народного управления, где основными условиями для административного устройства была признана неразделность власти, административное и военное соединение её в одних руках.

Согласно «Положению ...», управление краем, за исключением судебного, финансового и почтово-телеграфного ведомств, находилось в ведении военного министерства Российской империи[3], тогда как управление областями внутри России осуществлялось администрацией Министерства внутренних дел. Кроме того, был образован Туркестанский военный округ[4].

Необходимо отметить, что сущность управления Туркестанским краем еще тогда подвергалась серьезной критике со стороны русской передовой общественности. Например, один из крупных русских исследователей Средней Азии М. И. Венюков, говоря о характере управления Туркестанским краем, еще в 1875 г. писал, что край «состоит исключительно в ведении военного ми-

---

[1] История Таджикского народа. – Т. 2, Кн. 2. – С. 138.
[2] ЦГА РТ. Ф. 1348, оп. 1, д. 1, л. 1.
[3] Свод законов Российской Империи в двух томах. – Т. 2. – Ч. 1. – М., 1899. – С. 233 (Далее: Свод законов...)
[4] История Таджикского народа. – Т. 2. – Кн. 2. – С. 138.

нистерства, как будто он военное поселение... Огромное число военных офицеров очень мало знакомы с законами не только мусульманскими, но и русскими, и несмотря на то, занимающими ныне гражданские должности в крае, было бы невозможно, если бы замещение вакансии не производилось исключительно военным ведомством»[1].

Царизм рассматривал Среднюю Азию как неспокойную территорию, а административный аппарат, управляющий ею, – как вооруженный лагерь среди враждебного населения. Кроме того, решение судьбоносных вопросов народов этого края была поручена генералам. Военизация аппарата управления была вызвана тем, что Туркестан являлся колонией и поэтому управлялся через военного министра Российской империи, который должен был обеспечить здесь «порядок», установив военно-феодальный режим и сосредоточив в руках генерал-губернаторов областей и уездных начальников всю полноту военной и гражданской власти[2].

На основе золотого ярлыка – царского указа 1867 г., а также «Положения об управлении Туркестанским краем» – Туркестанскому генерал-губернатору были даны необычайно широкие полномочия вплоть до объявления войны, заключения мира с соседними государствами, вся власть была сосредоточена в его руках. Он же являлся командующим войсками Туркестанского военного округа. Генерал-губернатор являлся верховным властителем, воплощающим полноту военной, административной и полицейской власти. Имея неограниченные права по отношению к местному населению (согласно статье 1.Б «Положения...»), губернатор мог «выслать вредных по политической неблагонадёжности туземцев... по соглашению Министра Внутренних Дел империи, сроком до 5 лет и предать их военному суду за тяжкие преступления, как например, за сопротивление властям и др.»[3]. Генерал-губернатор (согласно статье 10 «Положения»...), назначался и

---

[1] Венюков М. И. Россия и Восток. (Собрание топографических и политических статей). – СПб, 1877. – С. 170 – 171.
[2] История Таджикского народа. – Т. 2, Кн. 2. – С. 141.
[3] Свод законов. – С. 235.

увольнялся по непосредственному усмотрению императора [1].

Туркестанское генерал-губернаторство, как и другие территории России, по административно-территориальному делению было разделено на области – губернии. Областями управляли военные губернаторы, и при них состояло областное управление. Должность губернатора области являлась сугубо военной, и поэтому, согласно статье 45 «Положения…», военные губернаторы назначались и смещались по представлению военного министра с предварительным согласованием с МВД и генерал-губернаторством[2], а его помощник назначался военным министром по представлению генерал-губернатора.

Военный губернатор области тоже обладал большими правами, ему были представлены более широкие полномочия, чем губернатору в самой России[3]. Это было обусловлено тем, что местные условия Туркестанского края были весьма своеобразны и русская администрация существовала здесь недавно, так что предусмотреть, определить и оговорить в законе все вызываемые местными особенностями понятия пока ещё не было никакой возможности, и поэтому областной администрации был дан в этом отношении некоторый простор[4].

В свою очередь, каждая область делилась на уезды, во главе которых стояли уездные начальники. Согласно статье 59 «Положения…», в лице уездного начальника было сосредоточено административно-полицейское заведование уездом, причём ему, начальнику уезда, придавались все права и обязанности, принадлежавшие по закону уездному исправнику и уездному полицейскому управлению[5].

При уездном начальнике состояли помощник и канцелярия (статья 60 «Положения…») и начальник, согласно статье 62, назначался и увольнялся генерал-губернатором по представлению

---

[1] Там же. – С. 234.

[2] Абрамов И. Ф. Положение об управлении Туркестанским краем (Свод законов. – Т. II. (Издан в 1892, 1912, 1913 – 1914), г. Ташкент; 1916 – С. 23. (Далее: Абрамов И.Ф. Указанная работа).

[3] История Таджикского народа. – Т. 2, Кн. 2. – С. 140.

[4] Искандаров Б. Восточная. Бухара и Памир в период присоединение Средней Азии к России. – Душанбе: Таджгосиздат. 1960. – С. 182.

[5] Абрамов И.Ф. Указанная работа. – С. 27.

губернатора области[1]. Данная статья гласит, что помощники уездных начальников, участковые приставы и другие члены полиции определяются и увольняются военным губернатором[2].

Согласно статье 61 «Положения…», в уездах для управления в определённом районе и его местным населением была учреждена должность участкового пристава[3], который имел права и обязанности становых[4] приставов[5].

В случае отсутствия или болезни уездного начальника, в исполнение его должности (согласно статье 63) вступает помощник, а за отсутствием или болезни последнего – один из участковых приставов по распоряжению военного губернатора[6].

Права и широкие полномочия уездных начальников, помощников и участковых приставов определялись статьей 64 «Положения…», где было указано, что они имеют право подвергать туземцев наказанию за ослушание и невыполнение законных распоряжений властей и за другие проступки (ссоры, драки, буйства в публичных домах и вообще за нарушение общественной тишины, непочтение и грубость к лицам, облачённым правительственной или общественной властью, непослушание родителям и оскорбление их). За эти деяния уездные начальники подвергали виновных аресту сроком не более 7 дней или денежному взысканию не более 15 рублей. Помощники уездного начальника и участковые приставы – аресту на не более 3 дней или денежному взысканию не свыше 5 рублей. Наказания налагались по постановлениям названных должностных лиц, причём постановление об аресте приводилось немедленно в исполнение[7]. Далее в статье указывалось, что денежные взыскания поступают в особый фонд для обустройства мест заключения в крае.

В 1908 г. по приказу царя, в той местности Туркестанского

---

[1] Свод законов. – С. 238.
[2] Абрамов И.Ф. Указанная работа. – С. 34.
[3] Пристав – в царской России: начальник полиции небольшого административного района.
[4] Стан – в царской России: административно – полицейское подразделение уезда.
[5] Свод законов. – С. 238.
[6] Там же.
[7] Абрамов И.Ф. Указанная работа. – С. 34.

края, где это было признано необходимым, Туркестанским генерал-губернатором на время действия означенного «Положения...» было велено предоставить уездным начальникам, их помощникам и участковым приставам в расширение полномочий право подвергать туземцев наказанию: за неповиновение законным распоряжениям властей и за проступки уездный начальник мог подвергать аресту на срок не более одного месяца или денежному штрафу не свыше 30 рублей, помощник и участковый пристав – аресту на срок не более 2 недель или денежному взысканию не свыше 10 рублей[1].

Согласно статье 65 «Положения...», постановления уездных начальников, их помощников и участковых приставов могли быть обжалованы в течение двух недель, считая со дня постановления[2].

Уездным начальникам подчинялись и воинские части, находящиеся на территории уезда. Кроме того, власть уездного начальника распространялась и на город. Согласно «Положению...» (статья 66), к категории городов относились такие пункты, которые являлись местопребыванием областных и уездных органов власти и «сверх того», из городов дореволюционного Таджикистана к категории городов были отнесены Ура-Тюбе и Пенджикент[3].

Каждый город, населённый туземцами, делился на отдельные части, число которых определялось по постановлению областного правления[4]. Высший полицейский надзор в городе вверялся старшему аксакалу, назначаемому Военным губернатором из числа туземцев, в ведении которого находились низшие полицейские служители также из числа туземцев. Всё содержание полицейских частей в туземных городах относилось на счёт городских доходов.

Согласно статье 71 «Положения...», в городах и их частях Туркестанского края, населённых туземцами, старший аксакал и аксакалы имели право подвергать наказанию подведомственных

---

[1] Там же. – С. 35.
[2] Свод законов. – С. 238.
[3] Там же. – С. 239.
[4] Абрамов И.Ф. Указанная работа. – С. 49.

им обывателей за совершённые ими маловажные проступки[1]. На основании этой же статьи избрание старшины производилось съездом на городских выборах на срок и в порядке, установленном для выбора волостных управителей. На городских старшин возлагались все те обязанности, которые лежали на волостных управителях. За преступления и проступки по должности, определенные в статье 71 п.3, старший аксакал и городские старшины привлекались к ответственности тем порядком, каким и волостные управители.[2]

Как известно, в большинстве городов Туркестана, в том числе и в дореволюционном Таджикистане, постепенно появилась так называемая «Русская часть». Для исполнения низших полицейских обязанностей в русских частях городов (согласно статье 72 «Положения...») образовывались команды полицейской стражи из вольнонаёмных людей. [3]

Правила устройства полицейских команд в городах были таковы:

1. В городах, где имеется более многочисленное население, число городовых[4] определяется по расчёту, полагая не более одного городового на каждые 500 душ населения обоего пола.

2. В числе каждых 5 городовых полагается один со званием старшего, остальные носят звание младших.

3. Численный состав полицейской команды определяется для каждого города в установленных пунктах 1 и 2 сего правила.

4. Расходы на содержание полицейских команд относятся полностью на средства городов, на обязанности которых остаётся также отвод или наём городовых помещений с отоплением, освещением, снабжением этих чинов вооружением (шашкой и револьвером) и пользование их в больнице...[5].

Согласно сведениям архивных документов, состав полицейской команды города Ходжент с января 1876 г. был увеличен до 15 человек. Среди них был старший полицейский Матвей Пент

---

[1] Свод законов… – С. 239.
[2] Там же. – С. 240.
[3] Там же.
[4] Городовой – в царской России нижний чин городской полиции.
[5] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 1285, л. 4, 4об.

(получал 10 рублей в месяц) и рядовые: Т. Евдокимов, А. Шубин, Антон Сибирский, Иван Чернов, Пётр Гришин, Илья Гурьев[1]. В 1882 г. численный состав Ходжентской полицейской команды увеличился до 18 полицейских.[2]

В декабре 1895 г. закончились оформление всей документации и постройка полицейского дома в Ходженте около большого базара. Постройка полицейского дома с общей камерой на 5-6 человек, комната для старшего полицейского надзирателя, комната для полицейских от 4 до 5 человек, с общей кухней, отдельный навес и кладовая потребовали 6611р.2 коп. из городского бюджета[3].

В постройке полицейского дома участвовали мастер Файзи Юлдашбаев (в сентябре 1898 г. за произведённые плотнические работы получил 100 руб.), кузнец Сулайман Назар Мухамедов, кладчик Пётр Назаров и многие другие[4].

Полицейская команда действовала и в городе Ура-Тюбе. Старшим полицейским города был Николай Курганов, младшими – Митрофан Голубев, Шодибой Джонмахмедов и 6 младших конных полицейских – Ишанбай Ризакулов, Бободжан Наджимахов и пешие полицейские Бобо Шарабаев, Шорустам Хасанов[5].

Области делились на участки. Например, Ферганская область была разделена на 21 участок, а Самаркандская – на 11. Административно-полицейскую власть на этих участках представляли участковые приставы, полицейские приставы и полицмейстеры[6].

В «Положении об управлении Туркестанским краем» отмечалось, что в городе Ходжент состоит полицейский пристав, который подчиняется на общих основаниях Ходжентскому уездному начальнику[7].

В обязанности полицейского пристава входило в основном следующее: принятие мер к охране общественного порядка; наблюдение за скорым и точным исполнением законов, постанов-

---

[1] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 2481, л. 19.
[2] Там же, д. 74, л. 22.
[3] Там же, д. 1580, лл. 1 – 5.
[4] Там же, лл. 45, 48.
[5] Там же, д. 331, л. 4об.
[6] Полицмейстер – начальник полиции в крупных городах царской России.
[7] ЦГА РТ. Ф. И. 6, оп. 2, д. 1, л. 3.

лений и предписаний начальства (сверху донизу), приведение в исполнение судебных приговоров; розыск беглых, бродяг и беспаспортных; установление надзора полиции за лицами, сосланными на поселение, выдача и прописка паспортов, сбор необходимых статистических сведений по городу; наблюдение за своевременным сбором налога с населения; за проведением мобилизации нижних чинов в армию; производство дознания по происшествиям и доклады о них вышестоящему начальству.[1] Кроме того, участковые приставы должны были представлять «Ведомость о происшествиях» (два раза в месяц) начальнику уезда[2].

Обязанности участковых и полицейских приставов, полицейских команд и всех чинов полиции не ограничивались тем, что было определено и указано в «Положении» и других инструкциях. Их использовали в различных мероприятиях, даже в борьбе против саранчи. Например, в 1893 и 1894 гг. все чины полиции активно участвовали в борьбе против саранчи[3].

Весной 1898 г. был поднят вопрос о формировании конной милиции. В своём пояснении командующий войсками округа от 11 марта 1898 г. начальнику Ходжентского уезда сообщает следующее: «... рассмотрев мнения по вопросу о формировании конной милиции из местных жителей, не признали возможным формировать... и разрешить собирать милицию – джигитов только в случае войны и на первое время ограничиться формированием двух сотен, предназначенных в состав Амударьинского отряда. Сообщая о сем, прошу донести: 1) сколько джигитов – добровольцев по народностям явится по призыву в случае войны на службу вверенного Вам уезда на собственных лошадях со своим снаряжением с обязанностью содержать себя и коня за плату от казны 25 рублей в месяц; 2) какое собственное вооружение джигиты могут иметь при себе; 3) где представляется более удобным назначить сборные пункты джигитов. Сведения эти прошу сообщить безотлагательно с приложением именного списка изъявивших желание служить в качестве джигитов»[4]. Однако неизвестно,

---

[1] Там же, л. 4, 4об.
[2] Там же, Ф. И. 1, оп. 1, д. 336, л. 1.
[3] ЦГА РТ. Ф. И. 6, оп. 2, д. 392; л. 18, д. 422, л. 43.
[4] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 578, лл. 1 – 2.

сформировалась эта команда или нет.

Одной из главнейших задач полиции, как одного из органов государственного управления, была борьба против различного рода преступлений.

Прежде чем говорить о борьбе полиции с преступностью, считаем необходимым коротко остановиться на формах и классификации преступлений, распространенных в конце XIX и начале XX вв. по всей территории России.

Было распространено 60 наименований преступлений[1] имевших место в дореволюционном Таджикистане. К уголовной ответственности привлекались такие преступники, как аферисты (мошенники), барышники, бродяги, воры, конокрады, скотокрады, железнодорожные воры; поездушники (специалисты, совершавшие кражи багажа, главным образом у лиц, спешащих на вокзал или с вокзалов), кукольники; подделыватели древностей и антикварных редкостей; подделыватели разных документов, актов, подписей, печатей, фальшивомонетчики – подделыватели кредитных билетов, металлических денег (танга), купонов, акций, шантажисты, шулера – лица, занимающиеся нечестной игрой в карты и т.д.[2].

В Ходжентском уезде с начала XX в. динамика совершаемых преступлений имела тенденцию к увеличению из года в год. Для доказательства сказанного приведем следующие статистические данные: но всему уезду число уголовных дел по годам составило: в 1910г. – 554, в 1911г.– 693, а в 1912г.– 1063. (См.: приложение 2).

Для того чтобы выяснить, какие виды преступлений были характерны в эти годы, обратимся к рапорту участкового пристава Исфанейского участка на имя Ходжентского уездного начальника от 20 мая 1913 г.: «Население участка составляют преимущественно таджики (сарты)… и незначительная часть русских, грузин, армян, а в общем количестве 48000 душ». Преступность же на участке (по статистическим данным) отражена в приложении 3

---

[1] Там же, Ф. И. 6, оп. 1, д. 14, л. 217.

[2] ЦГА РТ. Ф. И. 6, оп. 1, д. 14, л. 17. Использованные тексты архивных документов приводится нами здесь и далее в оригинале, без редактирования и корректуры: А.Р.).

(структура таблицы нами немного изменена).

Как видно из таблицы, наиболее характерными видами преступлений являлись убийства, грабежи, кражи и выступления против распорядка управления и спокойствия. Распространёнными видами преступлений, совершаемых населением, были конокрадство, скотокрадство и разбои.

Летом 1883 г. на территории Ходжентского уезда между Джизахом и Ходжентом появилась разбойничая шайка, которая всё время грабила караваны.[1] Вот отрывки из некоторых рапортов полицейских приставов, адресованных на имя Ходжентского уездного начальника, где указывается на преступные деяния той же разбойничей шайки: 22 июня на аробейной дороге Джизаха и Ходжента убили двух туземцев и один пропал без вести; 14-15 августа какая-то шайка грабителей вела преследование по почтовому тракту, между станцией Агачты и Уч-Тюбе проезжающих татар Файзрахмона Лухадиева и Магомеда Хафиза[2].

После принятых оперативных мер 12 сентября 1883 г. банда грабителей и конокрадов была задержана. «Шайка, – пишет в своём рапорте Джизахский полицейский пристав уездному начальнику, – состояла из туземцев Нуратинского уезда Пекентской волости во главе с Закирбаем Джантылевым, где находились под покровительством туземной администрации"[3].

Одной из немаловажных задач полиции являлся поиск беглых преступников. Через департамент полиции МВД по всей территории России разыскивались даже иностранные государственные преступники. Вот один из таких документов, разосланный через департамент полиции в Ходжентский уезд 2 ноября 1894 г.: «Прибывший в Санкт-Петербург румынский посланник обратился с ходатайством о розыске и предварительном задержании скрывшегося из Бухареста майора румынской армии Поэнаро, похитившего из казны значительную сумму. Приметы: высокого роста, несколько лысый, хромает на правую ногу, ходит или на костылях или с двумя палками. Сообщая о вышеизложенном, департамент полиции имеет честь просить... сделать распоряжение

---

[1] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 78, л. 15.
[2] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 78, л. 19.
[3] Там же, лл. 20, 20об, 21.

о розыске и задержании майора Поэнаро и о последующем не отказать уведомить»[1]. Кроме того, департамент полиции МВД России по всем полицейским участкам разослал поимённый список и приметы скрывавшихся от полиции преступников.

Во всех городах Российской империи действовали «публичные дома». Так, в городах Ходжент и Ура-Тюбе официально функционировали «публичные дома», что противоречило нормам шариата, морали и обычаям местного населения.

«Публичный дом», который существовал в Ходженте, находился за местечком Урдаи Чоршанбе, и называли его по-местному «Пушти Урда».[2] Раньше за проституцией не осуществлялось должного надзора, а она, как известно, была главнейшим источником распространения в городах сифилиса и других венерических заболеваний.

В 1897 г. состоялся расширенный съезд, где обсуждался вопрос борьбы с сифилисом в России. В итоге после подробного обсуждения вопроса о надзоре за проституцией был принят ряд соответствующих постановлений.

По поручению МВД все губернаторы представили отзывы, относительно выполняемости в подведомственных им губерниях постановлений означенного съезда, на основании которых министерство составило «Положение об организации надзора за городской проституцией» (далее «Положение ...»), утверждённое министром внутренних дел Зиновьевом 18 октября 1903 г.[3] Положение состояло из 2 разделов и 70 статей.

Согласно статье 1 «Положения...», надзор за проституцией сосредоточивался в одном учреждении – врачебно-полицейском комитете, находящимся в ведении местной полиции... или же (статья 2, 3) санитарные и полицейские действия по надзору распределяются между двумя учреждениями, из коих одно находится в ведении полиции, а другое – в ведении общественного установления»[4].

В уездных городах (таким являлся Ходжент) в состав врачеб-

---

[1] Там же, д. 425, л. 16.
[2] Таджи Усмон. Проклятый народом. – С. 46.
[3] ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 731, лл. 14-15.
[4] Там же, л. 15.

но-полицейского комитета входили: председатель – начальник местной полиции, члены – врачи уездные, городовой и военный, депутаты от военного или морского ведомства и член-распорядитель (он же делопроизводитель)[1].

Согласно статье 8 «Положения ...», в обязанности комитета входили: а) розыск и привлечение к законной ответственности тайных проституток, содержателей тайных притонов, развратников, сутенёров и лиц, способствующих тайному разврату; б) подчинение проституток врачебно-полицейскому надзору...; в) выдача разрешений на открытие домов терпимости и поднадзорных притонов, надзор над ними и закрытие их; г) организация врачебных осмотров и амбулаторного лечения на смотровых пунктах проституток, страдающих сифилисом и другими венерическими заболеваниями, отправка в лечебные заведения проституток, подлежащих больничному лечению; д) наблюдение за соблюдением установленных для проституток, содержательниц домов терпимости и надзорных притонов правил и привлечение виновных в нарушении таковых к законной ответственности[2].

Из фондов Центрального государственного архива Республики Таджикистан нами выявлено много документов, свидетельствующих о деятельности публичных домов и отношении полиции к ним. Вот название одного из таких дел, которое относится к 1904 г.: «Об учреждении врачебно-полицейских комитетов в городах Ходженте и Ура-Тюбе по надзору за проституцией» (изложено на 64 листах).[3] Постановлением военного губернатора Самаркандской области от 31 декабря 1903г. за №513 в городе Ходжент был учреждён врачебно-полицейский комитет.

В обязанности начальника приставов Ходжента и Ура-Тюбе входили надзор за деятельностью публичных домов, а также представление ежемесячных сведений о количестве проституток по городу. В свою очередь, уездный начальник с рапортом представлял сведения по уезду о количестве проституток, содержащихся в публичных домах. Приведем в качестве примера сведения из рапорта начальника Ходжентского уезда полковника Глу-

---

[1] ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 731, л.15.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 18.

шановского за февраль месяц 1904 г., прёдставленного Самаркандскому областному управлению «...Имею честь представить в областное правление ведомость о числе проституток, проживающих во вверенном мне уезде за февраль 1904 г.…» (см. приложение 4).

На основе сведений, составленных начальниками, приставами городов Ходжент и Ура-Тюбе нами составлена таблица, где по месяцам 1904г. дается численность проституток, содержащихся в публичных домах Ходжентского уезда (см. приложение 5).

После прохождения очередной врачебно-полицейской комиссии проституткам выдавались специальные свидетельства, где указывалось состояние их здоровья. Например, 11 мая 1904г. такие свидетельства получили проститутки Нишонбиби Иходжонова и Очабиби Ирназарова[1].

Необходимо отметить, что официальное разрешение проституции противоречило мусульманскому шариату, морали и обычаям местного населения, но на наш взгляд, упорядочение и жесткий контроль за деятельностью публичных домов, с точки зрения современного правоведения, являлось шагом к цивилизованному обществу. Публичные дома в городах Ходжент и Ура-Тюбе существовали до установления советской власти.

По всему Туркестанскому генерал-губернаторству местное население издавна употребляло наркотики, доставляемые контрабандным путём.

В конце XIX – начале XX вв. потребление наркотиков населением заметно не увеличилось, но и не прекращалось, поэтому борьба против этого зла была одной из важных задач местной полиции. Многие, не имея возможности добыть относительно дорогие анашу и опиум, употребляли кукнор (было много способов его употребления) – настой маковых головок, медленно разрушающий организм.

С целью усиления борьбы против потребления наркотиков, Военный губернатор Самаркандской области принял постановление (№ 381 от 1 июля 1906 г.), в котором говорилось: «Со злом этим необходимо бороться неослабно, пока ещё есть время, и пока потребление наркотиков не захватило ещё более широкие слои

---

[1] ЦГА РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 731, лл. 27-28.

населения. Ввиду этого прошу уездных начальников, полицмейстеров, участковых и полицейских приставов, волостных управителей, сельских и аульных старшин усилить надзор за такими местами, где можно ожидать курение анаши и опия. Со своей стороны рекомендую обратить внимание на туземные чайные и харчевни (чайханы и ошхона), которые главным образом являются теми местами, в которых потребление этих наркотиков более всего обнаруживается.Содержатели чайханы или ошхона, а равное, все лица, уличённые в распространении и потреблении наркотических средств, должны привлекаться к законной ответственности»[1].

Полицейские приставы и участковые имели право наказывать в административном порядке лиц местного населения, подвергать их аресту и денежному взысканию[2].

Полицейский пристав города Ходжент на основании «Положения об управлении Туркестанским краем» привлекал к ответственности и подвергал наказанию отдельных жителей города за различные правонарушения; особенно часто полицейским приставам приходилось наказывать местных жителей за нарушение правил водопользования.

В связи с увеличением хлопковых посевов, для орошения хлопковых полей требовалось большое количество воды. Водопользование велось по старой феодальной системе. В условиях же, когда увеличивалась посевная площадь, систему водопользования необходимо было изменить, но органы колониальной власти не имели здесь твёрдых установок и поэтому часто «... происходили кровавые побоища, сопровождающиеся убийствами из-за раздела. Так, 13 августа 1911 г. пристав Исфанейского участка донёс Ходжентскому уездному начальнику, что в селении Янги-Кишлок Гулякандозской волости по спору из-за воды произошла между жителями селения драка, в которой убит один и тяжело ранены четверо человек»[3].

13 декабря 1911 г. жители Куркатского общества Науской во-

---

[1] ЦГА РТ. Ф. И. 4, оп. 1, д. 127, л. 10.
[2] ЦГА РТ. Ф. И. 6, оп. 1, д. 1, л. 4 – 4об.
[3] См.: Каримов Т. К. Победа Великой Октябрьской Социалистической Революции – С. 10.

лости Ходжентского уезда Иркабой Тагойбоев и Рахмат Абдурасулов самовольно открыли кулаки из арыка Куркат и пользовались чужой водой. На основании статьи 64 «Положения... «оба они были арестованы на семь суток полицейским приставом за нарушение водопользования».[1]

6 января 1912 г. житель города Ходжента Ярматов Ташмат был арестован на двое суток за «упорное неисполнение требований полиции»[2]. Арестованный 8 января был освобождён.

Полицейский пристав города Ходжент Башилкин арестовал Норматова Бободжона на одни сутки « за грубое и дерзкое обращение к полиции»[3].

Полиция города своевременно принимала конкретные меры по каждому заявлению и реагировала на происшествия и действия, носившие противоправный характер. Так, городской врач в своём «Отношении» на имя Ходжентского уездного начальника от 25 октября 1916 г. за №258 сообщает: «В доме Мир-Исмона Боборахимова на Набережной улице установлен случай заболевания остро-заразной болезни «сыпной тиф», и далее врач просит, чтобы « в целях предупреждения эпидемии, сделать распоряжение о постановке полицейского поста у ворот названного дома, для того, чтобы не допускать прохождение посторонних лиц»[4].

Начальник Ходжентского уезда даёт распоряжение приставу города Ходжента: «Предлагаю Вам немедленно выставить пост у ворот дома Боборахимова». Пост тут же был поставлен.

В рапорте начальника Ходжентского уезда полковника Глушановского на имя Военного губернатора Самаркандской области сообщается, что 27 июля 1903 г. на 64 версте близ станции Ходжент была предотвращена попытка злоумышленников организовать крушение поезда[5].

Из приведённых выше примеров видно, что полицейская служба была очень сложная и требовала много сил и энергии. Поэтому в распоряжение полицейского пристава для полицей-

---

[1] ЦГА РТ. Ф. И. 6, оп. 2, д. 1, л. 16.
[2] Там же, д. 14, л. 7.
[3] Там же, оп. 2, д. 1, л. 7.
[4] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 721, л. 18.
[5] Там же, лл. 1 – 18.

ской службы предоставлялось необходимое число нижних чинов из местных войск, численный состав определялся Военным министром по представлению Туркестанского генерал-губернаторства. Видимо, в зависимости от общественно-политической ситуации в городах число нижних чинов полиции увеличивалось или уменьшалось.

Необходимо отметить, что полиция, как одна из ветвей государственной власти, всегда усердно и охотно защищала интересы царизма в дореволюционном Таджикистане. В свою очередь, за добросовестную службу правительство относилось к полиции снисходительно и всегда заботилось о ней, даже в таких далёких районах, как Туркестан.

В большинстве случаев участковые приставы в Ходжентском уезде не имели своих собственных квартир и жили в наёмных жилищах. Поэтому в своём ходатайстве от 8 апреля 1905 г. «О постройке казённых помещений для участковых приставов, кои живут в наёмных квартирах», военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Черняевский просил у генерал-губернаторства для указанной цели избрать подходящий участок мерою до 600 кв.м с местных назначенных для пребывания Саватского и Исфанейского участковых приставов. Однако постройки жилых домов «по недостатку земской суммы генерал-губернатор отменил...»[1].

Через три года, в 1908 г., военный губернатор Самаркандской области вышел с новым ходатайством перед генерал-губернатором о постройке бани, кладовых и сараев для полицейской команды Ходжента.[2] Для этой цели в 1907 г. была составлена расходная смета на сумму 3189 рублей 79 копеек, однако в этом году, т.е. в 1908г., данная смета в расходную городскую смету не была включена.[3]

Следует отметить, что колониальное правительство считало необходимым знание языка местного населения государственными чиновниками и полицией в том числе. Необходимость изучения местных наречий служащими в крае было осознана ещё при

---

[1] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 1876, лл 14 – 15.
[2] Там же, д. 2147, л. 4.
[3] Там же.

первом генерал-губернаторе К. П. фон-Кауфмане, с разрешения которого тогда преполагалось открыть в Ташкенте курсы местных языков. Однако меры эти из-за отсутствия средств не были осуществлены[1].

«40 лет мы владеем Туркестаном, – пишется в одной из статей сборника, – и до сих пор лиц администрации, знающих хоть несколько туземных языков, можно пересчитать по пальцам. Положение вещей гибельное. Как управлять населением, как разбирать тяжбы, не понимая речи управляемых и судимых? Нужно принимать меры. Меры должны быть двоякого характера – поощрительные и карательные... К поощрительным мерам относится назначение прибавки к содержанию за изучение местного языка...»[2].

Туркестанский генерал-губернатор, признавая такое положение в высшей степени ненормальным, учредил специальную комиссию под председательством помощника губернатора Сыр-Дарьинской области Хомутова, которому поручил рассмотреть меры, коими можно было бы побудить служащих к изучению местных языков[3].

С этой целью, с 1 сентября 1905 г. предполагалось открыть в виде опыта... вечерние курсы местных языков с платою 5 рублей в месяц[4].

Политагент в Бухаре Лютц по этому поводу предлагал требовать с лиц, ставящих свою кандидатуру на административно-полицейские должности в крае, «сдавать определённое испытание в знании туземного языка и мусульманского законоведения»[5].

Один из компетентных людей по этой проблеме Н.С.Лыкошин в своей статье «Знание туземных языков» делает следующие дополнения: «Знание туземного языка прямо необходимо не только

---

[1] Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению Туркестанского края. Под. редакцией подпол. И. Д. Ягелло. – Ташкент. 1905 – С. 219. (Далее: Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков…).

[2] Там же – С. 2.

[3] Там же.

[4] Там же. – С. 218.

[5] Там же – С. 222.

для чинов администрации..., было бы в высшей степени целесообразно сделать знание туземных наречий обязательным для служащих ведомств в крае».[1] Другой автор, В.А.Блинов в статье «К вопросу об изучении лицами, служащими администрации, туземного языка», считая необходимым знание языков местного населения, особенно для участковых приставов, предлагал следующее: «Лица, желающие быть зачисленным кандидатами на должности участковых приставов, должны предоставить аттестацию о своих служебных и нравственных качествах и умственном развитии и, кроме этого, удостоверение о знании разговорного туземного языка.»[2] Как видим, знание местных языков всегда учитывалось при назначении полицейских работников и других служащих, и это поощрялось со стороны колониальных властей.

Кроме знания местных языков, от полицейских работников требовались деловитость и исполнительность. За малейшую оплошность и проявление неисполнительности полицейские работники несли наказание в административном порядке. К примеру, можно привести следующее: Самаркандский окружной суд в своём требовании просил Ходжентскую полицию доставить сведения о возрасте и судимости таджика кишлака Дальян Разака Мухаммедова. Однако эти сведения не были исполнены своевременно, и за медлительность (за оставление без внимания) непосредственному исполнителю – Ура-Тюбинскому участковому инспектору штабс-капитану Скворцову приказом Военного губернатора Самаркандской области от 28 марта 1900 г. было объявлено «замечание»[3].

Необходимо отметить, что вопрос оснащения и вооружения полиции всегда стоял в центре внимания руководства департамента полиции и МВД России. Происходившие в различных местностях России беспорядки показали, что революционеры и преступники зачастую были снабжены оружием значительно лучших образцов, чем чины полиции. Это обстоятельство вынудило руководство МВД России поставить этот вопрос перед Российским правительством, которое за подписью министра внутренних дел

---

[1] Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков… – С. 223.
[2] Там же. – С. 229.
[3] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 614, л. 7.

П. Дурнова от 26 января 1906 г. приняло решение, в котором всем губернаторам Российской империи поручалось «... предложить подведомственным начальникам городских полиций озаботиться скорейшей заменой оружия устарелых образцов на более отвечающим современным требованиям».[1] На основе этого решения и с разрешения Туркестанского генерал-губернатора от 5 декабря 1906 г. из Ходжентской городской казны было израсходовано 317 рублей 80 копеек на приобретение 12 револьверов «смит-вессон» для полицейских чинов города Ходжент.[2] Тогда один револьвер системы «наган» стоил 18 рублей; а 600 патронов – 48 рублей[3].

Оружие всегда и везде высоко ценилось в Туркестанском крае. Поэтому колониальная власть очень строго следила за случаями пропажи или торговли оружием. Об этом свидетельствует предписание военного губернатора Самаркандской области от 13 декабря 1908 г. за № 754 на имя Ходжентского уездного начальника, где говорилось: «В крае обнаружена продажа оружия, похищенного из войсковых складов, при этом перекупщики дают очень высокие цены, как за оружие, так и за боевые патроны, предлагаю усилить наблюдение и в случае обнаружения виновных строго наказать...»[4].

В начале XX в. международная обстановка ухудшилась. Учитывая этот факт, а также и беспокойство внутри страны, МВД России через Департамент полиции ещё более усилила контроль за населением империи, прежде всего за инородцами. Особенно Департамент полиции ужесточил контроль за деятельностью различных буржуазно-националистических организаций, националистических течений и направлений, а также за деятельностью маддохов (проповедников), каландаров, которых в Средней Азии было очень много. Вот что пишется по этому поводу в секретном донесении начальника Туркестанской районной охранки от 20 ноября 1913 г.: «По имеющимся сведениям, на туземное население оказывают вредное влияние «маддохи»... и каландары (народные певцы из мюридов, проживающих у ишанов), которые

---

[1] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 2143, л. 1.
[2] Там же, л. 7.
[3] Там же, л. 10.
[4] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 24, л. 1.

своим пением и рассказами о славном прошлом их предков, вызывают у слушателей крайне фанатичный подъем духа и вселяют ненависть к правителям русским... По поручению военного губернатора предлагается Вам (т.е. приставам. – Р. А.) внимательно следить за уничтожением поименованных выступлений и отнюдь таковых не допускать...»[1].

По полученным сведениям, пишется в другом секретном письме, видный член комитета «Единение и Прогресс»[2] и пропагандист идей панисламизма Мухамед Рахимбей отправляется из Каира в Россию с русским паспортом на имя Хусейна Каримова и должен встретиться с Исмаилбаем Гаспринским[3]. Это донесение относится к июню 1914 г., и, по всей вероятности департамент полиции России усилил агентурную службу и в других мусульманских странах с целью защиты своих геополитических интересов. Исходя из этого, царское правительство «распространение идеи панисламизма объявило явлением нежелательным»[4].

В годы первой мировой войны (1914-1918 гг.) деятельность полиции ещё более осложнилась и активизировалась по всей территории Российской империи и на колониальных окраинах, особенно в Туркестанском крае.

С началом первой мировой войны царское правительство по всей территории страны и в том числе в Туркестанском генерал-губернаторстве, объявило военное положение. В «Объявлении», посланном телеграммой за № 305, говорилось, что 17-го июля состоялось высочайшее повеление об объявлении военного положения в Туркестанском Военном округе с подчинением всего гражданского управления в этом округе командующему войсками»[5].

На основании приказа царя о военном положении, Туркестанский генерал-губернатор разработал специальное постановление

---

[1] ЦГА РТ. Ф. И. 4, оп. 1, д. 11, л. 88, 88 об.

[2] Политическая организация революционеров Турции, организованная в конце XIX в. Они боролись за конституционный строй в Турции и объединение мусульманских стран против колониальной политики империалистических государств.

[3] ЦГА РТ. Ф. И. 4, оп. 1, д. 11, л. 156.

[4] ЦГА РТ. Ф. И. 4, оп. 2, д. 7, л. 100.

[5] Там же, д. 14, л. 7.

и через газету «Туркестанские ведомости» по всему Туркестанскому краю объявил следующее:

«...воспрещаются:

– всякие сборища и сходки как под открытым небом, так и в закрытых помещениях, не предусмотренные законом, и на которые не испрошено заблаговременно разрешение надлежащих властей;

– также распространение, оповещение о предстоящих сборищах или сходках;

– участвующие на сходках лица обязуются по требованию полиции указать главных руководителей и организаторов сходки;

– хождение по улицам и площадям толпой и остановки без дела, сборища на крышах и бросание ка́мней...»[1].

25 июня 1916 г. вышел указ императора Николая II «О мобилизации инородцев на тыловые работы», после чего функции полиции г. Ходжент (и других городов) еще более осложнились, число их удвоилось. Основная тяжесть организации мобилизационных работ пала именно на плечи работников полиции.

После объявления указа царя 2 июля 1916 г. Туркестанский генерал-губернатор созвал военных губернаторов всех пяти областей на совещание, где были обсуждёны механизм и порядок мобилизации населения края. После совещания Туркестанский генерал-губернатор издал указ, где говорилось: «За период 40-50 лет владения Россией бывшего среднеазиатского ханства туземное население под защитой русских штыков жило мирной жизнью, развивалось и богатело... В тяжёлую годину, переживаемую русским народом, туземному населению Туркестана надлежало вспомнить эти заботы о них русским правительством, вспомнить жертвы, принесённые для их процветания, которым русское население без колебаний и сомнений послушно отозвалось на призыв державного вождя великой России и выставило в полном порядке назначенные для тыловых работ число рабочих».[2] Как видим из этого постановления, администрация генерал-губернаторства старалась подготавливить население края к тыловым работам, оправдывая это мероприятие.

---

[1] Там же, д. 10, л. 22.

[2] ЦГА РТ. Ф. И. 6, оп. 2, д. 8, л. 75.

Военный губернатор Самаркандской области генерал-майор Н. С. Лыкошин после совещания у генерал-губернатора конкретно обязал своих подчинённых таким образом: «Уездные начальники и полицмейстеры предварительно с волостными управителями и сельскими старшинами должны обсудить и точно распределить, какое количество рабочих выпадает на долю каждой части или кишлака...»[1].

В указе царя, приказах и постановлениях Туркестанского генерал-губернаторства администрациями уездов были всесторонне разработаны и учтены все обстоятельства, условия и механизм призыва туземного населения на тыловые работы. Однако призыв, с одной стороны, совпал с сезоном полевых работа, с другой – в список тыловиков в основном попали только представители неимущих слоев населения, и поэтому, несмотря на все старания властей, население выражало серьёзное недовольство мобилизацией.

Ярким примером этому может послужить восстание, происходившее 3-4 июля 1916 г. в г. Ходженте.

Город Ходжент в административном отношении делился на два участка – Калинаузский и Разакский, каждый участок в свою очередь был разбит на кварталы. Высшим административным лицом в городе являлся полицейский пристав, непосредственно подчинённый уездному начальнику. Старший аксакал являлся помощником полицейского пристава. Во главе каждого участка стоял старшина, подчинённый как полицейскому приставу, так и старшему аксакалу. Во главе каждого квартала имелся пятидесятник, в городе Ходжент ко времени начала восстания их насчитывалось 116[2].

На основании указа царя «О реквизиции инородцев» на тыловые работы в Ходжентском уезде намечалось мобилизовать 8948 рабочих, родившихся между 1885-1897 годами, в возрасте от 19 до 31 г.[3]

О произошедших вследствие указа царя событиях полицейский пристав Ходжента на 8 машинописных страницах написал

---

[1] Там же, д. 10, л. 74.
[2] ЦГА РТ. Ф. 1348, Фаньян Д.С., оп, д. 3, л. 160.
[3] Там же, Ф. И. 26, оп. 2, д. 10, л. 6об.

рапорт на имя помощника военного губернатора Самаркандской области.

Полицейский пристав в частности сообщал, что «... к 9 часам утра 3-го июля было приказано собраться всем пятидесятникам города Ходжента возле полиции для... разъяснения порядка, каким образом должны быть составлены списки лиц туземного населения...

В 7 часов утра 4-го июля, чтобы проверить действительно ли пятидесятники приступили к составлению списков для отправки к Калинаузскому старшине, куда было приказано прибыть старшим городовым Сорокину, Коткову, Чебанову, Дьякову и другим младшим полицейским...

Однако в 8 часов утра 4-го июля ко двору старшины собралась группа туземцев среди которых были женщины и дети. Дети плакали... К 12 часам утра собравшиеся перешли на сторону центрального базара...

Из собравшихся – Солиджан Коры Муминов, потребовал дать им письменный ответ о мобилизации. Помощник уездного начальника подполковник Арцишевский прибыл к толпе и объявил, что высочайшую волю отменить нельзя и приказал толпе тотчас разойтись. Толпа не расходилась. Тогда он приказал всем старшим городовым вместе с младшей шеренгой отодвинуть толпу от крыльца полиции на тротуар...

Во время осаждения толпы, туземец Абдумагомет Муминов почему-то озлобившись, бросился на полицейского Маджида Файзыбаева и схватил его за горло... Городовой Дьяков сделал несколько выстрелов, после чего толпа разошлась. На месте происшедшего осталось два трупа и один раненый....»[1] Не получив удовлетворительного ответа на свои требования, население города открыто выступило против царской администрации Ходжента и напало на канцелярию уездного начальника.

К вечеру 4-го июля город был объявлен на военном положении, на улицах и площадях были выставлены войска и усиленные наряды полиции, начались обыски и аресты, расправа с населением. Для подавления восстания из других областей Туркестана было переброшено 2000 солдат, в результате чего более 400 уча-

---

[1] ЦГА РТ. Ф. И. 6, оп. 2, д. 10, л. л. 23 – 26.

стников восстания были преданы суду и заключены в тюрьму[1].

Учитывая сложившуюся сложную политическую обстановку в Ходжентском уезде, Туркестанский генерал-губернатор в своей телеграмме от 12 августа 1916 г. на имя Самаркандского военного губернатора предоставило право «... уездным начальникам, в целях подавления беспорядков среди туземцев и для личной охраны, требовать в своё распоряжение от соответствующих гарнизонов команды в числе до 100 человек, при двух офицерах, участковым приставам для той же цели – до 50 человек при одном офицере, вместе с тем предоставляло уездным начальникам и участковым приставам право брать в наряд лошадей для формирования из упомянутых команд нижних чинов конные команды»[2].

Особо следует сказать о тюрьмах, условия содержания в которых в Средней Азии отличались жестокостью и попранием всех человеческих прав.

До Российского завоевания в северной части дореволюционного Таджикистана так же, как и в Бухарском Эмирате «преступники» содержались в зинданах, которые ничем не отличались друг от друга. Однако после Российского завоевания и включения этих территорий в состав Туркестанского генерал-губернаторства в деле содержания заключённых произошли серьёзные изменения.

16 июня 1879 г. было организовано Главное тюремное управление, и всё руководство местами заключения гражданского ведомства (кроме полицейского) из департамента полиции передавалось в это Управление. Таким образом, создалась единая общегосударственная тюремная система.

Условия содержания заключённых по сравнению с прошлым. Согласно сведениям канцелярии Туркестанского генерал-губернаторства от 20 августа 1877 г., в миршабхоне Ходжента и Ура-Тюбе на каждого арестанта расходовалось 800 рублей в год. Далее сообщается, что с 1 июня по 15 сентября число арестантов по Ход-

---

[1] Таджикская ССР. Душанбе, ТСЭ. (Юбилейный выпуск). – Душанбе, 1984. – С. 96.

[2] ЦГА РТ. Ф. И. 6, оп. 2, д. 10, л. 119.

жентскому уезду составляло 1560 человек[1]. Раньше ни о каком медицинском обследовании (не говоря уже о помощи) арестантов не могло быть и речи, но после прихода русских было введено медицинское обслуживание во всех арестных домах. Например, решением народного судьи Раззакской части города Ходжент от 26 марта 1914 г. за № 25 Мирзораджаб Мирзоякубов был приговорён к 2-х месячному аресту за пьянство. После медицинского осмотра Ходжентского арестного дома городским врачом у этого заключённого обнаружились признаки тяжёлой душевной болезни – меланхолии. Ввиду этого, впредь до выздоровления, Мирзораджаб Мирзоякубов был освобожден из-под ареста, и полицейскому приставу города поручалось это постановление привести в исполнение немедленно и после выздоровлении его заключить под стражу до окончания определённого ему наказания[2].

В Главное тюремное управление поступали сведения о том, что в некоторых местах заключения империи среди арестантов наблюдались довольно частые случаи заболеваний, вызванных антисанитарным состоянием тюремных помещений и плохими гигиеническими условиями содержания заключённых[3].

Тюремные учреждения почти всюду были переполнены. Руководство Туркестанского края всегда призывало начальников мест заключения и тюремный персонал к заботливому и сердечному отношению к заключённым[4].

Здание Ходжентской тюрьмы было построено в первом десятилетии после образования Туркестанского генерал-губернаторства и было рассчитано на 37 человек. В архивном документе, от 21 июня 1911 г., имеются сведения о «ветхости и непригодности своему назначению помещения Ходжентской тюрьмы»[5]. Поэтому ещё в 1895 г. был поднят вопрос о постройке нового здания. Однако тогда этот вопрос дальше подписания соглашения о покупке у владельца участка не пошёл, поскольку покупка участка (3375 руб.) не состоялась из-за невыделения

---

[1] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 37, л. л. 1, 6.
[2] Там же. Ф. И. 6, оп. 1, д. 72 «а», л. 70.
[3] Там же. Ф. И. 1, оп. 1, д. 2144, л. 1.
[4] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 2144, л. 1об.
[5] Там же, л. 5.

кредита.[1] Намеченный план не увенчался успехом и через 10-15 лет, потому что на его осуществление требовалось ассигнование свыше 50 миллионов рублей, отпуск которых по финансовым соображениям был отсрочен на более продолжительное время[2].

Положение тюрем и заключённых значительно ухудшилось особенно во время расправы властей с восставшими в 1916 г. Вот что пишет очевидец, который посетил заключённых в Ходжентской тюрьме: «Мы опустились в подвал к полуживым. В этом жилище по обе стороны лежали замученные, умирающие люди. Они настолько скученно лежали, что проход между ними был очень труден и, чтобы поставить ногу, с трудом можно было найти свободное место. Нас поразил вид этих людей: худые, грязные мужчины, женщины с распущенными волосами, с горящими большими от голода глазами, пугливо и с презрением встречавшие таких зевак, как мы. Мы двинулись по этому страшному подвалу, разглядывая почти каждого. Одна пожилая женщина охватила мои ноги, стала глядеть в мое лицо большими чёрными, полными слёз и скорби глазами, что-то говоря. Возможно она рассказывала о своих отнятых детях, возможно, жаловалась на несправедливость, может быть о чём-нибудь просила. Я не понимала торопливого, рыдающего её говора, её языка. Кто-то из идущих впереди потянул меня за руку и я отошла от этого места. Только тогда я разглядела тысячи ползающих по женщине насекомых. Я взглянула на её соседку и там тоже, если не больше, издали насекомые имели вид ползущей, тонкой, живой сплошной массы... Продолжая путь, я увидела человека огромного роста... который вырывал вату из лохмотьев и грыз её. Другой грыз сырое ухо какого-то животного. Женщина сосредоточенно ловила на себе насекомых и давила их зубами. Многие лежали почти без дыхания, по всей вероятности доживая последние свои мучительные минуты. Некоторые грызли себе руки. Многие как-то страшно вели себя, по-видимому, они уже потеряли рассудок, другие глядели на нас огромными чёрными глазами... На обратном пути было не лучше...»[3].

---

[1] Там же, л. 39.
[2] ЦГА РТ. Ф. И. 1, оп. 1, д. 2144, л. 58.
[3] ЦГА РТ. Ф. 1348, Фаньян Д. С., оп. 1, д. 3, л. 36.

После Февральской революции 1917 г. Туркестанское генерал-губернаторство было упразднено и были образованы краевые органы управления.[1] 10 марта 1917 г. многолюдные собрания населения Кистакозской волости вынесли решение об аресте чиновника – волостного управителя Мухаммеда Юсуфшо Аюбова. 23 марта дехкане Саватского участка Ходжентского уезда, собравшись на митинг, постановили произвести арест Саватского участкового пристава Башилькина. Его арест был вызван тем, что этот приверженец старого режима провоцировал национальную вражду среди населения, а также мог расхитить находящиеся под его контролем запасы продуктов[2]. 31 марта 1917 г. также были подвергнуты домашнему аресту Куропаткин (последний генерал-губернатор Туркестана), его помощник и начальник штаба.

30 марта 1917г. Туркестанское генерал-губернаторство было ликвидировано и вместо него был создан Туркестанский комитет Временного правительства во главе с кадетом Шепкином, прибывшим в Ташкент в апреле. Шепкину фактически были предоставлены права Туркестанского генерал-губернатора. С первых же дней образования Комитета началась реорганизация областных и уездных комитетов. Полиция была переименована в "народную милицию", однако ее сущность и структура существенно не изменились до установления советской власти.

Остановимся на том, как осуществлялся контроль за общественным порядком на Памире досоветского периода. Территория Памира дважды была присоединена к России – первый раз в 1876 г., а второй – в 1891-1892 годы и на этот раз исключительно мирно. Хотя Горный Бадахшан номинально был передан Бухарскому эмиру, фактический контроль над ним осуществлялся начальником Памирского отряда и отдельными постами, расположенными на различных стратегических пунктах, т.е. Россия практически держала его под своим господством[3].

До прихода русских контроль за общественным порядком и спокойствием осуществлялся местными чиновниками, навкара-

---

[1] Там же, Ф. И. 1, Введение к описи 4, л. 66.
[2] Каримов Т. Победа Октябрьской революции. – С. 38.
[3] Бокиев О. Б. Таджикистан в русской дореволюционной историографии. – Дис. докт. ист. наук. (в рукописи). – Душанбе, 1991. – С. 257 – 258.

ми, духовными руководителями – ишанами, и среди местного населения каких-либо серьёзных правонарушений не замечалось. Более того, понятие «преступление» для населения было чуждым.

Для удобства управления Памир был разделён на четыре района: Восточный пост; Хорогский; Ишкашимский; Лангарский. В свою очередь районы делились на волости, волости – на аминство. Во главе административного управления районов стояли офицеры Памирского отряда, которые в отношении к местному населению пользовались **правами участковых приставов** (выделено нами. – А.Р.) и несли соответствующие обязанности.

Ближайшими помощниками начальников районов были волостные управители, казии, аксакалы и арбобы. Все эти лица выбирались местным населением из своей среды и утверждались в должностях начальниками постов. Выборное начало местного управления было введено под давлением начальника русского отряда. Начальники отряда и офицеры в большинстве случаев стояли на стороне местных жителей и защищали их от произвола бухарских чиновников, поэтому местное население к русским относилось с большим уважением и симпатией. По словам Муханова, население западных районов Памира испытывало естественное тяготение к русской власти, в лице которой они видели «гарантию своей неприкосновенности»[1].

В конце 1904 г. эмир бухарский отозвал своего представителя из Горного Бадахшана в Бухару и приказал гиссарскому беку Астанокулу кушбеги командировать в западные районы Памира особого чиновника, который во всём должен был подчиняться начальнику Памирского отряда. Таким образом, управление Шугнаном, Рушаном и Ваханом фактически перешло к царским властям.

12 января 1905 г. туркестанским генерал-губернатором П. Н. Тяшевым была утверждена разработанная специальной комиссией в Ташкенте «Временная инструкция начальника Памирского отряда»[2]. По существу эта инструкция составляла политико-

---

[1] Муханов. А. Памирский район (Военно – статистическое обозрение Памирского района). – Ташкент. 1912. – С. 38.

[2] Искандаров Б., Юсупов Ш.Т. Политико-административное и социально-

административную и правовую норму управления Памиром. Такой порядок существовал на Памире вплоть до установления советской власти.

На основании вышеизложенных фактов о полицейской службе в дореволюционном Таджикистане можно заключить, что до завоевания Россией по всей территории дореволюционного Таджикистана полицейская служба осуществлялась единообразно и не имела существенных различий. В качестве полицейских в основном выступали миршаб со своими шабгардами (прислужниками) и раис со своими муллозимами (подчинёнными). Их деятельность была направлена на предотвращение деяний преступных элементов. Однако после Российского завоевания в полицейской службе Северного Таджикистана произошли существенные изменения. Здесь приступила к деятельности российская полиция, так как эта часть дореволюционного Таджикистана была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства. Территория Памира также была включена в состав Туркестанского генерал-губернаторства, и контроль за общественным порядком в основном возлагался на начальника пограничного отряда и местное духовенство.

На основе вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы:

1. Во всех бекствах Бухарского эмирата система охраны и обеспечения общественного порядка имела одинаковый характер и была основана на принципах средневекового «кормления». В основном полицейская система на местах практически копировала принятую в центре эмирата схему.

2. Вплоть до 1921 г. в юго – восточных районах (Восточная Бухара), как и во всем Бухарском эмирате, сохранились органы правопорядка феодального типа и хотя в системе управления все от эмира и до аксакала или арбоба в кишлаках, являлись ответственными за правопорядок, однако в основном охрана и обеспечение общественного порядка входили в компетенцию миршабов и шабгардов.

экономическое положение Памира накануне Великой Октябрьской Социалистической революции // Очерк по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Дониш, 1985. – С. 67.

3. С завоеванием Россией Средней Азии северные районы современного Таджикистана, входившие в состав Туркестанского генерал-губернаторства, начиная с 1867 г., постепенно перешли на российскую систему охраны и обеспечения общественного порядка, борьбы против всех видов правонарушений. Эта система сохранилась вплоть до конца 1917.

4. Полицейская служба в дореволюционном Северном Таджикистане осуществлялась на основе «Положения об управлении Туркестанским краем», принятого 12 июня 1886 г. и других нормативных актав, издаваемых Департаментом полиции МВД России. В деятельности полиции дореволюционного Северного Таджикистана отмечались прогрессивные формы деятельности и была налажена достаточно эффективная полицейская система.

ГЛАВА II. СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ И НА ПАМИРЕ (1917-1924 гг.)

§ 1. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА УЧРЕЖДЕНИЯ АППАРАТОВ УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ В ТУРКЕСТАНСКОЙ АССР

Образование советской милиции на отдельных территориях современного Таджикистана было непосредственно связано и всецело зависело от установления и укрепления советской власти. Образование советской милиции в северных его районах происходило в процессе организации милиции в Туркестанской Автономной Советской Социалистической Республике, так как эти районы образовывали составную часть Туркестанской АССР. Поэтому, прежде чем перейти к освещению процесса формирования милиции в северных районах современного Таджикистана, необходимо рассмотреть историю образования и деятельность республиканских аппаратов управления милиции Туркестанской АССР.

После установления советской власти Туркестан стал составной частью Российской Федерации, соответственно, образование милиции в Туркестанской АССР осуществлялось по образцу Советской России. Учитывая это обстоятельство, считаем необходимым сначала вкратце рассмотреть истоки образования советской милиции в РСФСР.

Как известно, организация советской милиции осуществлялась по ленинской идее, о которой В.И.Ленин сам вначале не имел чёткого и определенного представления. Первоначально, по ленинскому замыслу, пролетарская милиция должна была сочетать в себе функции народной милиции, вооружённой охраны безопасности нового общества и функции поддержания революционного правопорядка, борьбы с преступными посягательствами на жизнь и имущество граждан. Ленин подчёркивал, что с победой революции «... полиция и постоянная армия совершенно устраняются и заменяются всеобщим вооружением народа, поголовной милицией»[1].

---

[1] Ленин В. И. К деревенской бедноте. Полное собрание сочинений. Т. 32. – С.

Однако ход событий, решение сложных непредвиденных обстоятельств по охране завоеваний революции, подавлению сопротивления свергнутых классов и обеспечению революционного порядка в городах и сёлах бывшей империи внесли некоторые свои корректировки, и первоначальные замыслы о создании народной милиции несколько изменились. В ходе революции и продолжающейся первой мировой войны для обеспечения обороны страны потребовалось создание регулярной армии, на милицию же возлагались задачи обеспечения нового правопорядка, защиты прав и интересов граждан, борьбы с преступными элементами, а также, в известной мере, и с внутренней контрреволюцией[1].

28 октября (10 ноября) 1917 г. по указанию Советского правительства Наркомат по внутренним делам принял Постановление «О рабочей милиции», в котором говорилось:

«1. Все Советы рабочих и солдатских депутатов учреждают рабочую милицию.

2. Рабочая милиция находится всецело и исключительно в ведении Совета рабочих и солдатских депутатов. Военные и гражданские власти обязаны содействовать вооружению рабочей милиции, снабжению её техническими силами и казённым оружием»[2].

О важности этой меры, т.е. создании милиции для молодой республики Советов говорит тот факт, что данное постановление было введено в действие на всей территории РСФСР. Это, по существу, был первый нормативный акт, определявший создание милиции, как исполнительного органа местных Советов рабочих и солдатских депутатов.

В связи с организацией милиции встал вопрос о создании единого органа по руководству её деятельностью в масштабах всей страны. Таким центральным органом стало образованное в августе 1918 г. Управление рабоче-крестьянской милиции Наркомата по внутренним делам РСФСР, которое через месяц (в октябре)

---

141. (Далее: Ленин В.И. Полн. собр. соч.).

[1] Полубинский В. И. На службе народу, на страже порядка (Краткий очерк Советской милиции). – М.: Знание, 1971. – С. 8.

[2] Сборник узаконений РСФСР, 1917. – № 1. – С. 15.

было преобразовано в Главное Управление. В то же время Народный комиссариат по внутренним делам и юстиции утвердил инструкцию «Об организации советской рабоче-крестьянской милиции», которая решала многие организационные, правовые, кадровые и другие вопросы строительства органов милиции не только в РСФСР, но и в других регионах.

Следует отметить, что процесс организации милиции в Туркестанской АССР нашел подробное отражение в работах Т.А.Джалилова. В связи с этим, не повторяя его, мы уделим внимание в основном тем вопросам и моментам, которые автором либо вообще не рассматривались, либо рассматривались поверхностно.

После победы вооружённого восстания в городе Ташкенте, 3-й краевой съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, проходивший 15-22 ноября 1917 г., провозгласил советскую власть и избрал Совет Народных Комиссаров Туркестанской Республики. На этом съезде для управления отдельными отраслями государственной жизни было образовано 15 народных комиссариатов[1].

Организационное оформление государственных органов в Туркестанской АССР завершилось в первой четверти 1918 г. К этому времени была решена одна из важнейших задач ленинской идеи об организации советской милиции – слом старого аппарата охраны порядка, в первую очередь, ликвидация буржуазно-помещичьей полиции, которая после Октябрьской революции из проблемы теоретической превратилась в проблему практическую. Против стремления Временного правительства, которое хотело реставрировать царскую полицию и жандармский аппарат, Ленин выдвинул лозунг: «Не дать восстановить полицию!... Создать действительно общенародную, поголовно всеобщую, руководимую пролетариатом милицию!..»[2].

Вместо старой полиции и «народной милиции» Временного правительства Ленин рекомендовал создать действительно народную милицию, в которой должно было состоять всё население, все взрослые граждане обоего пола, и которая должна была

---

[1] Джалилов Т. А. Верные Отчизне... – С. 7.

[2] Ленин В. И. Тезисы по национальному вопросу. Полн. собр. соч. – Т. 23. – С. 319.

соединять в себе функции народной армии с функциями милиции – основного органа государственного порядка и государственного управления[1].

В первые дни после революции рабоче-крестьянская милиция ещё не была сформирована, и обеспечение общественного порядка осуществлялось революционными массами Красной Гвардии, рабочими и партией большевиков. Вместе с тем, в Туркестанской АССР под строгим контролем Советов ещё продолжала существовать прежняя милиция. В охране революционного порядка в Туркестанской АССР принимали участие так называемые «караульные дружины по охране объектов народного хозяйства, военных и других ценностей»[2].

Создание новых органов рабоче-крестьянской милиции в Туркестанской АССР из-за отсутствия организационного опыта, подготовленных кадров из пролетарской среды, особенно из местной национальности, а также инструкций, регламентирующих структуру и определяющих задачи новой милиции, несколько затянулось[3].

Милиция в Туркестанской республике создавалась в очень сложной обстановке, в условиях ожесточённой классовой борьбы между новым и старым. Как свидетельствует история, в такие переломные моменты в любой стране, особенно в ходе войны, революции, гражданской войны и т.п., должны действовать другие законы, потому что активизируются преступные элементы, убийства, бандитизм, грабежи, воровство, спекуляция становится весьма частым явлением[4].

Именно для борьбы против преступных элементов и с целью защиты интересов трудящихся, охраны революционного порядка создавалась и советская милиция.

10 декабря 1917 г., согласно постановлению Совета Народных Комиссаров Туркестана, для руководства экономической, политической и культурной жизнью края при местных Советах обра-

---

[1] Ленин В. И. Письма из далека. Полн. собр. соч. – Т. 31. – С. 41.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп 1, д. 72, л. 1.
[3] Джалилов Т. А. Верные Отчизне... – С. 19.
[4] Февральские события 1990 года в городе Душанбе и события, происходившие в 1992 г. в нашей республике, живое свидетельство этих высказываний.

зовывались секции (или Комиссариаты): 1) административно-гражданская…4) военная и организационная по созданию Красной гвардии и милиции[1]. Функциями, подведомственными собственно Комиссариату внутренних дел, ведала канцелярия Совета Народных комиссаров, которую возглавлял Комиссар гражданско-административной части Агапов.[2]

28-29 января 1918 г. состоялось совещание по укомплектованию кадров милиции Туркестанского края. В милицию принимались граждане в возрасте от 21 года до 40 лет: грамотные, прошедшие двухмесячные курсы и сдавшие соответствующий экзамен, учитывались и их нравственные качества. Принимаемые в милицию должны были окончить подготовительные курсы, на которых учили, как оказывать населению необходимую помощь при несчастных случаях, нарушении имущественной безопасности граждан; обращаться с холодным и огнестрельным оружием и др. Совещание решило также «образовать административный суд» в отношении всех представителей начальствующего состава на общих собраниях. Суд должен был рассматривать проступки сотрудников милиции[3].

На этом же совещании обсуждался проект Положения "Об организации кадров милиции для городов и уездов Туркестанского края». С февраля 1918 г. новые милицейские органы начали создаваться во всех уездах, городах и волостях Советского Туркестана[4].

30 января 1918 г. в Туркестанской АССР был создан Отдел управления инспектора милиции в городах и уездах Туркестанского края[5]. Временно исполняющим обязанности инспектора милиции был назначен Барановский. Ему же поручили организовать канцелярию управления и создать в самый короткий срок курсы для подготовки рядового и командного состава милиции. Инспектор осуществлял общее руководство деятельностью ми-

---

[1] Подготовка и победа Великой Октябрьской Социалистической Революции в Узбекистане – С. 235 – 237. (Далее – Подготовка и победа ВОСР в Узбекистане).

[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 120, л. 9.

[3] Джалилов Т. А. Верные Отчизне… – С. 21.

[4] Там же.

[5] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 5, л. 185.

лиции в пределах края, инспектировал учреждения милиции и производил ревизии, ведая передвижением работников милиции в пределах областей[1].

Спустя месяц, 4 марта, по гражданско-административной части комиссариата был издан приказ № 86, в котором был объявлен «Устав кадров милиции», который определял порядок руководства курсами по подготовке кадров милиции, нормы поведения курсантов и их обязанности. Несколько позже был принят «Дисциплинарный устав для служащих Советской рабоче-крестьянской милиции»[2].

Согласно «Дисциплинарному уставу», принятому в 1919 г., начальники имели право за незначительные упущения по службе наказывать следующими дисциплинарными взысканиями: предостережение, выговор в строю, наряд вне очереди не свыше 10 суток, арест на срок не свыше 10 суток, смещение на низшие должности, увольнение со службы. За неправильность наложения взыскания начальник, наложивший его, нес ответственность[3].

По отношению к тем сотрудникам милиции, которые совершали уголовные преступления, Устав предусматривал строгие меры наказания. Например, в статье 13 данного устава говорилось: «Наложение дисциплинарного взыскания не останавливает предания виновного суду, если по роду совершённого деяния он подлежит последнему»[4]. Кроме того, согласно 15-й статье, сотрудники милиции, осуждённые за преступления, позорящие звание работника советской рабоче-крестьянской милиции, а также уволенные в дисциплинарном порядке, заносились в особые списки – «на чёрную доску», и об этом сообщалось всем уездным, областным управлениям, а также Главному управлению советской милиции[5].

Таким образом, в течение первой половины 1918 г. был ликвидирован колониальный аппарат государственной власти и созданы органы советского государственного управления, в том числе и милиция. Начиная с февраля 1918 г., как было ранее от-

---

[1] Там же. д. 72, л. 1.
[2] Там же, д. 362, лл. 1 – 3.
[3] Там же, Ф. 39, оп. 1, д. 362, л. 3.
[4] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 362, л. 3.
[5] Там же.

мечено, новые милицейские органы начали создаваться во всех уездах, городах и волостях. Однако до середины 1920 г. в деле структурной организации и управления органов милиция (особенно в республиканских органах управления) имело место множество негативных явлений.

Ненормальным явлением следует считать и то, что на VI съезде Советов было принято постановление об объединении комиссариатов иностранных и внутренних дел, деятельность которых по существу и содержанию была совершенно различной[1].

Объединённый комиссариат просуществовал с ноября 1918 г. по апрель 1919 г., т.е. до VII Съезда Советов, когда было признано необходимым вновь разграничить функции обоих комиссариатов.

Первого июля 1918 г. было организовано Главное управление милиции. Это управление с самого начала имело весьма шаткие основы, несмотря на то, что, согласно Положению «О рабоче-крестьянской милиции», оно считалось политотделом Отдела управления Комиссариата внутренних дел. До середины 1920 г. была выполнена большая работа по созданию в республике руководящего аппарата милиции, тем не менее она нуждалась в значительном улучшении. Кроме того, очень часто менялись начальники управления (видимо, это было связано с решениями органов советской власти, что было немаловажным фактором в период создания органов милиции), а это отрицательно сказывалось на работе всей милиции. Например, только за время с 23 марта по 19 июля 1920 г. 4 раза менялись начальники управления Главмилиции. Так, 21 января временно вступил в должность начальника Главного управления милиции гражданин Цируль, 22 марта постоянным начальником был назначен Алимбеков, после него Лукьянов, потом его заменил Мельников и 19 июня вновь на эту должность был назначен Цируль[2].

После своего второго назначения Цируль (10 февраля 1920 г. за № 363) предоставил Народному комиссариату внутренних дел обширный доклад, в котором обрисовал тяжёлое положение милиции, суммируя по этому вопросу доказательства фактического

---

[1] Там же, д. 120, л. 9об.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 362, лл. 52-53.

и юридического свойства. В частности, он указывал, что «... действующий ныне аппарат (Главное управление милиции. -А.Р.) нуждается в значительном улучшении. Общие впечатления об организации милиции в том виде, как она существует, теперь может быть выражено кратко – нет стройности, нет определённого плана работы на местах...»[1].

С мая месяца 1918 г. (Комиссариат внутренних дел Туркестанской АССР был образован 1 мая) по апрель 1920 г., т.е. в течение двух лет Комиссариат внутренних дел не всегда и в не вполне благоприятных условиях старался наладить свою деятельность, но это не всегда получалось[2].

В сложный период усиления классовой борьбы, антисоветские элементы всячески старались найти возможность привлечь на свою сторону отдельных случайных людей, проникших в ряды милиции. Имели место инспирированные врагами случаи, когда начальники милиции некоторых районов, в нарушение существующей инструкции, выбирались и сменялись населением. В этих случаях сторонники старого порядка всячески старались протащить в милицию «своих людей». Чтобы не допустить этого, СНК Туркестанской АССР 2 ноября 1918 г. издал приказ № 355, который отменял выборы (участковых) начальников милиции, и с этого времени они назначались, а не избирались. Кроме этих мер, комиссар внутренних дел потребовал от начальников милиции и заведующих отделами исполкомов принять меры к увольнению из милиции всех бывших чинов полиции. Это не касалось только бывших агентов (оперативных работников) уголовного розыска и представителей местного населения, служивших до революции в полиции и честно исполнявших свои обязанности. Эти обстоятельства объяснялись спецификой работы уголовного розыска и отсутствием подготовки новых кадров из лиц местной национальности.

Тем не менее, многие хорошие специалисты, прекрасно знавшие свое дело, были уволены из рядов милиции, что, на наш взгляд, являлось тогда серьезным упущением и недальновидностью ряда руководителей советских и партийных органов.

---

[1] Там же, л. 13.
[2] Там же, д. 120, л. 9об.

18 ноября 1919 г. ЦИК Советов Туркестанской Республики дополнил структуру милиции, создав в ней подотделы: хозяйственный, инструкторско-информационный и уголовно-розыскной[1]. Несколько позже были разработаны и приняты «Положение об организации Уголовного Розыска Туркестанской Республики» и «Инструкция агентам сотрудникам Уголовного розыска»[2].

СНК Туркестанской республики 5 апреля 1920 г. принял новое «Положение о советской рабоче-крестьянской милиции», согласно которому подотдел милиции отдела местного управления НКВД Туркестанской АССР был преобразован в Главное управление милиции, возглавляемое членом коллегии Комиссариата внутренних дел. На Главное управление милиции возлагалось руководство милицией республики и общий надзор за её деятельностью. Для осуществления контроля над деятельностью местных органов милиции при Главном управлении была учреждена инспекция, которая контролировала выполнение органами милиции, их сотрудниками и всеми служащими своих обязанностей[3].

Новое Положение предусматривало деление милиции на Главное управление (при Комиссариате внутренних дел), областное управление (при отделах управления облревкомов и облисполкомов), уездные и городские управления милиции (при отделах управления уездных или городских ревкомов или исполкомов), назначение начальников милиции районов, подчиняющихся отделам управлений соответствующих ревкомов и исполкомов.

В новом Положении были несколько расширены права начальника Главмилиции, касающиеся назначений некоторых категорий начальствующего состава. Теперь без согласования с начальником Главмилиции, исполкомами или ревкомами начальники областных управлений не назначались и не увольнялись. Кроме того, начальник Главного управления милиции имел право увольнять, смещать, перемещать должностных лиц, не соответствующих своему назначению. Согласно новому Положению, допускался приём на службу в милицию юношей до 19 лет, вместо

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 1, лл. 114, 120.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 362, л. 7, лл. 711-717.
[3] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 362, л. 719.

21 г., установленных ранее. Усложнились правила приёма в органы милиции. Запрещалось принимать в милицию лиц, состоящих под следствием, прибегающих к наёмному труду с целью извлечения прибыли, живущих на нетрудовые доходы, частных торговцев и торговых посредников, служащих культов, бывших чинов и агентов жандармских отделений, полиции и царского дома.

В составе Управления милиции были созданы отдел уголовного розыска и другие специальные отделы. Главное управление милиции с 1 сентября 1920 г. должно было состоять из следующих отделов: инспекторского, общего снабжения, сельско-городского и уголовного розыска[1]. К концу 1920 г. на территории Туркестанской АССР функционировало 34 городских, 26 уездных, 92 районных (участковых) отделов милиции[2].

В зависимости от условий и характера решаемых задач часто изменялись структура и функции органов милиции. В период установления советской власти, в условиях ожесточённой борьбы с антисоветскими силами, когда частями Красной Армии (село за селом, район за районом) устанавливалась советская власть, по оперативной линии милиция подчинялась командиру группы войск, и милиции поручались закрепление и охрана советской власти на этих территориях[3].

Согласно постановлению СНК Туркестанской АССР, принятому 13 января 1921 г., 8 февраля для обсуждения деятельности милиции и «оздоровления» её личного состава было созвано совещание, в котором участвовали представители Главного управления милиции Туркестанской республики, ЧК, Реввоенсовета и Туркполитпросвета. Был заслушан доклад об итогах деятельности милиции Туркестанской республики, согласно которому считалось необходимым очистить ряды милиции от случайных и преступных элементов[4]. Кроме того, совещание решило разработать конкретные меры по улучшению милицейского дела в республике, создать при областных и уездных управлениях милиции специальные комиссии для аттестации личного состава, организовать различные

---

[1] Там же, Ф. 33, оп. 1, д. 414, л. л. 33 – 34.
[2] Там же, Ф. 39, оп. 1, д. 344, л. 11.
[3] Джалилов Т. А. Верные Отчизне…– С. 43.
[4] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 220, л. 42.

курсы подготовки командного, хозяйственного и рядового состава милиции. Совещание также постановило организовать проведение культурно-просветительной работы среди милиции силами Туркполитпросвета, для чего учредило должности помощников начальников милиции по политико-просветительной части с целью проводить военное обучение работников милиции[1].

Поскольку в милиции не хватало национальных кадров, то 7 ноября 1921 г. СНК Туркестанской АССР поднял вопрос об укомплектовании милиции кадрами из числа лиц коренного населения. С этой целью 14 ноября 1922 г. ТуркЦИКом была создана специальная комиссия по областям и уездам для решения данного вопроса. Комиссия, руководствуясь Постановлением ВЦИК «О пересмотре и документировании личного состава милиции», начала чистку рядов милиции от всех лиц, состоящих под судом и следствием за должностные преступления, замеченных в грубом обращении с населением, пьянстве, взяточничестве, уклоняющихся от активной борьбы с бандитизмом по шкурническим соображениям и трусости и т. д.

Ожесточённая борьба против антисоветских сил и различных преступных элементов требовала ужесточения правил приёма в милицию, поэтому 26 января 1922 г. по милиции Туркреспублики был опубликован приказ, в котором излагались новые правила приёма в органы милиции. На основе этих правил в милицию принимались граждане в возрасте не менее 21 г., грамотные, полне здоровые и годные к милицейской службе[2].

Рабоче-дехканская милиция в первое время не имела единой и строго разработанной структуры как в столице республики, так и на местах. Это было обусловлено тем, что, во-первых, не было опыта по созданию новых органов управления, во-вторых, крайне не хватало подготовленных квалифицированных работников, и самой главной трудностью было снабжение и содержание милиции[3]. Она даже и называлась по-разному охрана городов, «милиция», и ей поручалось выполнение разнообразных заданий по усмотрению местных Советов, при которых милиция создавалась.

---

[1] Джалилов Т. А. Верные Отчизне... – С. 28.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 674, л. 8.
[3] Джалилов Т. А. Верные Отчизне... – С. 33.

По мере укрепления центральных органов власти СНК, ЦИК, Комиссариат внутренних дел разрабатывали различные документы, регламентирующие отдельные вопросы организации милиции, которые затем публиковались на станицах газет или издавались отдельно.

В городах и уездах вводились должности начальников охраны уездов и городов, назначаемые Советами, в районах были предусмотрены должности начальников районной милиции, утверждаемые начальниками городов и уездов, а также местными Советами. По утверждению Т.А.Джалилова, это была первая попытка высших органов власти Туркестанской АССР упорядочить структуру милиции и порядок назначения её руководящих работников[1].

Структура и штаты милиции, её функциональные обязанности постоянно совершенствовались. Совет Труда и Обороны (СТО) 24 августа 1921 г. обязал Главное управление милиции НКВД РСФСР создать специальную комиссию и проверить численный состав милиции. На основании выводов комиссии 17 сентября 1921 г. СТО утвердил штаты милиции Российской Федерации. В Туркестанской АССР было установлено следующее число органов милиции: в областных городах – 6; городских управлений в областных городах – 7; уездных управлений – 30; районных управлений – 95; отделений милиции в районных городах с районным делением – 54; строевых подразделений – 36.[2]

Согласно решению Пленума ТуркЦИКа от 19 февраля 1922 г., Главное управление милиции было преобразовано в отдел организационно-административного управления НКВД. Также был упразднён уголовный розыск, и все его функции были переданы в отдел милиции. Позднее, 15 марта были упразднены и областные управления милиции. Во главе отделов теперь стоял заведующий отделом управления облисполкома и его административный подотдел[3]. Областные отделения уголовного розыска преобразовались в уездно-городские и получили название уездно-городские отделения уголовного розыска.

---

[1] Джалилов Т. А. Верные Отчизне... – С. 36.
[2] ЦГА Р. Узб, Ф. 39, оп. 1, д. 239, л. 45.
[3] Там же, д. 485, л. 38.

Однако эти структурные изменения, которые преследовали цель упростить структуру милиции, усилить контроль за её деятельностью и удешевить содержание милицейского аппарата, не привели к желаемому результату, наоборот, произошло значительное ослабление деятельности милиции[1]. Находясь в составе административных управлений, органы милиции лишались во многих случаях самостоятельности и инициативности. Административные управления, решая и другие не менее важные вопросы и задачи, не могли уделять достаточного внимания руководству органами милиции.

Поэтому 29 августа 1922 г. Большой Совет НКВД Туркестанской республики рассмотрел вопрос «О состоянии штатной и добровольной милиции и о мерах к усилению их деятельности»[2] и признал необходимым создать при НКВД самостоятельное Главное управление милиции. НКВД Туркестанской АССР, реализуя постановления Большого Совета НК, 21 января 1923 г. выделил отдел милиции административного управления НКВД в самостоятельное Главное управление милиции[3]. Областные, городские, и уездные управления милиции также преобразовались в самостоятельные единицы.

Изменению подверглись и административные отделы. С этого времени они должны были выполнять такие функции, как наблюдение за проведением в жизнь постановлений административного характера, требовать их выполнения, регистрировать пленных, беженцев, иностранных граждан и др. В то же время административные отделы должны были выполнять ряд функций, ранее принадлежавших милиции, – содействовать всем органам центральной и местной власти в проведении в жизнь постановлений и распоряжений административного характера, производить дознание и расследование, выдавать удостоверения личности, разрешения на изготовление печатей и т.п.

Кроме того, в административный отдел были включены: областное управление милиции, уголовный розыск, областные места заключения, подотдел записи актов гражданского состояния.

---

[1] Джалилов Т. А. Верные Отчизне... – С. 45.
[2] ЦГА Р. Узб, Ф. 39, оп. 1, д. 418, л. 1.
[3] Там же, д. 674, л. 12.

Должности начальника милиции и начальника административного отдела были совмещены, причём в отдельных случаях по постановлению исполкома эти должности могли быть выделены в самостоятельные единицы. Начальник милиции административного отдела одновременно являлся заместителем председателя исполкома области, уезда и волости[1].

В дальнейшем задачи и функции милиции Туркестанской республики всё более расширялись.

Со дня своей организации милиция Туркестанской республики являлась составной частью всей милиции РСФСР и в своей деятельности постоянно ощущала действенную помощь НКВД РСФСР и его Главного управления милиции. Комиссариат внутренних дел Туркестанской республики регулярно получал из РСФСР руководящие документы. Однако помощь НКВД РСФСР не ограничивалась только руководящими документами. Для оказания практической помощи в республику направлялись опытные работники НКВД РСФСР. Например, такая помощь была предоставлена в сентябре 1920 г. по просьбе НКВД ТАССР. Главное управление милиции РСФСР направило на Северный Кавказ, Украину и в Туркестан около 8 тысяч милиционеров и командиров[2]. В Туркестан из Центра направлялись особенно опытные специалисты. Работники НКВД Советской России вместе с представителями местных органов власти активно участвовали в создании отделов и первых отрядов рабоче-крестьянской милиции Туркестана, уделяли много внимания воспитанию её личного состава. 7 апреля 1920 г. для оказания практической помощи Туркестанской милиции в Ташкент был командирован сотрудник НКВД РСФСР А. П. Мельников. Он помог наладить делопроизводство, разработал новые штаты для органов милиции, организовал подотделы, дал рекомендации по формированию железнодорожного отдела и т.д[3].

На основании договора, заключённого в 1922 г. для «установления единых организационных форм построения и методов работы милиции... на всей территории РСФСР», все последующие

---

[1] Джалилов Т. А. Верные Отчизне... – С. 46.
[2] Советская милиция, 1957. – № 8. – С. 48.
[3] Джалилов Т. А. Верные Отчизне... – С. 56.

изменения организационной структуры милиции РСФСР являлись обязательными для милиции Туркестанской АССР. Договор предусматривал также взаимную информацию о положении дел, обмен приказами и подотчётность нижестоящей милиции перед вышестоящей, и даже, согласно пункту 5 договора, представитель милиции РСФСР мог проверить работу милиции ТАССР[1].

22 апреля 1920 г. СНК Туркреспублики принял новое «Положение о советской рабоче-крестьянской милиции»[2]. По новому Положению подотдел милиции отдела ЦАУ НКВД Туркестанской Республики был преобразован в Главное управление милиции (ГУМ). На ГУМ возлагались руководство милицией республики и общий надзор за её деятельностью. Для осуществления контроля над деятельностью местных органов милиции при ГУМе была учреждена инспекция, которая контролировала выполнение органами милиции и их сотрудниками своих обязанностей, изучала общую работу уголовной, железнодорожной и водной милиции, производила ревизию всех учреждений милиции, содействовала её органам в организационной работе, а также в разработке инструкций и укреплении правосознания и дисциплины среди сотрудников милиции. Структура ГУМа в 1920 г. была следующей: инструкторский отдел; общий отдел; отдел железнодорожной милиции; отдел уездно-городской милиции; отдел уголовного розыска и санитарный отдел[3].

В 1921 г. структура ГУМа несколько изменилась: 1 – инспекторский отдел; 2 – отдел уездно-городской милиции; 3 – отдел снабжения; 4 – отдел уголовного розыска; 5 – общая канцелярия.[4]

26 февраля 1922 г. НКВД Туркреспублики издал приказ №29 о реорганизации ГУМа в отдел милиции при организационно-административном управлении НКВД. Был упразднён уголовный розыск, и все его функции были переданы в отдел милиции. Структура отдела милиции после реорганизации при организационно-административном управлении НКВД в 1922 г. выглядела

---

[1] Там же. – С. 57.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 17, оп. 1, д. 225, л. 71.
[3] Там же, Ф. 339, оп. 1, д. 449, л. 17.
[4] ЦГА Р. Уз. Ф. 17, оп. 1, д. 121, л. 69.

следующим образом: 1) подотдел службы милиции; 2) подотдел снабжения; 3) подотдел уголовного розыска[1].

В 1923 г. ГУМ состоял из следующих подотделов: 1) политсекретариата; 2) организационно-административного; 3) инструкторского; 4) снабжения.

5 августа 1924 г. была создана ведомственная милиция[2], и на нее распространялись также все законоположения милиции республики.

К 1924 г. структура рабоче-крестьянской милиции Туркреспублики состояла из Главного управления, областных, уездных, городских и районных управлений, общей уголовно-розыскной, промышленной, ведомственной и водной милиции.

После того как III Внеочередная сессия ТуркЦИКа в сентябре 1924 г. приняла постановление о национально-территориальном размежевании Средней Азии[3], НКВД Туркреспублики 23 ноября 1924 г. был ликвидирован[4].

Именно через вышеназванные республиканские аппараты управления осуществлялись организация и руководство органов милиции в северных районах Таджикистана.

§ 2. ОРГАНИЗАЦИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИЛИЦИИ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ И НА ПАМИРЕ

Советская власть в Ходжентском уезде была установлена с ноября 1917 по апрель 1918 гг. сравнительно мирно и легко,[5] однако борьба за её укрепление была упорной и длительной. Бывшие чиновники и представители имущих слоев никак не хотели с этим мириться и организовали против новой власти вооружённую борьбу. Для того, чтобы защитить свою власть, Ходжентский Совет принял ряд мер. 18 апреля 1918 г. Ходжентский Совет принял решение о реорганизации Красной Гвардии в Красную

---

[1] Там же, д. 302, л. 12.
[2] Там же, д. 678, л. 68.
[3] См.: Масов Р. История топорного разделения…– С. 2.
[4] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, введение к описи, л. 5.
[5] Тураев Б. Раскрытие заговора эсеров // За власть Советов в Таджикистане. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1958. – С. 33.

Армию. Как известно, кроме защиты советской власти от врагов, ещё необходимо было установить новые порядки и законы. Для решения этой немаловажной задачи нужна была ещё одна вооружённая сила. Как было сказано, такой силой стала милиция, которая организовывалась на местах одновременно с установлением советской власти.

19 июня 1918 г. Ходжентский Совет принял постановление об организации милиции, где указывалось: «Поручить Президиуму исполкома ознакомиться с положением о советской рабоче-крестьянской милиции Туркестанской Республики РСФСР, после чего приступить к оформлению милиции»[1]. Как и в Центре, с июня 1918 г. милиция перешла в ведение Комиссариата по административным делам при Ходжентском Совете.

16 октября 1918 г. начальник милиции Ходжентского уезда доложил исполкому, что, согласно штатам, утверждённым приказом Наркомата внутренних дел Туркестанской республики, милиция в Ходженте полностью сформирована[2]. В течение почти года, т.е. к 12 мая 1919 г., милиция была сформирована во всём Ходжентском уезде[3].

Как мы уже писали, милиция создавалась в исключительно трудных условиях – это отсутствие опытных сотрудников и нехватка оружия, обмундирования и т.д. Например, начальник Ходжентской уездно-городской милиции представил Второму уездному съезду доклад о действительном положении дел, в котором приводились такие данные: на 35 работников милиции города Ходжента приходилось 9 охотничьих берданок, 10 револьверов и 15 шашек[4]. В центральном управлении, Кистакозском и Исфанейском участках оружия вообще не было[5]. Несмотря на это, с первых же дней своей деятельности милиция вступила в борьбу против антисоветских сил. Уже в конце 1918 г. в г. Ходженте милицией был пойман известный картежник и бесстрашный разбойник Нори Матчои[6] (бывший полицейский), который,

---

[1] См.: Мотылев Я.С., Лысенко Е.А. Солдаты порядка. – С.13.
[2] Ленинабадский филиал ЦГА. РТ. Ф. 37, оп. 1, д. 42, л. 18.
[3] Иркаев М. М. История гражданской войны…– С. 64.
[4] Ленинабадский филиал ЦГА. РТ. Ф. 5, оп. 1, д. 7, л. 103.
[5] Мотылев Я. С. Верность долгу… – С. 26.
[6] О поимке Нора Матчои подробно см.: Таджи Усман, Проклятый народом. –

по слухам, хотел организовать свою банду в Ходжентском уезде. По постановлению уездного исполкома Нор был расстрелян как социально опасный элемент[1].

Весной и летом 1918 г. вооружённые силы в городе представляли отряды уездной милиции и отряд народной охраны. Ходжент охранялся постоянно, особенно усиленно в ночное время. Как вспоминает один из инициаторов создания добровольческих отрядов, а затем начальник милиции Урсатьевская, Драгомирова и Ходжента Болтахон Тураев, «осенью 1918 г. город Ходжент, особенно ночью, охранялся усиленно из числа добровольцев, составивших дополнительную вооруженную силу для оказания помощи отрядам уездной милиции. Город нередко подвергался вооруженным испытаниям со стороны контрреволюционных элементов, как это было с совершением взрыва в районе махалы Дарвозаи Коканд. Взрыв произошел в доме одного из эсеров, которые усиленно готовились к мятежу для свержения советской власти в Ходженте. В результате тщательно проведенного обыска, а затем расследования эсеры, возглавляемые Стерлиговым, Султунбой Махмудовым, Таджибой Ходжимухамедовым, которые впоследствии были арестованы, для совершения задуманной ими преступной цели долго и серьезно готовились, припрятав на квартирах одного из «правых» эсеров оружие»[2]. Об антисоветской деятельности руководителя ходжентских эсеров Стерлигова упоминается в телеграмме 4 декабря 1918 г. от Председателя съезда Совдепов г.Ходжента Тихонова на имя комиссара внутренних и иностранных дел Малкова. В ней говорится, что Стерлигов, ранее состоявший в партии комунистов-большевиков, был исключен из нее. Как представитель затем партии левых эсеров, занимал должность уездного комиссара, от которой был отстранен за деятельность, направленную против советской власти, за что был ЧК неоднократно предупрежден. Однако он, игнорируя эти предупреждения, активно проводил агитацию среди левых эсеров с целью отказа их от участия в ликвидации антисоветского восстания в Матчинском районе. Этой агитации подвергались и

Душанбе. – С. 35 – 39.

[1] Ленинабадский филиал ЦГА. РТ. Ф. 106, оп. 1, д. 43, л. 59.

[2] Тураев Б. Раскрытие заговора эсеров…– С. 91.

милиционеры. Лишь только в результате решительных действий руководства г.Ходжента милиционеры, получавшие жалование из народных средств, выступили в защиту советской власти и достойно выполнили свой служебный долг[1].

Как видно из текста телеграммы, отряды Ходжентской милиции участвовали в ликвидации антисоветского мятежа в Матчинском районе. Специальной комиссией к 1919 г. были разработаны штаты и смета городской и уездной милиции Туркестанской АССР. В 1919 г. по штату городская милиция в Ходженте состояла из 2-х районных начальников по охране города; 4-х писцов; 7 старших, 11 младших и 4-х конных милиционеров, 2-х разъездных начальников по охране[2]. По утверждённой смете на содержание городской милиции в 1919 г. потребовалось 279240 рублей[3].

Структура и штаты милиции в первые годы очень часто менялись. Например, в отличие от вышеприведённого штата городской милиции, к концу 1919 и началу 1920 гг. штат городской милиции был сильно изменен (см.: приложение 6).[4]

После утверждения штата и сметы расходов на места было отправлено специальное письмо с указанием народного комиссара Богоявлинского следующего содержания: «... 1) милиция как городская, так и уездная должна содержаться во всём, согласно штатам, причём никаких отклонений от таковых не может допускаться... Милиционеры ни в коем случае не могут быть использованы для каких-либо иных, кроме милицейских, обязанностей (рассыльных, сторожей, канцелярской и прочей работы), тем более для личных услуг начальника милиции...»[5].

Сразу после официальной организации Ходжентская городская милиция серьёзно взялась за работу. Вот несколько примеров из истории деятельности Ходжентской милиции в 1918-1920 гг.

В первой половине 1918 г. из Аштского в Ходжентское полит-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 28, лл. 16, 16 об20.
[2] Там же. д. 57, л. 174.
[3] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 57, л. 174.
[4] Там же, лл. 52, 52об, 91.
[5] Там же, л. 270об.

управление пришло сообщение о том, что обнаружена группа вооруженных всадников с грузом приблизительно из 12 арб... Возле некоторых арбакашей сидели люди в европейском платье, поверх которого были надеты халаты. Возможно, груз представлял собой значительную ценность, поэтому весь он был запакован в сундуки из новых досок, а сверху ещё обшит мешковиной. Потом стало известно, что весь этот «груз» состоял из награбленного золота, принадлежащего бывшему начальнику милиции города Коканда и одному из главарей контрреволюционного правительства «Кокандской автономии» – Эргашу Курбаши («хромой»), который накопил богатство, опустошив Государственный банк, награбив другие народные ценности. Эргаш хранил до этого своё богатство в кишлаке Тамаша и теперь собирался переправить за границу. По приказу Революционного комитета Ходжента добровольческие отряды милиционеров и дружина из коммунистов преградили дорогу грабителям и это имущество попало в руки подлинных своих хозяев – народа и государства. В будущем часть этого ценного богатства использовалась для улучшения материального и экономического состояния Ходжента[1].

Во второй половине 1919 г. в Ходжент прибыл пехотный полк, который состоял в основном из русской, белорусской, украинской и татарской молодёжи. Этот полк сыграл большую роль в мобилизации народа и во всех первых начинаниях советской власти. Активность полка пришлась не по вкусу врагам новой власти. Поэтому они решили каким-нибудь способом запугать командиров и солдат этой воинской части, чтобы полк ушёл из Ходжента. Трагедия, произошедшая в гарнизоне летом 1920 г., была результатом этих вражеских происков. Совершенно невинные люди были безжалостно погублены, как муравьи[2].

Убийца был неизвестен. Ясно было одно: четырнадцать молодых бойцов умерли сразу же после обеда, они ели из одного котла, пища была отравлена.

Трагедия в гарнизоне подняла на ноги все советские и партийные учреждения, и в первую очередь, городскую милицию. Началось следствие. Тогда начальником милиции города Ходжента

---

[1] Таджи Усман. Проклятый народом... – С. 30.
[2] Ленинабадский филиал ЦГА. РТ. Ф. 106, оп. 1, д. 82, л. 4.

был Карим качпо (Карим-кривоногий), до него эту должность занимал Муминходжа Хусейнов[1]. В результате следствия выяснилось, что в аптеке Селяниных, которая находилась неподалёку от мазори Хазрати Бобо, работал провизор по фамилии Рубенштейн. Он находился в тесном контакте с ходжентскими эсерами, их подручным – Муллоболту-ювелиром. План преступления был разработан заранее и яд должен был быть брошен во все котлы. Но полностью осуществить свой злой умысел враги не смогли. Рубенштейн использовал в этом преступном деле молодую и красивую медсестру гарнизона – Морозову Софью Михайловну, которая часто заходила в аптеку, чтобы купить лекарства для солдат. Рубенштейн, чтобы завоевать доверие девушки, объяснился ей в любви и даже сватался. Через неё же Рубенштейн и его сообщники осуществили свои преступные деяния, после преступления провизор отравил Софью и, воспользовавшись тем, что был однофамильцем жены коменданта ВЧК Захара Пинчука, взял разрешение у исполнительного комитета и сбежал в Ашхабад. Самое удивительное заключалось в том, что унести преступнику ноги помогли сами блюстители порядка, т.е. сам начальник милиции Ходжента Карим-качпо. Именно он заходил к председателю исполкома Бобобеку Мавлонбекову и подписал документ о разрешении на выезд Рубенштейна из города. Начальника милиции Карима-качпо вызвали в Ревком и поручили: немедленно отправиться вслед за преступником, любыми средствами поймать его и привезти в Ходжент, в противном случае он сам будет привлечён к ответственности. Начальник милиции справился с задачей и, арестовав преступника, доставил его в Ходжент. Преступление убийц было доказано, и они понесли заслуженную кару. Начальника милиции тоже следовало привлечь к ответственности как пособника врагов. Однако Ревком, учитывая, что он сам задержал убийцу, ограничился тем, что освободил его от занимаемой должности[2]. После Карима-качпо, в конце 1920 г. некоторое время начальником уездно-городской милиции работал Абдукодыр Рахимбаев[3].

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 63, л. 15.
[2] Таджи Усман. Проклятый народом...– С. 102.
[3] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 106, л. 29.

В январе 1920 г. в Ходжентский Отдел Управления был командирован инструктор Главмилиции Туркестанской Республики В.Павлюц. Он прибыл в Ходжент 3 января и о состоянии дел в отдел Управления доложил следующее:»... что касается организации отдела управления, я не приступил, так как КВД (Комиссару внутренних дел. – А.Р.) было телеграфировано, что заведующий этим отделом назначен и выехал в Ходжент, но такового до сего времени нет, также нет канцелярских принадлежностей, а самое главное нет ни одного, кроме временно исполняющего обязанности заведующего этим отделом Боймухамедова, который в одно время занимает должность начальника уездной милиции»[1]. Далее инструктор Главмилиции в своём докладе описывает действительное состояние милиционеров Ходжента, а также рассказывает об одной ситуации, которой сам был живым свидетелем: «... от имени милиционеров городской и уездной милиции, которые просили меня ходатайствовать об их обмундировании, так как милиционеры находятся в самом жалком положении и в своём обмундировании совершенно не похожи на советских милиционеров, а более походят на каких-то оборванных нищих. Не имея тёплой одежды, им часто приходится выезжать на шайки разбойников, так как в Ходженте и в уездах находятся разбойники. При мне 3 января милиционеры вместе с их начальником Боймухамедовым поехали на шайку разбойников на станцию Хилково, вернувшись от-туда, милиционеры все как один категорически заявили, что больше на шайку разбойников не поедут, пока не дадут им обмундирование, так как они чуть не позамерзали»[2].

10 января милиционеры пришли в канцелярию начальника городской милиции и просили принять от них оружие, так как они не хотят больше служить. Но их кое-как уговорили остаться до приезда начальника уездной милиции Боймухамедова. В конце своего доклада инструктор Главмилиции В.Павлюц ходатайствовал от имени милиционеров перед Наркомом внутренних дел Туркестанской республики о следующем: «Ввиду того, что военным комиссаром «в обмундировании для милиции было отказа-

---

[1] Там же, д. 341, л. 2.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 106, л. 3.

но, то нельзя ли будет отпустить какие-нибудь средства, чтобы одеть милиционеров, дабы не разбежались последние милиционеры»[1].

Согласно постановлению объединенного заседания Ревкома и уездного горкома партии от 14 июня 1920 г., на руководство уездно-городской милиции Ходжента назначались следующие лица: начальник городской милиции – Султанбай Баймухамедов, помощник – Корнилов; начальником милиции городского района – Файзулло Рахимбаев, помощником ему – Рауфов; начальником Кистакузского района – Кутбиддин Нажмутддинов, его помощником – Абдулладжан Юсупов; начальником Исфанейского района – Сафин, помощником – Игамбердиев[2].

Во второй половине 1920 г. было получено указание, что на местах и среди молодёжи необходимо создавать отряды самозащиты, которые позже были названы частями особого назначения (ЧОН). Организация ЧОНа в Ходженте прошла с большим успехом. Эту военную часть тогда называли «Ротой коммунаров», которая имела пару пулемётов, сотню пятизарядных винтовок, 40 пистолетов и некоторое количество ручных гранат. Этот гарнизон находился в районе Чоршанбе[3]. Поскольку в Ходжентском гарнизоне красноармейцев было очень мало, то борьбу с контрреволюционными силами в основном вели отряды ЧОНа, работники ВЧКа и народная милиция. На них возлагалась охрана железной дороги, стратегически важных объектов, почты, телеграфа, окрестностей города и т. д. Активными членами этого отряда являлись Додохон Холматов, Шахобиддинн Садрулин, Дадабой Махкамбоев, Нумон Мансуров, Хошим Якубов, Сиродж Нажмуддинов, Г.Ожерелов, Б.Ульмасов, Д.Фозилов, Э.Сулаймонов и др. Бойцы этого отряда в конце декабря 1920 г. защищали железнодорожную станцию Ходжента от вооружённых нападений контрреволюционеров.

До 20 декабря 1921 г. милиция Ходжента находилась в ведении Ферганской областной милиции Туркестанской республики. Однако на основании постановления ЦИК Советов Туркестан-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 106, л. 3.
[2] Ленинабаский филиал ЦГА. РТ. Ф. 6, оп. 1, д. 18, л. 26.
[3] Таджи Усман. Проклятый народом…– С. 104.

ской АССР от 24.12.1921 г. за №138 и постановления ТуркЦИКа от 20.12.1921 г. за №88, начальник милиции республики постановил: Ходжентскую Угормилицию передать в ведение Самаркандской областной милиции[1]. До перехода Ходжентской Угормилиции в ведение Самаркандской областной милиции в ней было 221 человек, 66 из которых составляли конные[2].

Деятельность милиции по всей Туркестанской республике в 1920-1921 г. характеризовалась проведением целого ряда организационных мероприятий, направленных на систематическую работу по усилению и укреплению милицейского аппарата в целом и по укреплению дисциплины, а также по установлению общего руководства всей милицейской работой.

Постановление Пленума ТуркЦИКа о расформировании Главного и областных управлений милиции от февраля 1922 г. на местах было неправильно истолковано и послужило основанием к проявлению различных организационных (в области милиции) и разнородных мероприятий. Было даже время, когда в некоторых местностях уездно-городские управления милиции расформировывались[3]. Например, в Ферганской области существовало Областное управление милиции с соответствующими отделами по штатам, введенным ещё в 1921 г., в других же областях управления милиции были расформированы[4]. Ряд поступивших докладов с мест свидетельствовал о том, насколько тяжело было руководить работой при отсутствии четкого милицейского аппарата.

Советом Труда и Обороны 30 сентября 1921г. (протокол № 69) штат милиции Туркестанской республики был утверждён в числе 7759 человек[5]. Однако, ввиду недостатка средств, а следовательно, и крайне бедственного состояния милиции, указанный штат был сокращён по особому расписанию, утверждённому Президиумом ТурЦИКа 4 июля 1922 г., до 6501 человек[6].

Личный состав милиции Ходжента, как и всей Туркестанской республике, был не вполне квалифицированным и в строевом от-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 235, л. 8.
[2] Там же, д. 63, л. 1об.
[3] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 2, д. 108, л. 34.
[4] Там же, л. 35.
[5] Там же.
[6] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 2, д. 108, л. 135.

ношении слабо подготовлен. Военной подготовки милиция в общем также почти не имела. Эти и другие объективные причины иногда не позволяли милиции исполнять свои обязанности на должном уровне.

В те тяжёлые годы борьбы новой власти с представителями старого режима трудящиеся городов, и особенно жители кишлаков, испытали на себе ужасы продолжительной вооружённой борьбы, налётов отдельных вооруженных групп, грабежей и насилия, и поэтому они сами по своей инициативе организовывали отряды добровольной милиции с целью защиты своих семей. Одновременно население обязывалось взять на себя содержание доброотрядов милиции. 12 февраля 1922 г. СНК Туркестанской республики, идя навстречу пожеланиям трудящихся, издал постановление, в котором говорилось, что во всех местностях Туркестанской республики... в последнее время обнаруживаются набеги, ограбления, убийства и другие проявления бандитизма, которые принимают всё большие размеры....[1]. Далее этим же постановлением СНК предоставил местным исполкомам право увеличивать численность милиции за счёт самого населения в каждом районе по своему усмотрению для успешной борьбы с бандитизмом и установления общественного спокойствия[2]. Совет Народных Комиссаров 25 марта 1922 г. принял предложение Комиссариата внутренних дел о создании добровольной милиции. «В целях усиления борьбы с бандитизмом, – отмечалось в постановлении, – разрешить формирование добровольных отрядов милиции из населения, внесённый в НКВД проект о порядке и условиях формирования добровольной милиции утвердить и обнародовать»[3]. Немного позже, 4 апреля 1922 г. было принято постановление СНК Туркестанской республики с конкретным указанием органов, ответственных за формирование отрядов добровольной милиции, о подчинённости добровольной милиции и её задачах с конкретизацией вопросов материального обеспечения[4]. В частности, в постановлении указывалось:

---

[1] См: Джалилов Т. А. На страже народных интересов... – С. 37.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 25, оп. 1, д. 766, л. 45.
[3] Там же, Ф. 39, оп. 1, д. 921, л. 90.
[4] Джалилов Т. А. На страже народных интересов... – С. 38.

1. Предоставить облисполкомам, по представлениям уездных исполкомов, право разрешать организацию отрядов добровольной милиции в размерах действительной в этом надобности.

2. Формирова́ние отрядов добровольной милиции производить под руководством уездных исполкомов и ответственностью начальников уездно-городской милиции...

3. Подчиняясь начальнику уе́здно-городской милиции, добровольные отряды милиции предназначаются исключительно для борьбы с басмачеством и бандитизмом и не могут быть привлечены к несению внутренней службы.

4. Снабжение добромилиции жилищем, продовольствием, обмундированием, жалованием, конским составом и снаряжением производится в порядке, установленном местным исполкомом за счёт населения того района.

Для нужд отрядов добровольной милиции оружие и патроны отпускаются военным ведомством в необходимом количестве по требованиям облисполкомов....»[1].

Вскоре было принято Положение об организации добровольной милиции[2]. В Положении также подчёркивалось исключительное предназначение отрядов добровольной милиции (только для борьбы с бандитизмом, вооружёнными антисоветскими группировками), обращалось внимание на особое значение тщательного подбора милиционеров. Кроме того, в Положении указывалось на необходимость строгого ограничения численности формируемых добровольных отрядов милиции с тем, чтобы они не ложились бременем на снабжающее его население.

На основе вышеуказанных нормативных актов добровольные отряды милиции формировались во всех городах и крупных населенных пунктах Туркестанской республики, в том числе и в Ходжентском уезде. Формирование отрядов производилось под руководством уездных исполкомов и начальников уездно-городской милиции, при непосредственном участии партийных и профсоюзных организаций, с круговой порукой населения за благонадёжность милиции. Снабжение добровольной милиции жильем, продовольствием, обмундированием, зарплатой, кон-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 376, л. 17.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 446, лл. 3 – 4.

ским составом и снаряжением производилось исполкомами за счёт населения того района, по желанию которого организовался отряд. Оружие и патроны отпускались военными ведомствами по требованию облисполкомов[1].

По решению II съезда Советов в Ходженте был создан конный отряд милиции. В январе 1921 г. этот отряд возглавил Хайдар Усманов[2].

В апреле 1921г. отряд Хайдара Усманова был направлен на ликвидацию антисоветской группировки в Уральской волости. Отряд Усманова участвовал также в борьбе против антисоветских вооружённых сил Эргаша, Холбуты, Машрапа, Рахмонкула, Ахмадходжи, Лахад-Махсума и др. Этот отряд не был единственным конным отрядом добровольной милиции в Ходжентском уезде. Газета «Красная Фергана» в №79 от 5 августа 1921 г. сообщала, что «в Ходжентском уезде организовалась из добровольцев-дехкан милиция (конная в составе 150 человек со своими лошадьми, 50 пеших). Цель – беспощадная борьба с бандитами...»[3].

Как вспоминает помощник Хайдара Усманова А.Шерматов, «в состав нашего отряда влился (в 1922г. – А.Р.) конный отряд Азимхона Косимова. С увеличением нашего отряда командиром его стал Абдукадыр Рахимбаев, меня назначили военкомом отряда...»[4].

В начале 1922 г. начальником милиции в Исписаре был Кутбиддин Нажмуддинов. Он хорошо знал свою работу и как начальник сельской милиции подчинялся начальнику угормилиции Ходжента. Тогда на этой должности был Султанбай-Хоким. Султанбай завидовал Кутбиддину и его очень волновало быстрое продвижение Кутбиддина по службе. 7 марта 1922 г. в Замбаре близ Улокджои в степи повыше Ровута, когда Кутбиддин возвращался с железнодорожной станции в город, он был убит своими врагами[5]. Как потом стало известно, убийство Кутбидди-

---

[1] Там же, д. 407, л. 59.

[2] См.: Мотылев Я. С. Верность долгу. – С. 30.

[3] Красная Фергана. 1921, 5 августа.

[4] За власть Советов в Таджикистане. – С. 48.

[5] Об убийстве К. Нажмуддинова существуют и другие версии. Подробно об этом см.: Таджи Усман. Проклятый народом. – С. 161 – 166; Секретов А. Красный флаг // Памир, 1989. – №9. – С. 84; Умронов К. Вокеаи замбари // Комсомоли Точикистон,

на Нажмуддинова организовал начальник уездной милиции Султанбай-хоким. По его поручению и за хорошее вознаграждение Кутбиддина убил отъявленный головорез Тимур бойбача[1].

Здесь уместно отметить, что описывая убийство К.Нажмуддинова, А.Секретов, а также С.Мотылёв[2] допустили в своих публикациях некоторые неточности.

В мае 1921 г. на территории Ходжентского уезда появилась вооружённая антисоветская группа численностью в 60 человек. Отряд Х.Усманова настиг и атаковал эту группу, в результате 6 из них были убиты, остальные с главарём взяты в плен[3].

В январе 1922 г. около 400 басмачей, возглавляемых Холбутой, напали на Нау. Милицейский отряд численностью в 25 человек принял бой, в результате чего были убиты три милиционера, ранены – 11, все они попали в плен и потом были зверски замучены[4].

В то время враги советской власти всячески стремились протащить в ряды милиции своих людей. Чтобы не допустить этого, в апреле 1922 г. контрольно-аттестационные комиссии уездов проводили чистку рядов милиции. В архиве сохранился протокол № 1 от 1 апреля 1922 г. собрания местных жителей, давших такое поручительство: «Командира конного отряда Усманова Хайдара по решению жителей квартала Мирякуб №4 и поручительству партийных товарищей – утвердить». Этим же протоколом был утвержден начальник Ходжентской раймилиции Мансурджан Шакиров и др. Несколько человек, не имевших поручительства о благонадежности, было отчислено из милиции[5].

В мае 1921 г. на территории Ходжентского уезда появилась вооруженная басмаческая группа во главе с курбаши Сангином численностью в 60 человек, ее ликвидация также была поручена отряду Усманова. Банда Сангина была настигнута на территории Кистокозской волости, и из них 6 человек были убиты, 32 во гла-

---

1968, 23 август.

[1] См.: Таджи Усман. Проклятый народом. – С. 161 – 166.

[2] См.: Памир, 1986. – №7. – С. 123; Мотылев Я. С. Верность долгу. – С. 30.

[3] Мотылев Я. С. Верность долгу. – С. 31.

[4] Ферганский обл. архив Р. Уз. Ф. 435, оп. 1, д. 145, л. 6.

[5] Мотылев Я. С. Верность долгу. – С. 31.

ве с самим курбаши взяты в плен[1].

Отряд Хайдара Усманова участвовал и в более крупных операциях. До 1500 человек насчитывала басмаческая группа во главе с Рахманкулом. В августе 1922 г. для ликвидации этой силы были направлены войсковые части из Ходжента, Андижана и Коканда. Совместно с Ходжентским войсковым подразделением в операции принимал участие конный отряд милиции Хайдара Усманова. В этой операции также участвовали отряды милиции под командованием Рахимберды Игамбердыева и прибывший отряд из воинской части, которым командовал начальник Аштской милиции Додомат Турсунов[2].

Ночью эта басмаческая группа была окружена и на рассвете полностью разгромлена, а 800 сарбозов Рахманкула были взяты в плен. Так прекратила существование одна из крупных басмаческих групп в Ходжентском уезде[3].

В июле 1924 г. на территории Науской волости отряд Х. Усманова принял очередной бой с антисоветской группой, превышавшей численность его отряда в 5 раз. Несмотря на это, милиционеры одержали верх, и группа была уничтожена. В приказе по уездно-городской милиции была отмечена беспримерная отвага командира отряда, старших милиционеров Умарбая Юсупова, Авезбая Ашурмухамедова, милиционеров Хашимбая Собирова, Зайниддина Камалетдинова и др. В этом бою смертью храбрых погиб милиционер Марасул Маткаримов.

«За отличие в боях за социалистическое отечество в 1918-1924 г.х, -писалось в грамоте о награждении,– воина рабоче-крестьянской Красной Армии и командира конного отряда милиции Усманова Хайдара наградить знаком ордена «Красное знамя...»[4].

Долгие преследования, погони, схватки и столкновения с басмаческими вооруженными группами истощили и подорвали здоровье легендарного милиционера, и он был вынужден раньше

---

[1] Самаркандский обл. архив Р. Уз. Ф. 62, оп. 1, д. 8, лл. 7, 9, 10.
[2] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка… – С. 20 – 21.
[3] Мотылев Я. С. Верность долгу. – С. 32.
[4] Этот архивный документ любезно предоставил нам директор Ленинабадского обл. архива, Заслуженный работник культуры Таджикистана Н. Морозов, за что автор искренне благодарен.

времени выйти на пенсию. Вот выписка из протокола №6 от 15 апреля 1925 г. заседания комиссии по назначению персональных пенсий и пособий:

«СЛУШАЛИ:

Отношение Самаркандского Облгоркомитета КПУз, от 6 марта с/г. о назначении персональной пенсии инвалиду, члену КПУз, бывшему начальнику конного отряда по борьбе с басмачеством тов. Усманову Хайдару.

ПОСТАНОВИЛИ:

Принимая во внимание добровольное вступление в ряды Красной Армии в 1917 г., семикратное ранение, неустанную самоотверженную борьбу с басмачами и прочими врагами советской власти, на коей он лишился трудоспособности, назначить ему персональную пенсию по III категории в размере 50 руб. с 1-го апреля с/года»[1].

После ликвидации вооружённого сопротивления басмаческих сил в Ходжентском уезде в 1927 г. отряд Х. Усманова был расформирован. Именем его названы кишлачный совет в Ходжентском районе и улица в городе Ходжент.

Слабо вооружённые, зачастую плохо одетые и голодные работники милиции самоотверженно выполняли свой долг. В борьбе за высокие идеалы – равноправие и справедливость – милиционеры несли тяжелые потери. Согласно информационным сводкам в районах Северного Таджикистана только в 1921 г. было убито 70 милиционеров и 60 взяты в плен, впоследствии расстреляны[2].

В конце 1921 – начале 1922 г. в Ходжент приехал народный комиссар внутренних дел Туркреспублики. Начальник Ходжентской уездно-городской милиции Кори-Пулат-Рахматбаев 15 декабря 1921 г. представил ему доклад, в котором информировал о положении дел в Ходжентском уезде. Речь шла о том, что Ходжентская Угормилиция своими незначительными силами охраняет почти весь уезд от нападения басмаческих банд на мирных жителей, следит за порядком в городе и уезде, содействует сбору продналога, распространяя декреты и распоряжения советской

---

[1] Ленинабадск. филиал ЦГА РТ. Ф. 106, оп. 1, д. 93, л. 28.

[2] См.: Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 17.

власти среди населения. Полевым частям милиции почти ежедневно приходится воевать с противниками советской власти, к тому же этими частями командуют все учреждения. Для выполнения возложенных на милицию задач по штату положено до 600 милиционеров, но представители органов власти не в состоянии из-за финансовых затруднений обеспечить такое количество.

В докладе большое внимание уделялось правам и снабжению милиции. Например, милиция не могла наказать на определенный срок никого из граждан, кроме своих сотрудников. Так, милиция вела следствие в отношении какого нибудь преступника и затем передавала дело в Нарсуд, который часто на следующий день отпускл подсудимого на поруки. Права же налагать на виновных административные наказания у милиции не было.

Из-за несвоевременного снабжения обмундированием, пайком и другими необходимыми вещами и предметами сотрудников милиции, как отмечалось в докладе, в настоящее время последние стали бездействовать. Зимнее обмундирование, обувь отсутствовали вообще, а милиционер получал жалованье 5250 рублей, на которые жить было невозможно. Продукты он тоже получал только на себя, семейству же ничего не отпускалось. Ходжентская Угормилиция за всё время своего существования получала только три раза в неполном виде обмундирование и один раз обувь. Такое положение нередко вынуждало милиционеров дезертировать и переходить на сторону врага[1].

Через год положение Ходжентской Угормилиции почти не изменилось. Как и прежде, милиция бедствовала в полном смысле этого слова. Имеющиеся архивные документы подтверждают вышесказанное.

15 августа 1922 г. для «ревизии и инструктирования уездных отделов управления были откомандированы отдельные инструкторы из Главмилиции. После ревизии был представлен подробный доклад о состоянии милиции, где, в частности, отмечалось: «Начальник Угормилиции Герфанов, член партии РКП, в милиции работает около 1 месяца. Владеет русским и местными языками (таджикским, узбекским. – А.Р.) и ровно пишет. Как администратор вообще слаб... Помощник начальника Угормилиции

---

[1] См.: ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 203, л. 35.

Игамбердыев, член партии РКП, в милиции работает 1-2 года. Административная служба милиции делится на 3 квартала, старшим того или иного квартала являются старшие милиционеры и в помощь им по 1-му младшему. Из всех 3-х старших по кварталу нет ни одного грамотного, ни по-мусульмански, ни по-русски... Остальной штат совместно с пешим взводом резерва милиции несут постовую службу в старом и новом городе. Военная подготовка среди милиционеров не ведётся, а ровно и не ведётся никакой работы к знанию милицейской службы сотрудниками милиции...»[1].

Кроме того, в докладе подробно говорилось о плохом состоянии канцелярских и хозяйственных работ Ходжентской Угормилиции. Арестное помещение, – писалось в докладе, – при Угормилиции не организовано, что мотивировалось нехваткой сотрудников. Все задержанные и арестованные Угормилицией и уголовным розыском направлялись в местный дом заключения.

Начальник угрозыска был беспартийным, малограмотным как по-мусульмански, так и по-русски, и с работой угрозыска был совершенно не знаком. Всего же в угрозыске работали 2 сотрудника I разряда и 5 сотрудников II разряда, 1 регистратор, 1 делопроизводитель, 1 переписчик. Все они, отмечалось в докладе, не соответствовали своему назначению.

Оперативная работа не велась, за исключением раскрытия мелких краж. В большинстве случаев преступники задерживались на месте преступления самими потерпевшими. Работа по агентурной части в основном отсутствовала. В итоге констатировалось: «Дальнейшее пребывание Угрозыска в Ходженте в таком состоянии излишне, так как Угрозыск вообще никаким авторитетом среди населения не пользуется и, безусловно, при такой постановке дела не может пользоваться авторитетом...»[2].

По штату в каждом уездном городе и городах Туркестанской республики должно было находиться определённое количество конных и пеших милиционеров. Судя по вышеуказанному докладу, в конном взводе Ходжента было 14 всадников – из мусульман, из которых 10 всадников были прикомандированы к добро-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 207, л. 176.
[2] Там же, лл. 176 – 178.

отряду милиции, остальные же 4 несли дежурство в Угорревкоме.[1]

Одновременно были подвергнуты ревизии отделения милиции Кистокозского и Исфанейского районов Ходжентского уезда, где положение тоже было не из лучших.

Начальник Кистокозского района Усманов, член партии РКП, с военным делом почти не был знаком, по-мусульмански не грамотен, по-русски мог только расписаться. Милиционеров для административной службы насчитывалось 11 человек. Военная и милицейская подготовка среди милиционеров отсутствовала. Канцелярии не было, за исключением входящего и исходящего журналов.

Начальник Исфанейского района Юсупов, член партии РКП, не был военным, по-русски знал плохо, а по-мусульмански мог только расписаться. Милиционеров для административной службы было 5 человек[2].

Положение Ходжентской добровольной милиции, которое также подверглось ревизии, практически не отличалось от других подразделений милиции. Городской отряд добровольной милиции располагался в старом городе и состоял из 65 человек, 7 из которых выполняли хозяйственную работу в отряде, а 5 человек представляли собой командирский состав. Весь комсостав, за исключением политрука и инструктора, с военным делом не был знаком. Строевые занятия с милиционерами велись 3 часа в сутки. Через каждые 3 дня проводилось общее собрание отряда[3].

В отряде было заведено 5 книг: книга приказов, оружия, конского состава, продуктов, инвентаря и имущества. Милиционеры жили на казарменном положении. Летних помещений вполне хватало. Имелись также общая хорошо оборудованная кухня и пекарня.

Добровольные отряды милиции существовали также в Кистакозе – 25 человек, и в Гулякандозе – 42 человека. Кроме того, в Ходженте существовал так называемый кирдобротряд[4], который

---

[1] Там же, л. 178.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 207, л. 176.
[3] Там же, л.179.
[4] Кирдобротряд – киргизский добровольный отряд во главе с Исобековым.

состоял из 105 человек и был расположен в копях Сулюкты. Отряд, не имея постоянной стоянки, всё время кочевал по окрестностям Сулюкты. В отряде военное дело и политработа отсутствовали. Канцелярии тоже не было, вся имеющаяся переписка возилась в хурджине[1].

В докладе об общем состоянии добротрядов говорилось, что эти отряды создаются из числа людей, предлагаемых самим населением, которое и несёт за них ответственность. Каждый предисполкома был командиром взвода. Снабжение добрмилиции производилось по усмотрению населения кишлаков. Люди довольствовались малым, потому что снабжение продуктами было очень плохим. Что же касается вооружения, то оно было слабым, большинство берданок было непригодным[2].

Уместно отметить, что командированный инструктор (к сожалению, фамилию его установить не удалось) из Главмилиции оказался хорошим специалистом, его компетентность видна в каждой строке доклада, который он представил народному комиссару внутренних дел. После ревизии Ходжентской милиции инструктор для устранения недостатков и дальнейшего улучшения работы милиции рекомендовал проведение наиболее важных мер, из которых отметим:

«...2. Необходимо уволить со службы милиционеров и комсостав, не достигших 21-летнего возраста, так как специальность службы в милиции требует от своих сотрудников решительности, самоотверженности и самостоятельности и т. д., молодёжь же в большинстве не может быть таковой.

3. Необходимо начальнику Угормилиции через начальников районов немедленно приступить к обязательному военному обучению, а равно и подготовке сотрудников милиции к их специальной службе...

6. Необходимо принять самые решительные меры в отношении снабжения всеми видами довольствия...

7. Предложить начальнику Угормилиции принимать на службу в милицию и уголовный розыск честных людей, во избежание приёма тёмных личностей, которые могут своими поступками

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 207, л. 180.
[2] Там же.

порочить звание работника милиции...

8. Необходимо существующий угрозыск распустить вместе с начальником и предложить отделу управления и начальнику Угормилиции выдвинуть на должность начальника угрозыска вполне грамотного и знакомого с постановкой дела угрозыска...[1]».

Все выявленные недостатки и предлагаемые рекомендации в будущем были учтены и сыграли положительную роль в деле улучшения работы милиции не только в Ходженте, но и в других районах Северного Таджикистана.

Как начальник Ходжентской уездно-городской милиции, много сил и энергии отдал делу укрепления советской власти и советской милиции Рахимберды Игамбердыев. Он принимал активное участие в ликвидации басмаческих банд на территории Ходжентского уезда. Во время операции с 26 апреля по 3 мая 1923 г. при непосредственном участии Игамбердиева было задержано более 200 членов басмаческих группировок. За эту операцию Игамбердиев был награждён боевым оружием[2].

Милиция Ходжентского уезда до 1924 г. активно боролись с басмачами. В 1924 г. Ходжентским отделением милиции руководил Мирзохуджа Бобоходжаев. Вспоминая о 1924 г., он рассказал об участии милиционеров своего отдела в борьбе против одной из последних крупных басмаческих банд Турдыбая. В этом году, как начальник Ходжентской милиции, он получил от курбаши Турдыбая, возглавлявшего группу из 150 человек, письмо, в котором тот сообщал, что готов пойти на переговоры с органами советской власти о своей сдаче и просил прибыть к нему для переговоров в кишлак Моргун Чопкулукской волости. Для переговоров с Турдыбаем была создана специальная комиссия, в которую вошли председатель уездно-городского исполкома Б.Мавлянбеков, начальник Ходжентского уездно-городского отдела ОГПУ Парикаев, председатель Костакозского волисполкома А. Розыков и начальник Ходжентского отделения милиции М. Бобоходжаев. «... Прибыли с охраной из 10 конных милиционеров в Моргун, – вспоминает М. Бобоходжаев, – но там Турдыбая

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 207, л. 179.
[2] Мотылев Я. С. Верность долгу. – С. 32.

не оказалось. Мы застали в Моргуне отряд конной милиции численностью 50 человек под командованием Хайдара Усманова и сотню красноармейцев 12-го Туркестанского полка, преследовавших группу Турдыбая»[1]. Как потом выяснилось, Турдыбай в это время находился в кишлаке Акбулак, и он просил, чтобы комиссия для переговоров прибыла туда. Но комиссия твёрдо решила, что если Турдыбай хочет сдаться, то должен явиться в назначенное место, и отказалась прибыть в кишлак Акбулак. Тогда Турдыбай начал бой, в котором был убит, а 147 воинов из его группы сложили оружие[2].

Ходжентское районное отделение милиции в 1924 г. возглавил Абдусаттор Шерматов, активный участник боёв по ликвидации басмаческих сил в Матчинской волости и во всём Ходжентском уезде. В 1924 г. басмаческое движение в Ходжентском уезде, в основном было ликвидировано, правда оставалось несколько мелких групп, которые но они не представляли серьёзной угрозы для новой власти, и впоследствии были ликвидированы. После национально-территориального размежевания Средней Азии и ликвидации Туркестанской республики Ходжентская милиция была передана в ведение Узбекской ССР, до образования Таджикской ССР в 1929 г.

Ура-Тюбе, так же, как и Ходжент, был одним из крупных городов и политических центров дореволюционного Таджикистана. Революционные события 1917 г., установление советской власти и, наконец, изменение структуры власти оказали огромное влияние на всю систему и обеспечение общественного правопорядка как в России, так и на ее окраинах, в том числе и в Ура-Тюбе.

Следует отметить, что начальный этап формирования милиции в Ура-Тюбе имеет свои особенности, в отличие от других районов Северного Таджикистана.

Начало формирования милиции в Ура-Тюбе связано с созданием и деятельностью «Русско-народной дружины» (РНД) деятельность которой в советской историографии оценивалась по разному. В большинстве работ[3] деятельность Ура-Тюбинской

---

[1] См.: За власть Советов в Таджикистане. – С. 62

[2] Там же.

[3] См.: Каримов Т. Р. Победа́ Великой Октябрской Социалистической револю-

РНД оценивалась негативно, и расматривалась эта организация как националистическая, провокационная, антинародная и контрреволюционная структура. В связи с этим правильно отмечает А.Гафуров, что «тщательное изучение таких работ приводит к мысли, что они дают поверхностный, односторонний анализ»[1].

Необходимо отметить,что среди многих авторов более объективную и обоснованную оценку деятельности РНД дает Х.Иноятов. Отмечая, что «в некоторых городах, оторванных от руководящего центра, народная милиция возникала по инициативе местных жителей …»,[2] автор характеризует РНД как милицейский орган.

Как известно, с декабря 1917 по январь 1918г. также был распущен Ура-Тюбинский исполнительный комитет Временного правительства, в результате чего к февралю 1918г. город оказался без реальной власти. Это вызвало беспокойство граждан русской части города, и они решили организовать охрану города своими силами.

Созданию дружины в какой-то мере способствовало и воззвание Совета Народных Комиссаров Туркестана к населению края, призывавшее вступать в ряды советской милиции.

.Начало образования РНД можно отнести к 17 февраля 1918г., когда собравшиеся русскоязычные граждане, служащие правительственных и общественных учреждений города, обратились со своими заявлениями в Совет солдатских и рабочих депутатов города с просьбой «до пополнения гарнизона, имеющийся запас оружия и патронов раздать на хранение на руки русскому населению, полагая, что оружие за пределы г.Ура-Тюбе не может быть

ции в Северном Таджикистане. – Сталинабад, 1957; Хайдаров Г. Х. Очерки истории социалистического строительства в Северном Таджикистане (1917–1937 гг.) – Душанбе, 1974; Ионова В. М. Коммунисты Северном Таджикистана в борьбе за власть Советов (1917–1923 гг.). – Душанбе, 1968; Иркаев М. История гражданской войны в Таджикистане – Душанбе, 1971; Абулхаев Р. А. Упрочение Советской власти в районах верховья Зарафшана (1918 – 1923 гг.). – Душанбе, 1972; История таджикского народа. – Т. 3. – Кн. 1. – М., 1964; Келдиев Т. Разгром контрреволюции в Ферганской и Самаркандской областях Туркестанского АССР. – Ташкент, 1959 и др.

[1] Гафуров А. К вопросу создания в Ура-Тюбе Русско-народной дружины // Наследие предков. – Душанбе, 2001. – №5. – С. 86.

[2] Иноятов Х. Победа Советской власти в Туркестане. – С. 244.

куда-либо вывезено, а тем более не может находиться в опасности...»[1].

Собравшиеся ходатайствовали «через Совет солдатских и рабочих депутатов города Ура-Тюбе перед надлежащими властями о пополнении Ура-Тюбинского гарнизона в спешном порядке по крайней мере, до 25 человек...»[2], мотивируя свои предлжения малочисленностью вооруженных сил и убийствами 16 февраля 1918г. в городе, а также поползновением других преступных элементов на чужую собственность и личную неприкосновенность граждан.[3]

19 февраля 1918г., т.е. на второй день «Обращение» было рассмотрено на совместном заседании Соединенного собрания русских граждан, представителей правительственных учреждений города, представителей Совета солдатских депутатов Ура-Тюбинского гарнизона и представителей от мусульман – Мусульманского духовного совета «Шурои исломия» в лице народных судей Ура-Тюбе и Ура-Тюбинской волости под председательством Мирового судьи 3-го участка Ходжентского уезда В.Владимирова. Обсудив вопрос появления в пределах города Ура-Тюбе неизвестных вооруженных лиц, участники заседания обратились в Местный совет солдатских депутатов с просьбой вооружить граждан русской части города с тем, чтобы «граждане из себя образовали поочередную охрану города до пополнения гарнизона и особых распоряжений Совета солдатских депутатов»[4].

Данный вопрос также был рассмотрен на отдельном закрытом заседании Совета и через начальника Ура-Тюбинской караульной команды С.Т.Кузина, было объявлено, что «...Совет единогласно решил просьбу граждан исполнить с тем, чтобы Комиссаром милиции г.Ура-Тюбе была организована правильная охрана города, чтобы оружие и патроны были получены гражданами под особую расписку и личную ответственность каждого и чтобы оружие бы-

---

[1] УФГАЛО. РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 11.
[2] УФГАЛО. РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 11, л.1.
[3] Гафуров А. К вопросу создания в Ура-Тюбе Русско-народной дружины... – С. 87.
[4] УФГАЛО. РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 2.

ло возвращено в команду по первому его требованию»[1].

Обсудив все изложенное, общее собрание единогласно постановило: «условия Совета солдатских депутатов принять, поручить Комиссару милиции города Ура-Тюбе принять меры охраны русской части города Ура-Тюбе путем вызова по алфавитному списку русских для несения караульной службы в ночное время с 10 ч. вечера до 6 ч. утра, по 6 человек ежедневно по две смены, а в туземной части города – путем охраны такового добровольцами поквартально через аминов и других должностных лиц туземных организаций»[2].

3 марта 1918 г. в 5 часов вечера в помещении, где находилась раньше канцелярия бывшего Ура-Тюбинского участкового пристава, под председательством В.И.Владимирова состоялось общее собрание, на котором присутствовало 29 человек из сорока (общего числа) мужчин русской части г.Ура-Тюбе. На заседании были поставлены следующие вопросы: организация Совета дружины; принятие мер охраны продовольственных запасов Ура-Тюбинского гарнизона; утверждение вновь образуемой Дружины Центральной краевой Народной власти и получение соответствующих инструкций от таковой и др[3].

Обсудив первый вопрос, собрание постановило: «взамен упраздняемого Ура-Тюбинского гарнизона впредь, до особых распоряжений, немедленно организовать Дружину из способных носить оружие русских граждан г.Ура-Тюбе на предмет самоохраны, несения караульной службы по городу,...охраны правительственных, общественных и прочих учреждений, поддержания порядка и проведения в жизнь указаний центральной краевой народной власти под названием: «Ура-Тюбинская русско-народная дружина во главе с выборным начальником»[4].

На заседании также был избран начальник РНД. Им стал начальник Ура-Тюбинского гарнизона Тимофей Сергеевич Кузин, а в состав Совета Дружины были избраны В.И.Владимиров, С.Н.Ножкин, В.Ручкин, Р.Н.Стемпневский и Д.Г.Пятухин.

---

[1] Там же, л. 2об.
[2] Там же.
[3] Там же, л. 3.
[4] УФГАЛО. РТ. Ф. 1, оп. 1, д. 11, л. 3об.

К этому времени деятельность дружины уже была санкционирована начальником штаба Туркестанского военного округа 26 февраля 1918г., а просьба о создании дружины удовлетворена на основе доклада В.Владимирова и протокола общего собрания РНД 10 марта 1918г. СНК Туркестанской АССР. После этого РНД начала официально исполнять свои функции.

С утверждением СНК Туркестанской АССР Совета дружины, в целях поддержания общественного порядка, последний принял следующее решение, объявленное по городу: «За появление на улице в пьяном виде виновные будут подвергаться сверх наказания, предусмотренного законом (два месяца тюрьмы) денежному штрафу в размере 10 рублей в первый раз и по 25 рублей последующие разы»[1].

Некоторые авторы считали, что РНД была контрревлюционной организацией. В частности, Т.Р.Каримов утверждает, что «...вооружившись и организовавшись против революционного движения местного населения, контрреволюционеры (т.е. дружинники. – А.Р.) в то же время стремились присоединить Ура-Тюбе к Кокандской буржуазной автономии и этим спасти себя».[2] На самом же деле в архивных документах, как это правильно заметил А.Гафуров, «нет ни одного доказательства того,что дружина препятствовала мероприятиям советской власти[3].

Приведенные факты свидетельствуют, что дружина имела целью лишь охрану общественного порядка, и она не вела вооруженной борьбы за власть, а с образованием местного Совета передала свои полномочия ему[4]. Более того, некоторые члены дружины, например С.Н.Ножкин и Голубев, вошли в состав нового Совета рабочих, солдатских и дехканских депутатов, а основатель же РНД В.Владимиров впоследствии возглавлял Ура-Тюбинский ревком[5].

Далее процесс организации и первые шаги советской милиции в Ура-Тюбе происходили параллельно с установлением советской

---

[1] Гафуров А. К вопросу создания в Ура-Тюбе РНД... – С. 88.
[2] Каримов Т. Р. Победа Великой Октябрьской Социалистической революции в Северном Таджикистане. – С. 215.
[3] Гафуров А. К вопросу создания в Ура-Тюбе РНД. – С. 89.
[4] Гафуров А. К вопросу создания в Ура-Тюбе РНД... – С. 89.
[5] Там же.

власти.

Как свидетельствует академик Ахрор Мухтаров, его отец – Мирмухтор Мирахмад, образованный и хорошо владевший русским языком, работал в должности переводчика председателя Ганчинской волости. После февральской революции он написал заявление, чтобы его освободили от этой должности, так как его назначили «товарищем комиссаром», т.е. заместителем начальника милиции города Ура-Тюбе[1].

Согласно телеграмме руководства, полученной 27 ноября 1918 г., 17 марта 1919 г. была составлена смета предполагаемых расходов на содержание Ура-Тюбинского районного комиссариата и городской милиции в 1919 г. по новым ставкам (см. приложение 7).

Следует отметить, что структура и штат милиции для уездных, районных городов Туркестанской республики в начале 20-х годов часто изменялись. Например, штат районного управления Ура-Тюбе был приравнен к штату районного управления туземной части города Ташкента каким он был в 1918-1919 гг.[2] (см. приложение 8).

В объяснительной записке к ведомости о числе милиционеров, написанной в августе 1918 г. для Ура-Тюбе, ввиду преобладания туземного населения и отдалённости от железной дороги, была принята минимальная норма состава милиции (1: 1500), а норма конных милиционеров уменьшена в два с половиной раза, и составляла 1 милиционер на 12 кв. вёрст[3].

Штат Ура-Тюбинской милиции между 1918 и 1919 гг. приложении 9. Как видно из таблицы, центральный аппарат городской милиции Ура-Тюбе составлял 27 человек, из них рядовых милиционеров было 17. Согласно этому штату, милиционеры ежемесячно должны были получать зарплату, однако они не всегда получали то, что им было положено. Как справедливо вспоминает ветеран милиции Курбан Урмонов, «за службу милиционерам давали в неделю 1 бутылку масла и в 10 дней 1 кусок мыла и

---

[1] См.: Мухторов А. Хокимони Уротеппа (асрхои XV – XIX). – Душанбе: Мерос, 1996. – С. 157.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 57, л. 27об.
[3] Там же, л. 24.

всё»[1].

В конце 1920 г. в Ура-Тюбинском управлении милиции состояло 6 командиров, 20 конных милиционеров, 23 пеших милиционера. Из этого состава 14 лиц были грамотные. Всё управление имело на вооружении 55 трёхлинейных винтовок, 17 разных револьверов и 5 шашек[2]. Следует отметить, что, с одной стороны, местное население ещё боялось идти работать в милицию, с другой, среди коренного населения мало было грамотных и компетентных людей, отвечающих требованиям, предъявляемым к работнику милиции.

11 сентября 1920 г. на заседании президиума Ферганского облисполкома был заслушан вопрос о назначении тов. Салко начальником милиции Ура-Тюбе вместо тов. Степанова, который состоял под следствием. В постановлении заседания по этому вопросу писалось: «Назначить временно начальником милиции тов. Салко, завполитбюро, в то же время срочно просить область выслать заместителя, так как тов. Салко отозван на днях в Ферганскую область и непересылка заместителя, за отсутствием таковой, здесь милиция может остаться без руководящего лица в критическом положении»[3]. Чуть позже, 18 декабря 1920 г. начальником Ура-Тюбинской милиции был назначен М.Т.Борисов.

Необходимо отметить, что многие цифровые данные, которые приводились в официальных документах и отчётах руководителей республиканского центрального аппарата, далеко не реальны и не всегда отражают действительное состояние милиции на местах. Например, тот же М.Т.Борисов, приехав в Ура-Тюбе написал 1 января 1921 г. начальнику областной милиции написал следующий рапорт: «Приехав сюда... видя положение Угормилиции, установил, что работников совершенно нет... Штат служащих и милиционеров до сего времени нам неизвестен... Кроме того, относительно конного отряда сообщаю, что сбруи нет, лошадей мало. Одним словом, не хватает кругом: милиционеры раздеты и т. д. Если Вы не поможете нам и не примите решительных мер для улучшения положения Управления Угормилиции города Ура-

---

[1] См.: Комсомоли Точикистон, 1968, 23 августа.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 65, лл. 1 – 5.
[3] Там же, д. 345, л. 88.

Тюбе, то я вынужден буду обратиться в Центр с докладом. Я коммунист-интернационалист, защитник пролетариата и своих сотрудников, и не боюсь говорить правду.

Хорошо Вам известно, что город Ура-Тюбе – фронтовая полоса, где басмачи ежедневно нас тревожат, и наши милиционеры должны стоять на ногах день и ночь...»[1].

В действительности, положение милиции было крайне тяжелым не только в Ура-Тюбинском уезде, но и в других регионах Туркестанской республики, и поэтому начальник снабжения Главного управления милиции в своём докладе Комиссару внутренних дел республики 5 ноября 1920 г. вынужден был признаться: «Милиция в очень печальном положении. Полураздетые, полуголодные, плохо вооружённые, не имеющие лошадей милиционеры, командированные в уезд, из-за дороговизны там невозможно существовать на своё жалованье и вынуждены содержать себя и свои семьи на какие-то побочные средства, что конечно порождает взяточничество и мародёрство... неимение собственных лошадей у милиции заставляет их брать у населения...»[2].

Начальник отдела снабжения Главмилиции, принимая меры для улучшения положения и быта милиционеров, указывал на необходимость срочной организации при каждом Управлении областной милиции:

1. Портняжной мастерской для шитья обмундирования и починки.

2. Сапожной мастерской для шитья и починки обуви.

3. Кузнечно-плотнической и шерной мастерской для работы бричек и починки экипажей и сбруи.

4. При городах и уездах, где состоит не менее 100 человек состава милиции, организовать столовую[3].

Несмотря на такое положение, Ура-Тюбинская милиция наряду с охраной революционного порядка, непосредственно и активно участвовала в ликвидации вооружённых антисоветских сил и контрреволюционных элементов.

На территории Ура-Тюбинского района действовала басмаче-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 43, лл. 13 – 14.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 65, л. 14.
[3] Там же, д. 345, л. 20.

ская группа во главе с курбаши Аманкулом. В декабре 1920 г. для её ликвидации был отправлен милицейский отряд Бобо Садыкова. Находясь у руководства Ура-Тюбинского Совета рабочих, солдатских и дехканских депутатов, он отдал много сил и энергии делу организации советской милиции в Ура-Тюбе.

Отряд Бобо Садыкова в кишлаке Урта-Курган неожиданно оказался в окружении превосходящих сил группы Аманкула. Двое суток продолжался бой и лишь к исходу вторых суток им на помощь из Ура-Тюбе прибыли пулемётный взвод воинской части и милицейский отряд Степана Теодорчика, в результате чего противник потерял 80 человек убитыми, остальные сдались в плен. За проявленный героизм приказом начальника Управления милиции Туркестанской республики Бобо Садыкову и другим милиционерам – Тоиру Любову, Турды Раджабову, Туйчи Шакирову была объявлена благодарность[1].

Весной 1921 г. воинские части и добротряды Ходжента ощущали острую нехватку в фураже, и Ура-Тюбинский продкомитет выделил для них необходимое количество фуража. Ходжентский военный комиссариат в июле 1921 г. для ввоза фуража через Нау в Ура-Тюбе направил обоз в сопровождении 50 красноармейцев. Во время загрузки брички с сеном и ячменём начальник уголовного розыска Ура-Тюбе Мирзо Тошбек, который тайно сотрудничал с главарём крупной басмаческой группы курбаши Холбутой, под сено положил 2 ящика патронов и об этом тут же через своих сообщил Холбуте. В Кошкаи, в овраге «Гулихайри» на обратном пути 100 вооружённых человек сделали внезапный налёт на обоз. Бойцы, которые сопровождали обоз, погибли в неравном бою, только один арбакеш – Шермат Наврузбой – на своей лошади сумел вырваться из засады и прискакал в Нау. Науский добротряд во главе с Хайдаром Ахмадбаевым отправился на место происшествия, однако Холбута со своими людьми, захватив оружие и боеприпасы, скрылся в неизвестном направлении. Хайдар Ахмадбаев со своим отрядом начал преследование группы Холбуты, часто неожиданно нападая на басмачей. Однако в бою при Кушчигире Холбута нанёс добротряду большой урон, Хайдар Ахмадбаев был убит, а часть оружия добротряда попала в руки

---

[1] См.: Мотылев Я.С., Лысенко Е.А. Солдаты порядка. – С.25.

басмачей.[1]

В 1921, частые нападения басмаческих банд весьма осложнили положение в Ура-Тюбинском уезде, жители не имели возможности заниматься земледелием, собирать хлеб и т. д. Басмаческие группы в июне напали на город, а в декабре совершили четыре нападения на кишлак Ганчи, сопровождавшиеся убийствами и грабежами. В результате активизации уголовных элементов, в городе и кишлаках участились кражи и разбои. Небольшие по численности отряды милиции не справлялись с крупными, хорошо вооружёнными басмаческими группами.

В связи с этим Главное управление милиции Туркестанской АССР предложило в срочном порядке сформировать в Ура-Тюбе конный отряд милиции численностью в 100 сабель. Командиром отряда был назначен Абдулло Иркабаев[2]. Кроме того, на основании постановления областной чрезвычайной тройки по борьбе с басмачеством, Ура-Тюбинский райвоенревком издал приказ об организации добровольческого мусульманского отряда милиции. Добровольцев выделял каждый квартал, ручаясь за их благонадёжность: в случае измены добровольца ответственность несли поручители. Отряд содержался за счёт средств населения[3].

Именно в это время, 1 августа 1921 г. коллегия областного отдела управления Самаркандского облисполкома приняла постановление об организации в Самарканде для борьбы с вооружёнными антисоветскими силами конного отряда в 100 человек, которых можно было перебрасывать по мере надобности в другие уезды. По поручению начальника Самаркандской облмилиции не позднее, чем в 3-х дневный срок, следовало произвести переброску 20 всадников для отправки в Ура-Тюбе. Откомандированных снабжали всеми видами обмундирования, снаряжения и припасами.[4]

Ввиду оживления антисоветской деятельности вооружённых басмаческих групп в Ура-Тюбинском уезде и постоянной угрозы с их стороны мирному населению, весь уезд 10 августа 1921 г.

---

[1] Иркаев М. И. История гражданской войны… – С. 109 – 110.
[2] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка… – С. 26.
[3] Мотылев Я. С. Верность долгу…– С. 35.
[4] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 357, л. 47.

был объявлен на осадном положении.

Осенью 1921 г. была проведена операция воинских частей совместно с отрядами милиции под командованием Бобо Садыкова и С.Теодорчика возле кишлака Шахристан. Вооруженные басмаческие силы понесли большие потери. Вскоре после этого конный отряд в 20 сабель под руководством того же Теодорчика вступил в бой с бандой курбаши Турдыбека, которая насчитывала не менее 50 человек. Несмотря на численное превосходство, банда была разгромлена. За успешное проведение операции приказом начальника Самаркандского областного управления милиции всему личному составу отряда была объявлена благодарность[1].

В сентябре 1921 г. на руководящих должностях в Ура-Тюбинской милиции работали: Акобир Атахонов – начальник угормилиции, его помощник – Николай Гиханов, Бободурхан Бобоисхаков – начальник раймилиции, его помощник – Феодор Чудаков, Владислав Галвский – начальник конного отряда милиции, Сабур Закиров – начальник Шахристанской раймилиции[2].

К этому времени Ура-Тюбинский уезд, как административная единица, входил в состав Самаркандской области. Однако Ходжентский уезд, который территориально соседствовал с Ура-Тюбинским, входил в состав Ферганской области Туркестанской АССР. Такое положение в какой-то степени осложняло в структурном плане руководство и взаимодействие милиции в этих двух соседних уездах. Учитывая эти и другие обстоятельства, ЦИК Туркестанской республики 24 декабря 1921г. постановил:

1. Ура-Тюбинский уезд Самаркандской области, как административную единицу упразднить, соединить означенный уезд с Ходжентским уездом.

2. Ходжентский уезд передать из Ферганской области в Самаркандскую[3].

На основании этого постановления ЦИКа Туркреспублики Ура-Тюбинский уезд, как административная единица был упразднен, его присоединили к Ходжентскому уезду, а последний из Ферганской области отошел к Самаркандской. В свою очередь,

---

[1] См. Мотылев Я. С. Верность долгу…– С. 35.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 65, л. 36.
[3] Там же, д. 236, л. 7.

начальник Самаркандской облмилиции – Раимбек Азимбеков[1] на основании вышеуказанного постановления ЦИК Совета Туркестана приказал:

1. Принять от начальника Ферганской области Ходжентскую Угормилицию;

2. Ура-Тюбинскую Угормилицию влить в состав Ходжентской[2].

Такое структурно-административное изменение в какой-то степени повлияло на улучшение положения милиции в Ходженте и Ура-Тюбе, хотя положение милиции по всей республике было плохое. Как уже было отмечено, в 1921 г. и особенно в первой половине 1922 г., положение в Ура-Тюбинском уезде осложнилось. Решением пленума Ходжентского ревкома и Исполнительного бюро уездного Ревкома КП Туркестана от 22 июня председателем райвоенревкома и уполномоченным по борьбе с басмачеством Ура-Тюбинского уезда был назначен Джура Закиров – один из активных участников установления советской власти в северных районах Таджикистана. Он провёл большую работу по укреплению уездной милиции и улучшению снабжения милиции вооружением, денежным довольствием и обмундированием. Командуя воинскими частями и отрядами милиции, входившими в состав боевого района, Закиров руководил совместными операциями против басмачества и преступных группировок[3].

Храбрость и бесстрашие в боях против врагов советской власти проявили бойцы и командиры отрядов милиции. Например, младший милиционер Ура-Тюбинский районной милиции Туйчи Шокиров один обезоружил и задержал несколько членов басмаческих групп. За проявленный героизм в приказе №129 райвоенревкома от 22 июля 1922 г. ему была выражена глубокая благодарность. За задержание двух басмачей и изъятие у них трёхлинейных винтовок была выражена благодарность и выдано денежное вознаграждение старшему милиционеру Боймату Холматову[4].

---

[1] Там же, д. 65, л. 36.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 236, л. 9.
[3] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 27.
[4] Там же. – С. 28.

В середине 20-х годов в районе Ура-Тюбе и его окрестностях бесчинствовала басмаческая шайка Саидмурада. В районе кишлака Калаи Мирзобой эта шайка была обнаружена отрядом Бобо Содикова. В результате активной оперативной розыскной работы, проведённой лично Б.Содиковым, шайка Саидмурода была полностью ликвидирована только в 1925г.[1].

Проведённая с помощью актива разъяснительная работа дала возможность Б.Содикову склонить к сдаче органам власти участников многих басмаческих шаек. За проведение этой работы и непосредственное участие в боях командованием 20-й отдельной Туркестанской кавалерийской бригадой Б. Содикову было присвоено звание «Почётный красноармеец»[2].

В ходе этих столкновений отряды милиции и сами несли тяжелые потери. В районе Пушти Охтахона Ура-Тюбинского района в бою с одной из басмаческих банд был захвачен в плен раненный милиционер отряда особого назначения Латиф Раджабов. Басмачи привязали его к лошади и растерзали.

В эти годы в Ура-Тюбе прибыли милицейские отряды из Самарканда, Ферганы и других регионов. В частности, из Самарканда прибыл отряд милиции особого назначения, в котором несли службу лучшие милиционеры раймилиции Шариф Бердиев, Обид Исламов, Мумин Худобердиев и многие другие.

В руководстве Ура-Тюбинской милиции в разное время работали люди различных национальностей. В 1922 г. некоторое время уездно-городскую милицию возглавлял австриец Ю.И.Салка, а в 1923-1924 г.х – венгр Рудольф Антонович Сабо, командиром конного отряда милиции был белорус Степан Зайцехович Теодорчик, помощником начальника районной милиции – русский Илья Попов, командиром отряда милиции особого назначения – узбек Абдулло Иркабаев, начальником раймилиции – армянин Артем Степанянц[3].

Многие первые милиционеры были неграмотными. Из 52-х сотрудников управления уездно-городской милиции Ура-Тюбе 49 были совершено неграмотными. В архивах сохранились анкеты

---

[1] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка… – С. 28.
[2] Там же.
[3] Там же. – С. 29.

сотрудников Ура-Тюбинской милиции тех лет, многие из которых не могли даже расписываться и вместо подписи прилагали к анкетам отпечатки своих пальцев[1]. Однако многие из этих первых неграмотных милиционеров в будущем стали образованными и грамотными специалистами. Например, таким же неграмотным пришёл в милицию Ота Раимджанов, ставший впоследствии председателем исполкома Ура-Тюбинского района. Неграмотным пришёл в милицию и Мумин Ибрагимов, но позже он закончил курсы, школу милиции и более 30 лет своей жизни отдал Ура-Тюбинской милиции.

Рядовой милиционер, потом начальник раймилиции, впоследствии ставший председателем райисполкома – таков путь Рауфа Алибаева, не умевшего даже расписываться. На анкете, заполненной в год поступления на службу, Р. Алибаев вместо подписи приложил оттиск пальца[2].

Таким образом, Ура-Тюбинская милиция, так же как и Ходжентская милиция, вела активную борьбу с басмачеством и преступными элементами, укрепляя советскую власть.

Верховья Зарафшана, горные районы современного Северного Таджикистана – Пенджикентский, Магионо-Фарабский, Офтобруинский, Фальгарский, Искандаркульский и Матчинские волости, после российского завоевания в административном отношении входили в состав Самаркандской области Туркестанского генерал-губернаторства, а после установления советской власти – в состав Самаркандского уезда Самаркандской области Туркестанской АССР. Из вышеперечисленных волостей советская власть, прежде всего, была установлена в Пенджикентской волости, в силу близости к Самарканду. В остальных же волостях установление советской власти происходило в течение декабря 1917г. – июля 1918г[3].

С установлением советской власти, наряду с другими атрибу-

---

[1] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка… – С. 29.

[2] Там же.

[3] Об установлении Советской власти в долине Зарафшана подробно см.: Абулхаев Р.А. Упрочение Советской власти в районах верховьях Зарафшана (1918 – 1923 гг.). – Душанбе: Донищ, 1972; Его же. Субхи Зарафшон. Баркарор ва устувор намудани Хокимияти Совети дар болооби Зарафшон. – Душанбе: Ирфон, 1981.

тами старого буржуазно-колонизаторского аппарата угнетения, везде ликвидировалась и полиция. Однако советская власть в некоторых волостях долго не продержалась. Например, в Матчинской волости советская власть существовала до середины ноября 1918 г. Здесь бесчинствовали крупные басмаческие вооружённые группы, боровшиеся против новой власти по всей территории Зарафшанской долины[1].

В Пендижекенте, который являлся в 1919г. штабом борьбы против басмачества в Зарафшанской долине, была образована участковая милиция. В августе 1919 г. на заседании Самаркандского уездного исполкома начальником Пенджикентской участковой милиции был избран Мирзоашур Латифбаев[2].

Согласно «Выписке из штатов уездной и городской милиции Туркестанской республики», Пенджикентская милиция имела свой состав, на содержание которого отпускались средства[3] (см. приложение 10).

Судя по имеющимся данным, численный состав Пенджикентской милиции составлял 6 человек, и на его содержание в год расходовалось 43200 рублей.

Кроме государственной милиции, в районах верховьев Зарафшана для борьбы с басмачеством стали создаваться добровольческие отряды народной милиции. Один из активных участников установления советской власти и создания органов власти в Зарафшане Мирзо Яхья Аминов вспоминал: «Вскоре после победы власти Советов в Зарафшане контрреволюционные силы, временно свергнув Советскую власть, образовали Матчинское бекство. Басмаческие шайки Матчинского бекства начали беспощадно грабить мирное население, убивать и издеваться над работниками Советской власти... В 1919 – 1920 гг. в Пенджикенте образовались добровольческие отряды народной милиции в количестве 125 человек. Основной задачей отряда была ликвидация басмаческих шаек и упрочение Советской власти в верховьях Зарафшанской долины.»[4]. Как утверждает Р. Абулхаев, Мирзо Яхья

---

[1] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка… – С. 29.
[2] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти…– С. 69.
[3] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 57, л. 48; оп. 2, д. 39, л. 91об.
[4] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти …– С. 70.

Аминов в 1919 – 1920 гг. руководил одним из добровольческих отрядов народной милиции Пенджикента[1]. Отряды народной милиции под его руководством совместно с частями Красной Армии героически боролись за упрочение советской власти в долине Зарафшана и сыграли существенную роль в разгроме Матчинского бекства.

Председатель Фальгарского волостного исполкома в своём рапорте от 31 октября 1919 г. писал начальнику Пенджикентской милиции следующее: «В настоящее время занято матчинцами (т.е. антисоветскими силами. – А.Р.) 13 кишлаков Фальгарской волости... осталось 17 кишлаков которые тоже думают взять до кишлака Урметан. Поэтому просим выслать 200 пеших солдат для защиты жителей...»[2].

Чуть позже, 19 января 1920 г. тот же председатель Мирзосолех Муродов сообщал Самаркандскому уездному исполкому о частом нападении матчинских антисоветских вооружённых групп и от имени трудящихся дехкан Фалгара просил оказать им военную помощь. После этого военным комиссаром Самаркандской области сразу же был отправлен отряд красноармейцев численностью около 100 человек в Фалгарскую волость для освобождения центра волости – кишлака Рарз[3].

Необходимо отметить, что жители Фалгарской волости регулярно жаловались в своих письмах, адресованных начальнику Пенджикентской милиции, о насилии и издевательствах басмачей Матчинского бекства. Например, в письме, написанном в конце марта 1920 г., говорилось, что матчинцы очень обижают их, снимают с головы чалму, рубашки и ежедневно, приехав, облагают каждый кишлак поборами – по 5 пудов риса и пшеницы, 8 пудов ячменя, 200 снопов клевера, где есть, а где нет – таковых штрафуют на 10 тысяч рублей, насильно получив, отправляют в Рарз[4].

По сведениям Р. Абулхаева, в конце января и в начале февраля 1920 г. отряд из Самарканда совместно с отрядами милиции города Пенджикента вступил в затяжные бои против басмаческих

---

[1] Там же.
[2] Там же. – С. 71.
[3] Там же. – С. 73.
[4] Там же. – С. 76.

банд Матчинского бекства, которые продолжались до апреля 1920 г.[1]

15 декабря 1920 г. Фальгарский волисполком в своём донесении начальнику милиции Пенджикентского района сообщил, что матчинские басмачи в количестве 600 человек напали на кишлак Похут, ограбили и увезли всё имущество населения и заняли большинство кишлаков Фальгарской и Искандаркульской[2] волостей. Немного позже матчинские басмачи (до 1000 сабель) активно участвовали в осаде Душанбинского гарнизона[3].

В начале 1921 г. в Пенджикенте сложилась напряжённая обстановка. В Магиано-Фарабской волости были зверски убиты 7 милиционеров, направленных в кишлак для сбора продовольственного налога. В кишлаке Тайляк был убит милиционер Низом Норов, при бандитском нападении на почту смертельно ранили сотрудник раймилиции Балабана. Многие кишлаки района были сожжены. Грабежи сопровождались убийствами. В связи с этим, Самаркандский обком партии Туркестана рекомендовал всем уездно-городским комитетам партии усилить боевые отряды ЧОН, а также сформировать новые добровольческие отряды из трудящихся[4]. В свою очередь, Самаркандское областное управление милиции, учитывая создавшееся положение, предложило уездно-городской милиции, в состав которой входило Пенджикентское райотделение, усилить вооружённую охрану в районе, особенно города и его окраин.[5]

Положение осложнилось ещё тем, что при помощи белогвардейских офицеров и военных инструкторов в Матче была построена оружейная мастерская[6]. Поэтому на борьбу с матчинскими басмачами и другими вооружёнными группами был мобилизован весь личный состав милиции, добровольцы и небольшая воинская часть, находившаяся в Пенджикенте. Конный отряд милиции под командованием Евгения Соколова был усилен за счёт

---

[1] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти. – С. 73.
[2] Там же. – С. 21.
[3] Там же. – С. 82.
[4] Кельдиев Т. Х. Разгром контрреволюции в Фергане. – С. 106.
[5] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка… – С. 37.
[6] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти … – С. 81.

конного резерва из Самарканда[1].

26 июня 1921 г. более двух десятков басмачей напали на крестьян кишлака Ёри на территории Пенджикентского района. Находившиеся в это время в кишлаке начальник раймилиции и шесть милиционеров вступили в неравный бой с басмачами. Перестрелка продолжалась около 5 часов. Хотя под натиском врага работники милиции вынуждены были отступить, но они не позволили бандитам бесчинствовать в селе, и банда была рассеяна[2].

В августе 1921 г. стало известно, что Хамид-курбаши со своими людьми готовится совершить налёт на кишлак Мазари Шариф. Начальник Пенджикентской милиции Мирзо Яхья Аминов с отрядом красноармейцев и милиционеров выехал в кишлак, но группу Хамида не обнаружил. По возвращении он получил сведения, что 50-60 боевиков неизвестной банды грабят дехкан на дороге. Отряд поскакал за бандой, которая к этому времени ушла в горы. Для того чтобы догнать банду, отряд прошел 25 вёрст, настиг и разгромил шайку. Однако в этом бою погиб командир добровольного конного отряда Евгений Соколов[3].

Следует отметить, что басмачи Матчинского бекства в большинстве случаев превосходили милицию по численности и вооружению, по материальному обеспечению. Поэтому 4 сентября 1921 г. собрание ответственных партийных советских работников Пенджикентского района обсудило вопрос о состоянии отряда милиции и его борьбе против вооружённых банд. Участники собрания, исходя из военно-политической обстановки в районах верховья Зарафшана, высказались за усиление Пенджикентского отряда милиции. В принятом постановлении они просили областной комитет партии «обратить серьёзное внимание на Пенджикентскую милицию... снабжать необходимым – как оружием, так и патронами в первую очередь»[4].

В одном из сражений против басмаческих банд молодой милиционер из Пенджикентского отряда милиции Алиакбар Абдурахмонов обезоружил одного курбаши и 4 рядовых басмачей. За

---

[1] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 37.
[2] Джалилов Т. А. Верные Отчизне. – С. 85.
[3] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 37.
[4] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти ... – С. 87-88.

каждый кишлак поборами – по 5 пудов риса и пшеницы, 8 пудов ячменя, 200 снопов клевера, где есть, а где нет – таковых штрафуют на 10 тысяч рублей, насильно получив, отправляют в Рарз[1].

По сведениям Р. Абулхаева, в конце января и в начале февраля 1920 г. отряд из Самарканда совместно с отрядами милиции города Пенджикента вступил в затяжные бои против басмаческих банд Матчинского бекства, которые продолжались до апреля 1920 г.[2]

15 декабря 1920 г. Фальгарский волисполком в своём донесении начальнику милиции Пенджикентского района сообщил, что матчинские басмачи в количестве 600 человек напали на кишлак Похут, ограбили и увезли всё имущество населения и заняли большинство кишлаков Фальгарской и Искандаркульской[3] волостей. Немного позже матчинские басмачи (до 1000 сабель) активно участвовали в осаде Душанбинского гарнизона[4].

В начале 1921 г. в Пенджикенте сложилась напряжённая обстановка. В Магиано-Фарабской волости были зверски убиты 7 милиционеров, направленных в кишлак для сбора продовольственного налога. В кишлаке Тайляк был убит милиционер Низом Норов, при бандитском нападении на почту смертельно ранили сотрудник раймилиции Балабана. Многие кишлаки района были сожжены. Грабежи сопровождались убийствами. В связи с этим, Самаркандский обком партии Туркестана рекомендовал всем уездно-городским комитетам партии усилить боевые отряды ЧОН, а также сформировать новые добровольческие отряды из трудящихся[5]. В свою очередь, Самаркандское областное управление милиции, учитывая создавшееся положение, предложило уездно-городской милиции, в состав которой входило Пенджикентское райотделение, усилить вооружённую охрану в районе, особенно города и его окраин.[6]

---

[1] Там же. – С. 76.
[2] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти. – С. 73.
[3] Там же. – С. 21.
[4] Там же. – С. 82.
[5] Кельдиев Т. Х. Разгром контрреволюции в Фергане. – С. 106.
[6] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 37.

Положение осложнилось ещё тем, что при помощи белогвардейских офицеров и военных инструкторов в Матче была построена оружейная мастерская[1]. Поэтому на борьбу с матчинскими басмачами и другими вооружёнными группами был мобилизован весь личный состав милиции, добровольцы и небольшая воинская часть, находившаяся в Пенджикенте. Конный отряд милиции под командованием Евгения Соколова был усилен за счёт конного резерва из Самарканда[2].

26 июня 1921 г. более двух десятков басмачей напали на крестьян кишлака Ёри на территории Пенджикентского района. Находившиеся в это время в кишлаке начальник раймилиции и шесть милиционеров вступили в неравный бой с басмачами. Перестрелка продолжалась около 5 часов. Хотя под натиском врага работники милиции вынуждены были отступить, но они не позволили бандитам бесчинствовать в селе, и банда была рассеяна[3].

В августе 1921 г. стало известно, что Хамид-курбаши со своими людьми готовится совершить налёт на кишлак Мазари Шариф. Начальник Пенджикентской милиции Мирзо Яхья Аминов с отрядом красноармейцев и милиционеров выехал в кишлак, но группу Хамида не обнаружил. По возвращении он получил сведения, что 50-60 боевиков неизвестной банды грабят дехкан на дороге. Отряд поскакал за бандой, которая к этому времени ушла в горы. Для того чтобы догнать банду, отряд прошел 25 вёрст, настиг и разгромил шайку. Однако в этом бою погиб командир добровольного конного отряда Евгений Соколов[4].

Следует отметить, что басмачи Матчинского бекства в большинстве случаев превосходили милицию по численности и вооружению, по материальному обеспечению. Поэтому 4 сентября 1921 г. собрание ответственных партийных советских работников Пенджикентского района обсудило вопрос о состоянии отряда милиции и его борьбе против вооружённых банд. Участники соб-

---

[1] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти ... – С. 81.
[2] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 37.
[3] Джалилов Т. А. Верные Отчизне. – С. 85.
[4] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 37.

дом 2-го эскадрона и пулемётом «Льюс» пошёл в кишлак Зеробод (всего нас было 40 человек), что против Дар-Дар, через реку Зарафшан, через горы в обход по кишлакам Мадм и Кум, переходя громадные подъёмы...»[1]

В конце 1922 г. и начале 1923 г., в период подготовки общего штурма контрреволюционного очага в Северном Таджикистане – Матчинского бекства, во всех волостях верховья Зарафшана образовывались добровольческие отряды и народные ополчения. Так, в Пенджикентской, Офтобруинской, Киштутской волостях организаторами добровольческих отрядов были Мирзо Яхья Аминов, Мирбой Авезов, Абдулло Раззоков, Худойдод Баракаев, Раззок Хакназаров, Кудрат Баракаев, Нурали Рахмонкулов и многие др.[2]

В разгроме Матчинского бекства особую роль сыграли трудящиеся Фальгарской и Искандаркульской волостей, наиболее близко расположенных к Матче. Во время подготовки экспедиции здесь были созданы народные доброотряды почти во всех кишлаках[3]. Весной 1923 г. в кишлаке Урметан Фальгарской волости также образовался добротряд во главе с Муллохакимом Аминовым, в который входили Сайфиддин Тухтамуродов, Джалол Каримов, Муллосоддык Шомахмедов, Абдунаби Рахимов, Мулорахмат Кенджаев, Бобо Узбеков, Самад Узбеков, Али Нуров и др. Народные добровольческие отряды были созданы также в кишлаках Вешканд, Хушекат, Рарз, Такфон, Похут, Шаватк, Вешаб и других кишлаках Фальгарской и Искандаркульской волостей. В числе активных добровольцев указанных волостей были Муллораджаб Ходжамухамедов, Арбоб Ашуров, Берды Холикбердыев, Шомахмад Шомахмадов, Джалол Шарипов, Холик Обидов, Шофозил Шарипов, Сафар Холов, Худойберды Назаров и десятки др.[4]

Согласно административно-территориальному делению, которое происходило очень часто, Матчинская волость с 1918 по 1924 г. входила в состав Ура-Тюбинского района Ходженского уезда

---

[1] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти. – С. 105.
[2] Маориф ва маданият, 1963, 2 ноября.
[3] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти. – С. 110.
[4] Там же. – С. 111.

Самаркандской области Туркестанской АССР[1], и матчинские басмачи часто совершали разбойничьи набеги на территории Ходжента и Ура-Тюбе. В свою очередь, в трудный момент для милиционеров Пенджикентского района и всего Зарафшана, им на помощь всегда приходили отряды добровольной милиции из Ходжента и Ура-Тюбе. Вот что пишет по этому поводу Р. Абулхаев: «На помощь трудящимся верховья Зарафшана весной 1923 г. пришли отряды народной милиции и добровольческие отряды Ходжентского уезда и Ура-Тюбинского района. Ходжентским добровольческим отрядом руководил Абдукодыр Рахимбаев.

В боях против басмачей Матчинского бекства и Холбуты весной 1923 г. также героически сражались Ура-Тюбинские отряды во главе с Бобо Садыковым, Юсуфджоном Носирджоновым, Эшонкулом Раджабовым. В походе на Матчу участвовали отряды конной милиции Хайдара Усманова, доброотряды Джуры Закирова и другие»[2].

Совместными усилиями частей Красной Армии, местной милиции и добровольческих отрядов 2 апреля 1923 г. центр Матчинского бекства – Обурдон – был освобожден. Позднее, вспоминая об этой операции, начальник главной конной колонны красноармейцев и милиционеров М.В.Трипольский писал: «Мы расположились в доме бека, неподалёку находилась мастерская по изготовлению винтовочных патронов. Через дорогу, напротив этих мастерских находились хранилища с большим запасом пороха. При осмотре соседних помещений мы обнаружили подвал, в котором хранились оружие и боеприпасы заводского изготовления, патроны и винтовки и изрядный запас ручных гранат нашего и иностранного производства (английского, немецкого, итальянского)»[3]. Видимо, от стремительное наступление совместных военных сил помешало басмачам Матчинского бекства уничтожить запасы пороха, вооружения и боеприпасов.

Одним из активных участников борьбы против Матчинского бекства, а также вооруженных групп Очилбекова, Мирзопалвана,

---

[1] Кошелева А. И. Административно – территориальное деление Таджикистана (исторический очерк). – Сталинабад, 1948 – С. 37.
[2] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти. – С. 111-113.
[3] См: За власть Советов в Таджикистане. – С. 147 – 148.

Наим Худойбердиев, Халим Одинаев, Тош Курбонов. Этими добровольческими отрядами руководили Бобомуло Джурабаев, Н. Медведовский, Мирзо Яхья Аминов и др.[1]

22 декабря 1922 г. отряд Красной Армии совместно с отрядами добровольческой милиции героически отбил атаку 250 вооружённых басмачей у кишлака Зеробод и с боями отошёл к кишлаку Урметан. Командир этого отряда Пенджикентский военный комиссар Михаил Васильевич Трипольский в своём рапорте от 29 декабря 1922 г. писал в штаб войск Самаркандского боерайона: «...Я с этим эскадроном Пенджикентской добрмилиции и со взводом 2-го эскадрона и пулемётом «Льюс» пошёл в кишлак Зеробод (всего нас было 40 человек), что против Дар-Дар, через реку Зарафшан, через горы в обход по кишлакам Мадм и Кум, переходя громадные подъёмы...»[2]

В конце 1922 г. и начале 1923 г., в период подготовки общего штурма контрреволюционного очага в Северном Таджикистане – Матчинского бекства, во всех волостях верховья Зарафшана образовывались добровольческие отряды и народные ополчения. Так, в Пенджикентской, Офтобруинской, Киштутской волостях организаторами добровольческих отрядов были Мирзо Яхья Аминов, Мирбой Авезов, Абдулло Раззоков, Худойдод Баракаев, Раззок Хакназаров, Кудрат Баракаев, Нурали Рахмонкулов и многие др.[3]

В разгроме Матчинского бекства особую роль сыграли трудящиеся Фальгарской и Искандаркульской волостей, наиболее близко расположенных к Матче. Во время подготовки экспедиции здесь были созданы народные доброотряды почти во всех кишлаках[4]. Весной 1923 г. в кишлаке Урметан Фальгарской волости также образовался добротряд во главе с Муллохакимом Аминовым, в который входили Сайфиддин Тухтамуродов, Джалол Каримов, Муллосоддык Шомахмедов, Абдунаби Рахимов, Мулорахмат Кенджаев, Бобо Узбеков, Самад Узбеков, Али Нуров и др. Народные добровольческие отряды были созданы также в

---

[1] Маорифи Мастчох, 1963, 2 ноября.
[2] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти. – С. 105.
[3] Маориф ва маданият, 1963, 2 ноября.
[4] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти. – С. 110.

кишлаках Вешканд, Хушекат, Рарз, Такфон, Похут, Шаватк, Вешаб и других кишлаках Фальгарской и Искандаркульской волостей. В числе активных добровольцев указанных волостей были Муллораджаб Ходжамухамедов, Арбоб Ашуров, Берды Холикбердыев, Шомахмад Шомахмадов, Джалол Шарипов, Холик Обидов, Шофозил Шарипов, Сафар Холов, Худойберды Назаров и десятки др.[1]

Согласно административно-территориальному делению, которое происходило очень часто, Матчинская волость с 1918 по 1924 г. входила в состав Ура-Тюбинского района Ходженского уезда Самаркандской области Туркестанской АССР[2], и матчинские басмачи часто совершали разбойничьи набеги на территории Ходжента и Ура-Тюбе. В свою очередь, в трудный момент для милиционеров Пенджикентского района и всего Зарафшана, им на помощь всегда приходили отряды добровольной милиции из Ходжента и Ура-Тюбе. Вот что пишет по этому поводу Р. Абулхаев: «На помощь трудящимся верховья Зарафшана весной 1923 г. пришли отряды народной милиции и добровольческие отряды Ходжентского уезда и Ура-Тюбинского района. Ходжентским добровольческим отрядом руководил Абдукодыр Рахимбаев.

В боях против басмачей Матчинского бекства и Холбуты весной 1923 г. также героически сражались Ура-Тюбинские отряды во главе с Бобо Садыковым, Юсуфджоном Носирджоновым, Эшонкулом Раджабовым. В походе на Матчу участвовали отряды конной милиции Хайдара Усманова, доброотряды Джуры Закирова и другие»[3].

Совместными усилиями частей Красной Армии, местной милиции и добровольческих отрядов 2 апреля 1923 г. центр Матчинского бекства – Обурдон – был освобожден. Позднее, вспоминая об этой операции, начальник главной конной колонны красноармейцев и милиционеров М.В.Трипольский писал: «Мы расположились в доме бека, неподалёку находилась мастерская

---

[1] Там же. – С. 111.
[2] Кошелева А. И. Административно – территориальное деление Таджикистана (исторический очерк). – Сталинабад, 1948 – С. 37.
[3] Абулхаев Р. Упрочение Советской власти. – С. 111-113.

Саидходжаева. Через некоторое время он был обнаружен в Аште участковым уполномоченным Дододжаном Сатторовым. При захвате он оказал вооружённое сопротивление и был убит[1].

Следует отметить, что в Аштском районе нашли свой конец многие крупные лидеры басмаческих вооружённых групп. Например, известный главарь Эргаш-хромой, злейший враг советской власти, был убит именно здесь. Его убила старуха Ибодат-кампир за то, что Эргаш в Коканде отрубил голову ее мужу, а два ее сына погибли, став жертвой обмана Эргаша. История убийства Эргаша такова. Ибодат-кампир жила в кишлаке Чодак-су. Однажды в кишлак пожаловал сам Эргаш с тремя джигитами. Они насильно отобрали у сельчан сухие лепёшки и съели их, запив с холодной водой. Потом Эргаш-хромой отправил своих людей за лошадьми, одеждой и продовольствием. Жители кишлака Гурумсой задержали вооружённых людей и обезоружили их. Когда Эргаш крепко спал, Ибодат-кампир отрубила ему голову тешой (маленький топорик, которым она рубила тростник)[2].

Таким образом, отметим, что в начале 20-х годов органы Советской милиции в Аштском районе создавались в очень сложной обстановке, в условиях ожесточённой классовой борьбы. В организации и укреплении первых отрядов милиции существенную роль сыграли Нечаев, Д. Турсунов, Нуриддин Ахмедов, Юлдаш Ходжибаев, Додожон Сатторов, Азиз Дадоматов и др. После национально-территориального размежевания Средней Азии Аштский район отошел к Узбекской ССР (до 1929 г.).

Канибадам в административном отношении, как отдельный район, вошел в состав Кокандского уезда Ферганской области, поэтому организация Канибадамской милиции происходила в процессе создания органов милиции Кокандского уезда Ферганской области.

28 января 1918 г. состоялось совещание по укомплектованию кадрами милиции Туркестанского края. На этом же совещании обсуждался проект Положения «Об организации кадров милиции для городов и уездов Туркестанского края»[3]. С февраля 1918 г.,

---

[1] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 36.
[2] См.: Комсомоли Точкистон, 1978, 10 января.
[3] Джалилов Т. А. Верные Отчизне. – С. 23.

как уже отмечалось, новые милицейские органы начали создаваться во всех уездах, городах и волостях Туркестана.

К концу 1918 г. в Канибадаме сформировалось и функционировало районное отделение милиции. Об этом свидетельствуют «Сведения о личном составе милиционеров (конных и пеших)» Канибадама, которые относятся к 5 сентября 1919 г. (см. приложение 12).

В конце этого документа расписался начальник раймилиции, однако установить его фамилию невозможно, потому что роспись очень неразборчива. Как видно из примечания к этим «сведениям», по всей вероятности, с момента организации Канибадамская милиция имела около 30-40 милиционеров.

К началу 20-х годов Ферганская область ещё была центром басмаческого движения, и, по данным штаба Туркестанского военного округа, число вооружённых басмачей достигало здесь 15000 человек, объединившихся в 40 организованных групп[1].

По приказу ЦИК Советов и Реввоенсовета Туркфронта 16 августа 1920 г. областной Ферганский Революционный комитет был упразднён и управление областью перешло к областному военному совету.[2] После этого все военные и гражданские учреждения и организации, находившиеся на территории Ферганской области, подчинялись военному совету, как высшему органу советской власти на данной территории. В названном приказе отмечалось, что «для содействия упорной обороне против врага и для поддержания революционного порядка образовать в Ферганской области районные ревкомы»[3]. Приказ предусматривал образование от 4 до 6 районных ревкомов в каждом уезде, и при ревкомах были образованы отделы, руководившие работой милиции.

Осенью 1921 г. враги новой власти продолжали терроризировать мирное население и понуждали его не подчиняться распоряжениям и порядкам советской власти, совершали грабежи и убийства. 4 ноября 1921 г. в 4 часа утра 1500 человек во главе с курбаши Исламкулом, которые действовали под руководством белогвардейских офицеров, напали на Канибадам, в результате

---

[1] Знамя труда, 1920. – №26.
[2] Джалилов Т. А. Верные Отчизне. – С. 30.
[3] Сборник важных декретов ТАССР за 1917–1922 гг. – С. 51.

чего были разгромлены все советские учреждения, убито 15 активистов, угнано 500 лошадей[1].

Для ликвидации группы Исламкула была организована чрезвычайная карательная экспедиция, милиция в Канибадаме и милицейский отряд рабочих нефтепромысла были усилены. В Махрамской крепости и кишлаке Кучкак установили милицейские гарнизоны[2]. В это время начальником Канибадамской милиции был Кобилхуджа Искандаров[3].

В 1921 г. молодым командиром в родной город Канибадам вернулся Комил Ерматов. До этого, как командир взвода 1-го Туркестанского кавалерийского полка, он участвовал в борьбе с антисоветскими силами в Ферганской долине, в разгроме Врангеля, а также в свержении Бухарского эмира. Поскольку он уже имел опыт практической работы, ревком поручил ему организовать отряд милиции. Организованный Комилом Ерматовым отряд милиции сразу вступил в бой с группой Исламкула.

В январе 1922 г. Канибадамский отряд милиции обнаружил в районе кишлака Ниязбек группу Исламкула и завязал с ней бой, длившийся с утра до позднего вечера, в результате со стороны противника на поле боя осталось 12 убитых. Оставшиеся члены банды, воспользовавшись темнотой, рассеялись. Чуть позже, в апреле отряд Ерматова разгромил другую группу, численностью около 100 человек, совершившую налёт на кишлак Кучкак[4].

В самый критический и безнадежный момент отряды милиции приходили на помощь жителям кишлаков и защищали их от насилия и грабёжа. Своим мужеством в борьбе с врагами, своей отзывчивостью к нуждам трудящихся они завоевали уважение среди народа. О том, каким уважением и авторитетом пользовалась в то время милиция в Канибадаме, свидетельствует высказывание писателя Леонида Соловьёва, в марте 1922 г. приехавшего в Канибадам. Он снял комнату у некого Джурабая Алимджанова и искал работу, но безуспешно. Тогда Соловьёв обратился к на-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 345, л. 41.
[2] Там же, Ф. 225, оп. 1, д. 921, л. 17.
[3] Кобилходжа Искандаров – дед (по матери) нынешнего первого заместителя министра МВД. РТ, генерала-лейтенанта милиции А. А. Кахарова.
[4] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 418, л. 70.

чальнику милиции. Вспоминая об этом, писатель рассказывает: «А работа всё не подыскивалась. На почте не нужен был человек, в райисполкоме делопроизводство велось на местном языке, медбратом в амбулаторию не взяли из-за отсутствия медицинской подготовки. Тогда я устремил свои взоры на милицию. Начальником районной милиции в Канибадаме был в те годы Комил Ерматов... Он появлялся в Канибадаме редко, на несколько дней, а своё остальное время гонялся со своим отрядом милиционеров за остатками разбитых шаек. Просто удивительно, как он тогда не сложил где-нибудь в горах своей головы»[1].

Как явствует из рассказа писателя, в те годы риск и опасность сопровождали милиционеров на каждом шагу.

Через некоторое время К.Ерматов был направлен в Бакинское военное училище, а затем в Московскую военную академию. После академии в начале 1925 г. он вновь был назначен начальником Канибадамской районной милиции[2].

Действительно, К.Ерматов сыграл существенную роль не только в укреплении Канибадамской милиции, но и в борьбе против внутреней контрреволюции и уголовной преступности. За умелую организацию работы милиции по борьбе с бандитизмом и личное мужество Ерматов был награждён именным боевым оружием[3]. Впоследствии он всю жизнь посвятил искусству. Как кинорежиссеру, К.Ерматову было присвоено почётное звание народного артиста СССР.

После К.Ерматова некоторое время Канибадамскую милицию возглавлял К.Искандаров. Как и в других районах Туркестанской АССР, Канибадамская милиция год за годом организационно совершенствовалась, укреплялась и её численность увеличивалась[4] (см. приложение 13).

Из приведённых цифр можно сделать вывод, что шел процесс постепенного качественного и количественного улучшения Канибадамской милиции.

Как мы уже писали, силами только государственной милиции

---

[1] Соловьев Л. Из книги юности // Нева, 1961. – №11.
[2] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 33.
[3] Там же. – С. 34.
[4] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 244, л. 23; д. 63, л. 16; д. 416, л. 73.

новую власть и осуществлять новые порядки в условиях сильного вооружённого сопротивления, организованного бывшими чиновниками Ферганской области, было невозможно. Агрессивные действия вооружённых басмаческих групп, бесправие, грабежи и насилие потребовали от представителей новой власти создания добровольной милиции, которая могла бы оградить население от убийц и насильников. Именно население брало на себя содержание добровольцев милиции, в ряде мест оно по собственной инициативе организовывало добровольческие отряды. В Ферганской долине в 1918-1923 гг. около 20 тысяч трудящихся состояли в отрядах добровольной милиции[1].

Один из таких отрядов был создан во главе с Махмедовым и в Канибадаме. О положении этого отряда на 1 ноября 1922 г. свидетельствуют данные приведенные в приложении 14).

Численный состав Канибадамского отряда составлял 175 человек, цифра на наш взгляд, для Канибадамского района немалая. Естественно, что в волостях Ферганской области, где шла наиболее жёсткая борьба, было больше всего добровольцев, и количество добровольческих отрядов и добровольцев непрерывно росло[2].

С 1 июля по 1 октября 1922 г. добровольные отряды милиции вместе с частями Красной Армии взяли в плен в одной Ферганской области 122 курбаши и 1634 рядовых басмача.

По мере ослабления вооруженного сопротивления контрррволюционных сил, постепенно шло сокращение добровольной милиции, а 19 мая 1924 г. было принято постановление Малого Совета Народных Комиссаров Туркестанской АССР о ликвидации к 1 октября подразделений добровольной милиции по всей республике[3].

Летом 1923 г. начальник Ферганской областной милиции Бехиванов провел ревизию Канибадамской раймилиции. В результате он выявил ряд недостатков в ее деятельности и представил об этом подробный доклад наркому внутренних дел Туркреспублики. Приведем некоторые сведения из этого доклада: «Каниба-

---

[1] Джалилов Т. А. Верные Отчизне. – С. 96.
[2] Джалилов Т. А. Верные Отчизне. – С. 97.
[3] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 659, л. 210.

дамский район (автор подразумевал отделение милиции. –А.Р.), несмотря на то, что во главе его стоит опытный работник областного масштаба тов. Дустмухамедов, заставляет желать лучшего. Ввиду того, что Дустмухамедов непрерывно был в операциях и в настоящее время (т.е. 22 июля 1923г. – А.Р.) является также начальником Канибадамского боевого участка, не может уделить должного внимания технической стороне дела, работа поставлена отвратительно. Никакого учёта оружия нет, ни один из них не отвечает действительности и никем не подписан... Нет учёта людей и конного состава, отсутствует книга записей трофейного имущества, что даёт полный простор для его возможного злоупотребления...»[1].

За допущенные недостатки Дустмухамедову был объявлен строгий выговор с записью в послужном списке, а для налаживания работы в Канибадам командировался старший делопроизводитель облмилиции Горшенин.

На наш взгляд, начальник облмилиции Бехиванов по отношению к начальнику Канибадамской милиции поступил в какой-то мере несправедливо, так как сам признаёт, что Дустмухамедов «непрерывно был в операциях».

Говоря об истории Канибадамской милиции, нельзя не упомянуть о конном отряде, созданном из хорошо обученных военному делу рабочих нефтепромысла «Санто» (ныне относится к Исфаринскому району). Враги советской власти несколько раз пытались захватить посёлок нефтепромысла, однако каждый раз встречали организованный отпор и несли потери. Милиционеры-нефтяники не только обеспечивали охрану своего посёлка, но и не раз помогали милицейским отрядам Исфары и Канибадама в борьбе с вооружёнными группами.

В первые годы советской власти пойти на работу в милицию для женщин было настоящим подвигом. Именно в Канибадамской милиции в 1924 г. появились первые женщины-милиционеры из таджичек. Это были Ойша Ерматова и Улугбиби Саидова.

Таким образом, организация и совершенствование деятельности Канибадамской милиции шли параллельно с установлением и

---

[1] Там же, д. 416, л. 126.

укреплением советской власти в Канибадаме. В дело организации и укрепления районного отделения милиции в Канибадаме огромный вклад внесли К. Ерматов, Дустмухаммедов, Бехиванов, Мубораккадам (Ахмадхан), Абдулла Саримсаков, Тошпулот Каримов, Берди Турдикулов, Хакимджон Саркулов и десятки др.

После проведения национально-территориального размежевания в Средней Азии Канибадам оставался в составе Ферганской области Узбекской ССР до 1929 г.

Исфаринский район, как и Канибадамский, в административном отношении входил в состав Кокандского уезда Ферганской области Туркестанской АССР, поэтому организация милиции в Исфаре проходила в процессе формирования милиции Ферганской области Туркестанской республики.

Первые отряды народной добровольной милиции в Исфаре, как и в Канибадаме, были сформированы в начале 1918 г. в ходе борьбе против «Кокандской автономии». В январе 1918 г. между «автономистами» и советской властью произошли первые крупные столкновения. «Автономистами» руководили крупный ферганский богач Мустафа Чакаев, полковник царской армии Махди Чанышев – военный министр Кокандской автономии и бывший начальник Кокандской уездной милиции Эргаш. Среди добровольцев из Канибадама выступивших против «автономии» были Каримджан Хусейнзода, Исмаил Ниязи, Хофиз Джалоли, Хамрокул Кузиев. Все они погибли в борьбе за советскую власть. Среди добровольцев из нефтепромысла «Санто» был известный Мубораккадам (Ахмадхан)[1], о котором подробно мы расскажем чуть ниже.

После ликвидации «Кокандской автономии», уже к концу 1918г. в Исфаре было сформировано районное отделение милиции. Согласно «Ведомости состава милиционеров, лошадей, оружия (огнестрельного и холодного), обмундирования штата Исфаринской волости Кокандского уезда», которая составлена от руки начальником милиции (к сожалению, фамилию не смогли установить), в 1919 г. районное отделение милиции выглядело следующим образом: численный состав – 37 (из них 33 конных и 4 пеших); вооружение – 35 винтовок, 1 револьвер, 1000 патронов;

---

[1] См.: Таджи Усман, Ашурмухамадов М. Мубораккадам… – С. 48 – 49.

лошадей – 33[1].

Как видим, положение Исфаринской милиции выглядело немного беднее, по сравнению с Канибадамской. Не хватало лошадей (29 лошадей – собственность самих милиционеров), оружия, боеприпасов и обмундирования.

Несмотря на то, что основная вооружённая сила «Кокандской автономии» была ликвидирована, оставшиеся мелкие отряды продолжали борьбу против новой власти. Кроме отрядов Куришермата и Эргаша, в Кокандском уезде еще действовали группы Мадаминбека, бывшего милиционера Хамдама – в окрестностях Канибадама, Махрама и Исфары, отряды Хасана и Сангина курбаши из Чоркуха, Машраба и Турды из Лолака, Нугмана и Шоди из Яйпана и многие др.

В апреле 1920 г. в городке Сим была созвана партийная конференция Ферганской области, Кури (слепой) Шермат напал на город. Однако отряды добровольцев и милиции дали ему серьёзный отпор[2]. Через месяц, учитывая сложную обстановку в волостях, Махрам, Исфара, Лолак и Вобкенд (ныне территория Киргизской республики) были объединены с Канибадамом и был создан единый крупный район. Также были организованы дополнительные добровольные отряды и продовольственные отряды. Численность народных бойцов достигла более 3 тысяч[3]. Не проходило дня, чтобы не произошло военного столкновения между народными ополченцами и противниками советской власти.

В начале 1921 г. были проведены первые выборы Советов на территории Ферганской области, а в марте созван первый съезд Советов Канибадамского района, на котором председателем Канибадамского Совета был избран Каримджон Хусейнзода. В ходе заседания съезда Советов, после 12 часов ночи председателю передали, что кто-то приехал с важным сообщением с нефтепромысла «Санто». Это был Мубораккадам – один из рабочих нефтепромысла, в будущем один из организаторов милиции в Исфаре.

Мубораккадам сообщил Каримджону Хусейнзода, что на неф-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 302, л. 78.
[2] Таджи Усман, Ашурмухамадов М. Мубораккадам... – С. 63.
[3] Там же. – С. 65.

тепромысле работают 300 рабочих, 250 из них горцы и 50 человек составляют русские, татары, украинцы и башкиры. Начальник предприятия Григорьев и главный инженер Журавлёв подготовили заговор с целью захвата нефтепромысла. Начальник отправил его за 300 стволами оружия.

Каримджон Хусейнзода и председатель ЧК Гафурджон Хасанов оперативно в ту же ночь захватили Григорьева, однако инженер Журавлёв и его помощник Федотов скрылись[1].

В сложные 20-е годы жители окрестностей Канибадама и Исфары в поисках работы и куска хлеба ходили из одного места в другое, из одного города в другой. Поскольку железная дорога была занята в военных целях, основным средством передвижения являлись арбы, лошади и ослы. Как-то по дороге между Каракчикумом и Шахидкароянтоком люди пропали и через 2-3 дня их тела нашли возле Сыр-Дарьи. Об исчезновении людей и их имущества в Канибадам поступали жалобы из Маргелана, Андижана, Бекабада и других мест. Принятые меры со стороны местных властей не дали желаемого результата. Руководители районов пришли к единому мнению и поручили это дело Мубораккадаму. Мубораккадам из числа своих верных товарищей организовал отряд и вышел на поиск разбойников. Потом стало ясно, что все эти разбои и грабежи совершал житель Кароянтока – Ходжипахлавон со своими единомышленниками: Турди, Машрабом, Исо и др. Они имели 7 пятизарядных винтовок, 5 наганов и много боеприпасов. Вскоре эта банда разбойников была обезврежена. В ликвидации банды Худжипахлавона активное участие принимали командиры добровольной милиции Мубораккадам, Кобил Амин, Самибай, ходом операции руководил Каримджон Хусейнзода.[2]

К маю 1922 г. Исфаринская милиция, значительно окрепла (о ее состоянии на 1 мая 1922 г. см. приложение 15).[3]

Как видно из таблицы, отсутствуют данные о наличии конных милиционеров, но это не означает, что в Исфаре в 1922 г. не было конных милиционеров. Видимо, тот, кто составил таблицу, забыл заполнить соответствующие графы. В период ожесточённой

---

[1] Таджи Усман, Ашурмухамадов М. Мубораккадам… – С. 75.
[2] Там же. – С. 79 – 81.
[3] ЦГА Р. Уз. Ф. 339, оп. 1, д. 244, л. 232.

борьбы против басмаческих групп отделение милиции без конной милиции было немыслимо.

19 июня 1922 г. на Исфару было совершено нападение басмаческой шайки численностью более 900 человек. Находившиеся в то время в городе 64 милиционера организовали оборону города. На каждую 3-линейную винтовку у них имелось по 80 патронов и на берданку – по 60 патронов. Бой продолжался несколько часов. Милиционерами командовал отважный командир Усман Махмудов, начальник Исфаринской милиции. По приказу начальника милиционеры с наступлением темноты отступили к крепости и заняли оборону[1]. Полтора суток милиционеры держали оборону, на утро противник вновь возобновил наступление. У защитников крепости – милиционеров – оставались считанные патроны, вышли из строя старые берданки, не хватало продовольствия и воды, но герои не сдавались. Лишь днём из Канибадама подошёл отряд милиции с нефтепромыслов, и противник, не приняв боя, отступил. Этот неравный бой продолжался более двух суток, но милиционеры с честью выдержали его. Пять милиционеров получили лёгкие ранения, а потери противника составили 26 человек убитыми и 15 ранеными.[2]

В этом бою исключительную храбрость проявили начальник милиции Усман Махмудов, старший милиционер Мирсоат Норматов (впоследствии стал начальником Исфаринской милиции), милиционеры Абдусаттор Сангинов, Абдугани Шербаев, Пулот Насретдинов и др.[3]

Много сил и энергии отдал делу укрепления Канибадамской и особенно Исфаринской милиции бывший отходник с Памира Ахмадхан Саидхонов (он же Мухамаджон, он же Мубораккадам[4]). Ещё до революции молодым 17-летним парнем, со своими земляками он покинул родной край и до 1920 г. работал батраком, кучером у Ферганского губернатора. Позже стал шахтёром. В годы революции, с 1920 г. служил в органах народной мили-

---

[1] Ферганский областной архив. Р. Уз. Ф. 405, оп. 1, д. 145, л. 140.
[2] Там же.
[3] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 31.
[4] О нём подробно см: Таджи Усмон, Ашурмухаммадов М, Мубораккадам. Душанбе: Ирфон, 1966 – 92 с.

ции. Был старшим милиционером, командиром конного отряда. В боевой истории его конного отряда есть много славных страниц.

В апреле 1922 г. около ста бандитов совершили нападение на квартал Шахрак в Исфаре. Отряд Саидхонова несколько часов вёл перестрелку с бандой и выбил её из города. Его отряд без потерь одержал победу, противник потерял 10 своих бойцов.

В другой раз в кишлаке Карабулак отряд Мубораккадама атаковал группу под командованием курбаши Мадали численностью более 200 человек. Милиционеры одержали победу. Мадали потерял 42 своих подручных[1].

На некоторых других боевых и милицейских подвигах Мубораккадама мы останавливались чуть выше. Немного забегая вперёд, скажем, что Ахмадхон (Мубораккадам) Саидхонов героически погиб в 1927 г. при преследовании группы Бегиша в местечке Майдони Мулло в Исфаре[2].

В первые годы советской власти органы милиции не раз пресекали и незаконные действия и злоупотреблениям органов государственной власти. Например, в докладе отдела Управления Кокандского уездного ревкома за июнь 1922 г. говорилось: «Из Исфаринской волости поступило донесение, что отряд ГПУ, прибывший с уполномоченным облпродкома в Исфару, занимается грабежами, отбирает у населения продукты, клевер, с населением обращается жестоко[3].

Говоря об организации милиции Исфары, можно сделать вывод, что в организационный этап Исфаринской милиции завершился 1918-1919 гг, а в 1920-1922 гг. Исфаринская милиция совершенствовалась и укреплялась в вооружённой борьбе против басмачества.

В первой главе мы уже отмечали, что территория эмирата находилась под влиянием России, и поэтому происходившие в ней революционные события не могли не повлиять на общественно-политическое и социально-экономическое положение Памира.

О Февральской революции на Памире стало известно 21 марта

---

[1] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка… – С. 32.
[2] Таджи Усман, Ашурмухамадов М. Мубораккадам... – С. 33.
[3] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 1, д. 540, л. 115.

1917 г. Тогдашний начальник пограничного отряда И.Д.Ягелло[1] в своем обращении известил об этом население Памира в апреле официально[2].

Туркестанский комитет Временного правительства 6 июня 1917 г. разработал «Временное положение об управлении Памирского района», согласно которому за начальником отряда оставалась лишь военная власть, а гражданская передавалась вновь организованному Комиссариату Памирского района. Первым председателем Памирского комиссариата был назначен И. И. Зарубин[3]. Однако Туркестанский комитет в управление Памиром, в сущности, никаких серьезных изменений не внес. Коренные изменения стали происходить после того, как на Памире стало известно о происходивших революционных событиях в Туркестане.

К началу лета 1918 г., в связи с демобилизацией и уходом солдат, у которых заканчивался срок службы, численность Памирского погранотряда резко сократилась, поэтому, по приказу военного комиссариата Туркестанской республики от 23 мая 1918 г., отряд пополнился 20-тью добровольцами из местного населения. Их стали называть милиционерами, поскольку они были присоединены к отрядам милиции еще в 1916-1917 гг. начальником отряда подполковником И. Д. Ягелло[4].

Согласно выявленному нами архивному документу, 2 июля 1918 г. на заседании Всепамирского отрядного комитета под председательством Н. Судонкина (читать правильно невозможно) обсуждался протокол общего собрания Памирского поста от 5 (трудно уточнить, то ли 15-го) июня за №14 об избрании одного члена в постовой Комитет от милиционеров. По всей вероятности речь идет о вышеназванных 20 местных милиционерах. Ввиду

---

[1] Ягелло Иван Денисович (1865 – 1942). Военный деятель и известный русский востоковед. Хорошо знал английский, немецкий, французский, персидский, урдунский и пуштунский языки и преподавал русским офицерам в Туркестане. После революции перешел на сторону советской власти и занимался научно – исследовательской деятельностью в области языкознания.

[2] Набиев А. Помири Совети (Очерки таърихи) – Душанбе: Ирфон, 1967. – С. 23. (На тадж. яз.).

[3] Зарубин Иван Иванович (1887 – 1964) в будущем стал известным советским иранистом, профессор Ленинградского университета. В основном исследовал иранские языки и фольклор.

[4] Набиев А. Помири Совети... – С. 30.

научно-исторического значения данного документа, приведем постановляющую часть этого протокола (сокращенно, некоторые слова трудно читаемые): «... Утвердить Назармамада (фамилию невозможно прочитать) членом от милиции в Постовой комитет, а также предлагаем Постовому комитету предложить милиционерам выбирать членов на место какого-либо члена Постового комитета, который желает выбыть. Если такого не имеется, то сделать переизбрание комитета. Командир милиционеров поста Ишкашимского предложил присоединиться к посту Хорогскому или Лянгарскому, и выбрать своего представителя в Постовой комитет»[1].

Памирский отряд находился в подчинении Ферганского областного военного комиссариата, однако 30 августа он был передан в непосредственное подчинение Ташкентскому военному комиссариату[2]. Некоторые авторы, например А. Набиев[3], утверждают, что Памирский отряд сразу был передан в подчинение военного комиссариата Туркестанской АССР. По нашему мнению, это произошло позднее, потому что к этому времени республиканские центральные аппараты полностью еще не сформировались.

Летом 1918 г. из Ташкента на Памир был отправлен новый отряд во главе с поручиком царской армии Афанасьевым. Из сообщения председателя Ошского Совета Сарьтенского, который вместе с отрядом следовал в одном поезде, выяснилось, что «отряд состоял из 200 штыков. Все австрийцы. В дороге познакомился с командиром, который просил оказать содействие». По отправке из Оша Сарьтенский ответил, что, как председатель Ссовдепа, он обязан оказать содействие советскому отряду, на что командир отряда, поручик Афанасьев заявил, что никакого советского отряда нет, и на вопрос, какова же цель его пребывания на Памире, ответил: «вешать товарищей...»[4]. Как выяснилось позже, состав этого отряда состоял в основном из контрреволюционеров и ими руководил белогвардейский полковник Зайцев, английский полковник Бэйли, а также военный комиссар Турке-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 25, оп. 1, д. 80, л. 5.
[2] Там же.
[3] Набиев А. Помири Совети... – С. 29.
[4] ЦГА Р. Уз. Ф. 25, оп. 1, д. 80, л. 3.

станской республики, белогвардеец Осипов[1].

Осенью 1918 г. отряд Афанасьева прибыл на Памир. Реакционные элементы, находившиеся здесь ранее в составе Памирского отряда во главе с полковником Фениным, не признавали советскую власть и продолжали сохранять порядки Временного правительства. Однако, осознав, что Советская власть в центре стоит прочно, а на Памире нарастает революционно-демократическое настроение масс, полковник Фенин со своими сторонниками, захватив деньги и вооружение, в середине ноября 1918 г. бежал через Вахан в Индию[2].

Как отмечает М. Назаршоев, со всех постов Памирского отряда «...выбралось всего 32 солдата, которые поддались антисоветской пропаганде белых офицеров и ушли за границу»[3]. После ухода части солдат и офицеров Общепамирский комитет Временного правительства распался и во всех постах осталось небольшое количество революционно настроенных солдат и несколько офицеров. Кроме того, сохранилась народная милиция, созданная еще в середине 1918 г. Всё руководство Памирским отрядом взяли на себя капитаны Юнга, Земкин и врач отряда Вичич[4].

Учитывая политическое и военно-стратегическое значение Памира, 10 июня 1918 г. СНК Туркестанской АССР принял решение сформировать из местного населения милицию в количестве 300 человек[5]. Создание милиции из числа местного населения имело большое значение для победы советской власти на Памире.

ЦИК Туркестанской АССР в ноябре 1918 г. принял решение послать на Памир военно-политическую комиссию и дополнительный отряд во главе с коммунистом А. А. Холмаковым. В составе отряда было 20 членов РКП(б). Комиссия и отряд с неверо-

ятными трудностями и риском для жизни через горные перевалы

---

[1] Набиев А. Помири Совети…– С. 29.
[2] Набиев А. Установление и упрочение Советской власти…– С. 17.
[3] Назаршоев М. Н. Победа ВОСР и установление Советской власти на Памире. – С. 99.
[4] Там же.
[5] ГА ГБАО РТ. Ф. 25, оп. 3, д. 6, л. 3.

в феврале 1919 г. пришли в город Хорог[1].

Следует отметить, что организация первых советских отрядов милиции на Памире непосредственно связана именно с деятельностью военно-политической тройки(ВПТ), потому что члены ВПТ «занимались не только укреплением государственной границы, но и вопросами хозяйства, советского партийного и культурного строительства, воспитания людей и подготовки кадров партийно-советского аппарата»[2].

В начале 1919 г. началась организация ревкомов, а весной 1919 г., как вспоминает один из активных участников установления советской власти на Памире А. Наврузбеков, состоялись съезды ревкомов, на которых было принято решение об объединении Западного и Восточного Памира[3]. С этого момента политическое руководство Памира полностью перешло в руки отрядного комитета, председателем которого был А. А. Холмаков.

Однако с середины 1919 г. борьба контрреволюционных сил, поддерживаемых империалистическими государствами, в первую очередь Англией и Бухарским эмиром, активизировалась. Особенно осложнилась ситуация на Западном Памире. 23 июля 1919 г. поздно вечером, прибывшие с территории Афганистана четыре мадьяра убили А. Холмакова, начальника Мургабского поста Гудиновича, фельдшера Памирского отряда Носова и тяжело ранили жену Холмакова[4]. После смерти А. Холмакова, 24 июля 1919 г. исполнение обязанностей политического руководителя Памирского района было возложено на П. Воловика, который вместе с врачом Вичичем и активистами принял меры по укреплению дисциплины среди солдат, народной милиции и по мобилизации их на борьбу против контрреволюции.

В декабре 1919 в Хорог прибыл отряд полковника Тимофеева, в состав которого входили чехи, турки, немцы, австрийцы, русские белогвардейцы и др. С прибытием отряда Тимофеева в Хорог в конце декабря Советская власть на Памире была свергнута,

---

[1] Назаршоев М. Н. Победа ВОСР и установление Советской власти на Памире. – С. 102.

[2] Назаршоев М. Н. Партийная организация Памира…– С. 41.

[3] За власть Советов в Таджикистане. – С. 27.

[4] ГА ГБАО РТ. Ф. 25, оп. 3, д. 12, лл. 407 – 408.

ревкомы были ликвидированы. С приходом к власти отряда Тимофеева начались репрессии и преследования коммунистов, советских активистов и революционно настроенной молодёжи[1].

Однако Тимофеев прекрасно понимал, что не сможет долго удерживать власть и в апреле 1920 г. бежал в Индию. После ухода Тимофеева Хорогскую крепость занял отряд народной милиции во главе с мингбаши Хакназаром. Состав народной милиции был неоднородный. Однако и народная милиция не справилась с задачей установления советской власти на Памире[2].

Воспользовавшись сложившейся обстановкой на Памире, бухарские чиновники поддержали дарвозского хакима и для восстановления своей власти на Западный Памир послали администрацию в составе 16 человек[3].

Прибывший в Хорог представитель бухарского эмира, сопровождаемый вооружённым отрядом, потребовал, чтобы милиция покинула крепость. Под влиянием антисоветской и религиозной агитации в отряде народной милиции начались колебания, и крепость без боя была сдана. Покидая её, революционная часть милиции забрала с собой оружие и боеприпасы[4].

Однако господство эмирских чиновников продолжалось недолго. Революционная часть народной милиции и солдаты во главе с Воловиком, Вичичем, Руднёвым, скрывавшиеся в кишлаках, разработали конкретный план захвата власти, и, готовя к этому массы, вели активную военно-политическую работу среди населения.

26 июня 1920 г. в Поршневе состоялось нелегальное собрание, на котором присутствовало более 20 человек. Был разработан план захвата Хорогской крепости. Согласно плану, 27 июня отряд во главе с Азизбеком Наврузбековым в составе 20 человек напал на крепость, обезоружил пост, захватил оружейный склад и, вооружившись, овладел крепостью Хорог[5].

Через несколько дней из Вахана и Ишкашима вернулись руко-

---

[1] За власть Советов в Таджикистане. – С. 27.
[2] Набиев А. Помири Совети... – С. 35.
[3] Иркаев М. И. История гражданской войны. – С. 122.
[4] Мотылев Я. С. Лысенко Е. А. Солдаты порядка... – С. 41.
[5] Бадахшони Совети, 1964, 4 – 5 сентября.

водители подполья П. Воловик, врач Вичич, Руднев и группа революционной молодёжи во главе с Хуррамом Бокиевым и Ибрагимом Исмаиловым.[1] На поддержку к ним прибыли представители из ряда кишлаков Памира, и отряд вырос до 100 человек[2].

Политическим руководителем в борьбе за установление советской власти в других волостях и кишлаках Памира стал П.А.Воловик. Милицию возглавил врач отряда Вичич. Была проведена реорганизация милиции, её ряды очистились от контрреволюционных и колеблющихся элементов. Теперь милиция в основном состояла из местной революционной молодёжи и революционных солдат бывшего Памирского отряда.

Руководство Хорогского отряда в конце июля 1920 г. поставило вопрос об установлении советской власти в других районах Памира. Однако одной силой милиции невозможно было обеспечить победу советской власти на местах, и поэтому на собрании, состоявшемся в Хороге, было принято решение о посылке делегации в ТурЦИК. Собрание избрало делегацию в составе 20-25 человек, куда вошли П. Воловик, А. Наврузбеков, М. Бодуров, М. Карамшоев, И. Исмоилов, Х. Бокиев и др.[3]

Преодолевая большие трудности по дороге через Восточный Памир и выдержав ряд стычек с антисоветской группой в Мургабе, делегация добралась до Гульчи, а оттуда в сопровождении 30 красноармейцев – до города Оша и дальше благополучно прибыла в город Ташкент.

Памирская делегация была тепло принята руководством Туркестанской республики. Правительство Туркестанской АССР для оказания практической помощи в создании и укреплении органов советской власти и защиты государственной границы направила на Памир дополнительный отряд во главе с Военно-политической тройкой. Такой отряд в количестве 200 человек, возглавляемый

---

[1] Исмоилов Иброгим (1901 – 1939 гг.) – партийно-советский деятель и один из активных участников становления советской власти на Памире. Потом стал первым начальником административного отдела и милиции Общепамирского ревкома, а после включения области в состав Таджикской АССР – начальником милиции Горно-Бадахшанской автономной области.

[2] Назаршоев М. Н. Победа ВОСР и установление советской власти на Памире. – С.111.

[3] Бадахшони Совети, 1964, 4 – 5 сентября.

активным участником борьбы за установление советской власти в Туркестане Торичаном Михайловичем Дьяковым, в начале августа 1921 г. был сформирован в городе Ош.

С прибытием в Хорог (сентябрь 1921г.) Военно-политическая тройка, наряду с организацией охраны границы, приступила к выполнению своей основной и самой трудной задачи – созданию на местах (в волостях и кишлаках) органов власти – ревкомов[1].

Именно с этого момента, т.е. после прибытия Военно-политической тройки во главе с Т.М.Дьяковым, начинается организация органов советской власти, в том числе и органов советской милиции. В состав ВПТ из числа жителей Западного Памира вошёл Шириншо Шотемур, участвовавший в борьбе за установление советской власти в Туркестане. ВПТ проделала огромную работу с целью организации органов государственной власти на Памире.

В докладе 28 ноября 1921 г. Ш.Шотемура на имя члена Турцика Юмапаева о проделанной работе ВПТ на Памире говорилось: «В пределах Западного Памира в настоящее время нами организовано 18 кишлачных ревкомов и 2 волостных, а именно Шугнанский и Рушанский. К остальным трём волостям: Ишкашимской, Ваханской и Бартангской выезжаем только 1-го декабря, ибо до сих пор, ввиду отсутствия дороги, к некоторым местностям данных волостей невозможно было добраться. В этих трёх оставшихся волостях приблизительно будет 40 ревкомов кишлачных, а всего на Западном Памире – около 60 кишлачных ревкомов, 5 волостных, и один районный. 60 ревкомов организуются не ввиду плотности населения, а по той причине, что жители, ввиду гористой местности, разбросаны далеко друг от друга. Пять же волостных ревкомов – опять-таки зависят не от плотности, а от разнообразия наречия таджикского населения.

Грамотные здесь совершенная редкость. Есть кишлачные ревкомы (объединённые несколько ближайшими соседними кишлаками), в которых нельзя найти хотя бы одного грамотного для ревкома. Население отличается крайней бедностью... Вообще я не

---

[1]Раджабов С.А., Шергазиев М. Создание и развитие Советского государства... – С.119.

знаю – есть ли страна беднее Памира...»[1]. Далее в письме говорится о сложных и недобрых отношениях между членами ВПТ, представителями наркомата иностранных дел и уполномоченным особого отдела Туркфронта Пумпуром и его заместителем Петровским.

В докладе, (который состоит из двух машинописных страниц, напечатанных мелким шрифтом) речь идёт только о создании ревкомов и ни одного слова о милиции. Это говорит о том, что органы милиции формировались не одновременно с революционными комитетами, так как сразу подыскать подходящие кадры для милицейской работы было невозможно.

Через некоторое время Ш.Шотемур, представляя второй доклад (на 1,5 машинописных страницах), ставил в известность Президиум ТуркЦИКа о проделанной работе ВПТ в основном на оставшейся части территории Памира. Во втором письме затрагивался вопрос организации ревкомов в волостях Рушан, Ишкашим и Вахан. В докладе сообщалось о случаях выдачи замуж за взрослого человека девочек моложе 10 лет из-за калыма... (обычай особенно религиозных таджиков давать одного своего ребёнка в рабы ишану. Ребёнок становился полной собственностью ишана до его совершеннолетия и в дальнейшем оставался как бы вассалом ишана). Этот обычай ВПТ был категорически запрещён[2].

Военно-политическая тройка вплотную занималась проблемой, которая являлась общей бедой для населения Памира. «Одной из побочных причин обнищания Западного Памира, в основном – малоземелия, – пишет Ш. Шотемур, – является курение опиума, искоренить которую очень трудно, в том направлении сейчас, во-первых, ведётся борьба с продажей опиума (весь товар у купцов), привозимый опиум конфискуется, долги за опиум считаются недействительными, берутся на учёт все опииисты, в дальнейшем же предполагается использовать опиистов для починки дороги»[3].

Во втором письме нет сведений о том, издавалась ли в какой-то волости или районе милиция. Но это вс не значит, что милиция

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. Р. 17, оп. 1, д. 314а, л. 95.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. Р. 17, оп. 1, д. 314а, л. 22.
[3] Там же, л. 21.

вообще не организовывалась. По всей вероятности, в тех районах, где можно было найти подходящую кандидатуру на эту должность, милиция все же была создана.

Военно-политическая тройка во главе с Т.М.Дьяковым пробыла на Памире 11 месяцев. Смена пришла 16 октября 1922 г. Из этой комиссии Шириншо Шотемуров был оставлен на 2-й год, теперь уже как председатель Военно-политической тройки[1].

В 1922 г. Ш. Шотемуров, уже в качестве председателя ВПТ, поднял вопрос в Президиуме ТурЦИК о сокращении численности пограничного отряда и создании местной милиции: «При бедности населения содержание отряда, состоящего из более 200 человек с лошадьми, является слишком тяжёлым, поэтому желательно сокращение отряда, присылаемого из центра и создание местной милиции»[2].

Следует отметить, что если на Западном Памире организация органов советской власти началась в 1921 г., то на Восточном Памире в этом отношении дела шли далеко не лучшим образом.

Население Восточного Памира состояло из кара-киргизов, кочевников, принадлежавших к двум родовым группам – «тейли» и «хыдыршо». Каждая из них в свою очередь разделялась на несколько (около 50) ветвей[3]. Издавна между этими двумя родами шла война, и смутные времена антисоветской борьбы послужили удобным моментом для сведения старых счётов. Одна группа ориентировалась на советскую власть, другая – против неё. Борьба между ними сопровождалась насилием, грабежом, угоном скота друг у друга, заканчивалась миграцией значительной части населения в Афганистан и Кашгарию и обнищанием оставшейся части.

После того как антисоветская борьба пошла на убыль и водворился относительный порядок, органы советского управления Памира были завалены потоками жалоб и взаимных обвинений в обиде и нанесении убытков. Но органы Советской власти на Памире, весьма примитивные, не задавались, очевидно, мыслью о необходимости действительного умиротворения враждующих, да

---

[1] Там же. Ф. 39, оп. 2, д. 219, л. 16.
[2] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 2, д. 219, л. 51.
[3] Там же, л. 150.

и, видимо, были ещё не способны выполнить эту задачу. Это подтвержается данными архивных документов: «Военно-политическая тройка, особенно отряд ОГПУ 1922-1923 годов, на коих пала обязанность мирного строительства органов советской власти, предпочла опереться на одну из групп, передать местную власть в её руки, что способствовало продолжению смуты, так как ставленники отряда, пользуясь покровительством начальства, творили сплошные беззакония и всячески эксплуатировали и без того разоренное население»[1].

По свидетельству архивных материалов, «всё строительство на Восточном Памире за 1922-1923 год ограничивалось 2-3 митингами, на коих работниками отряда, через переводчиков, киргизам внушалось, что они свободные граждане, сыны Туркестанской АССР, пользовавшиеся всеми благами власти трудящихся: но масса плохо верила, видя, что дела власти идут вразрез с агитационными речами на митингах»[2].

Исходя из этого, осенью 1923 г. председатель райисполкома Ша Киргиз, который был ставленником начальника ОГПУ, творивший много беззакония, был арестован. Кроме того, было возбуждено следствие против начальника ОГПУ, который фактически представлял советскую власть на всём Памире.

Немного позже, 27 мая 1923 г., состоялся первый съезд Советов Восточного Памира. На нём обсуждались доклады о национальном вопросе, о советском строительстве, а также о создании народной милиции и борьбе с басмачеством[3].

В ноябре 1923 г. состоялось совещание областного ревкома, где председателем волостного ревкома (на Восточном Памире) был назначен ташкентский работник тов. А.Агалыков[4]. Облревком, назначая новых представителей власти и оставив новому составу волостного ревкома специальные инструкции, вернулся в Хорог.

В августе 1923 г. Туркестанским ЦИКом был составлен «На-

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 2, д. 219, л. 150.
[2] Там же, л. 150об.
[3] Раджабов С.А., Шергазиев М. Создание и развитие Советского государства... – С. 123.
[4] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 2, д. 219, л. 151об.

каз революционному комитету Памирского округа», в котором наиболее важной административно-экономической задачей внутреннего распорядка Памирского округа ЦИК Туркестана признал формирование органов милиции. Ввиду огромной практической значимости для организации на добровольной основе органов милиции, на Памире «... формирование добровольной милиции в населенных пунктах округа и обучение её применительно к порядку всеобуча с тем, чтобы в дальнейшем с максимальным сокращением военного отряда, необходимо иметь на территории округа вооружённую силу из местного организованного в милицию трудового населения и таким образом, увеличив вооружённую силу, облегчить населению содержание вооружённого отряда». В «Наказе» отмечалось, что вопросы вооружения милиции, подготовки ее кадров и окончания обучения необходимо поставить перед ТуркЦИКом особым обстоятельным докладом через Народный Комиссариат Внутренних Дел[1].

В административной практике Памира наблюдались случаи откочевки отдельных групп жителей на территорию соседних государств, благодаря неправильному представлению о порядке набора в милицию, который они полагали «принудительным», а потому при наборе контингента в милицию надлежало широко разъяснять о добровольном наборе в ряды милиции.

В целях недопуска вооружения зажиточных классов, приём и зачисление в милицию требовалось производить исключительно из местного трудового населения»[2].

Данный документ даёт нам основание утверждать, что до конца 1923 г. официальной организации органов милиции по всей территории Памира и массового набора местного населения в её ряды ещё не происходило. Анализ архивных материалов привел нас к выводу, что до конца 1923 г. даже уже организованные государственные органы и советские учреждения не могли четко разъяснить населению основную суть и содержание советской власти. Вот что писалось о подлинном состоянии советских учреждений на местах в одном из сообщений, которое было представлено Президиуму ТуркЦИКа: «Всесторонним обследованием

---

[1] Там же, д. 149.
[2] Там же.

состояния местных учреждений, райисполкома, волостного ревкома выяснено, что советской власти здесь (т.е. на Памире. – А.Р.), собственно говоря, не существовало. Местные власти только выполняли функции фуражиров и приказчиков отрядов, которые самовластно во всём распоряжались. И действия отрядов в области использования ресурсов страны и труда населения были глубоко антипатичны коренному населению, извращая на Памире само понятие о сущности советской власти, каковую отряды здесь представляли»[1].

Об антинародных и противозаконных действиях погранотряда много говорили прибывшие делегаты с Памира на заседании секретариата ТуркЦИКа 14 августа 1923 г. Например, делегат Шоназриев, выступая по этому поводу, говорил следующее: «Отряд требует наших лошадей, чтобы проехать с одного поста на другой, и берёт без всякой очереди. Отряд вместо керосина, которого теперь почему-то не привозят, берет у нас масло, а масло у нас очень дорогое и его почти нет... Мы просили, чтобы посылали не такие большие отряды, не более 150 человек. В прошлом году нам прислали 300 человек, и это слишком много. У нас было много случаев, когда брали продукты или наших лошадей и выдавали квитанции, по которым до сих пор ничего не уплачено...»[2].

Учитывая наплыв жалоб от населения Памира о противозаконных действиях погранотряда и отдельных представителей советских учреждений, временно исполняющий обязанности начальника уголовного розыска республики Марсаков в организационном отделе НКВД 8 сентября 1923 г. докладывал, что на Памире необходимо учредить в порядке срочности пост заведующего розыскного стола с двумя секретными агентами, по примеру Самаркандского уголовного розыска и других областных уголовных розыскных отделений[3]. Однако таковой не был организован.

Ввиду вышесказанных обстоятельств начало официальной и массовой организации органов милиции на Памире можно отнести к концу декабря 1923 г.

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 2, д. 219, л. 152.
[2] Там же, л. 6.
[3] Там же.

В августе 1923 г. вместо Военно-политической тройки был образован Общепамирский революционный комитет. Одновременно НКВД Туркестанской АССР была разработана специальная «Инструкция Народного комиссариата внутренних дел о практическом применении окружным ревкомом мероприятий по охране революционного порядка в Памирском округе». Согласно этой инструкции, наравне с ОГПУ и милицией, обеспечение и охрана революционного порядка официально также входили в обязанности и компетенцию общепамирского ревкома. В инструкции говорилось, что ввиду исключительных условий работы, в отдалённом от центра Памирском округе... Памирскому окружному ревкому для успешной охраны революционного порядка предоставляются права:

1. Издавать обязательные постановления по предметам, относящимся к охране государственного порядка и безопасности...

2. Устанавливать административные взыскания за нарушение обязательных постановлений в виде: лишения свободы на срок не выше 3-х месяцев или принудительных работ без лишения свободы на срок 6 месяцев, штраф до 5000 рублей золотом.

3. Выслать из пределов округа лиц, признанных опасными для общественного порядка...».[1]

Как уже было отмечено, с установлением советской власти на Памире его территория вплоть до 1923 г. входила в состав Ферганской области Туркестанской АССР как «Памирский район».

Однако ЦИК Туркестанской АССР 15 августа 1923 г. переименовал Памирский район в Памирскую область как отдельную административную единицу, входящую в состав Туркестанской АССР. 26 августа 1923 г. было утверждено «Временное положение о Памирском революционном комитете Памирской области». Но вместе с тем Президиум ТуркЦИКа постановил временно, до утверждения данного решения Президиумом ВЦИК, именовать Памир (Западный и Восточный) «Памирским округом»[2]. 30 июля 1924 г. Президиум ЦИК Советов Туркестанской республики принял постановление об образовании в составе Общепамирского

---

[1] ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 2, д. 219, л. 104.

[2] См: ЦГА Р. Уз. Ф. 39, оп. 2, д. 219, л. 47; Назаршоев М. Н. Партийная организация. – С. 48-49.

ревкома административного и других отделов. После этого организацией и руководством деятельностью органов милиции занимался административный отдел Общепамирского ревкома. Административный отдел пока не успел наладить дела с формированием штата и структуры милиции, а территория Памира уже была включена в состав Таджикской АССР.

Таким образом, следует отметить, что в течение 1918-1924 гг. отдалённость территории Памира от центра, исключительная труднодоступность региона, суровость климата, отсутствие грамотных кадров, а также сложность политической обстановки и наличие пограничной полосы не дали возможности для окончательного формирования органов милиции. Те органы и отряды народной милиции, которые организовывались ВПТ и ревкомами, не имели твёрдой структуры и организованного руководства. Но, несмотря на это, организованные народные отряды милиции с самого начала установления советской власти совместно с другими органами активно выступили на защиту прав и безопасности мирного населения Памира.

На основе вышеизложенного материала можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на сложную военно-политическую обстановку и ряд трудностей (нехватка грамотных кадров, специалистов, оружия и т.д) в северные районы современного Таджикистана входившие в состав Туркестанской АССР, в период с ноября-декабря 1917 г. по июнь – июль 1918 г. (на Памире до конца 1918 г.) были сформированы органы советской милиции.

2. Организация органов милиции в северных районах и на Памире в период 1917-1924 г. была первым этапом формирования советской милиции в составе Туркестанской АССР.

3. В деле организации и укрепления органов милиции в северных районах и на Памире огромную помощь оказали центральные республиканские органы милиции Туркестанской АССР и Советской России.

4. Органы советской милиции в основном справились со своей задачей, охраняя и обеспечивая мир и покой трудового населения, активно участвуя в борьбе против басмачества и других видов преступлений. Тем самым они сыграли сушественную роль в установлении и укреплении органов советской власти на местах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование показало, что органы правопорядка Средней Азии, наряду с решением своих непосредственных задач, и неизменностью структуры, в определенные периоды социально-экономической жизни страны возлагали на себя и дополнительные обязанности, которые имели яркое отражение в судьбах таджикского народа.

Так, например, выяснилось, что в Средней Азии до завоевания ее Российской империей, формальное (юридическое) управление всей системой общественного правопорядка хотя и укреплялось по иерархической ступеньке государственной власти, начиная от эмира и кончая управленцами на местах, номинально (фактически), вся полнота власти, связанная с сохранением и обеспечением общественного порядка, была в руках миршабов и шабгардов. С завоеванием Российской империей на территории Средней Азии органы правопорядка понесли коренные структурные изменения, принципиально изменили порядок сохранения и обеспечения общественного порядка.

На территории Восточной Бухары (Центральные и южные районы сегодняшнего Таджикистана), за исключением некоторых несущественных изменений, обеспечение и сохранение общественного правопорядка, как и прежде, возлагалось на миршабов и шабгардов (до 1921года включительно). В районах Северного Таджикистана с 1867 года постепенно переходили на российскую систему охраны и обеспечения общественного порядка, борьбы против правонарушений, которая сохранилась вплоть до конца 1917 года.

На наш взгляд, именно в этот период и в этих районах Таджикистана были сделаны первые шаги к цивилизованному обществу, где преобладает над всеми закон, обеспечивается законность. С распространением российских властей и имперских законов в крае была положена основа полицейской службы, которая в корне отличалась от прежней своей прогрессивностью.

Полицейская служба в Северном дореволюционном Таджикистане осуществлялась на основе «Положения об управлении Туркестанским краем» и вспомогательными нормативными актами, издаваемыми Департаментом Полиции России и это, несомненно,

является первым серьёзным шагом в истории юриспруденции края и, безусловно, свидетельствует о верховенстве закона.

В Горно-Бадахшанском крае контроль за общественным порядком возлагался, в основном, на начальника пограничного отряда и местное духовенство.

Революционные события 1917 года, образование советской власти и, наконец, изменения структуры власти оказали огромное влияние на всю систему сохранения и обеспечения общественного правопорядка как в России, так и на её окраинах.

В Северном Таджикистане, который был неотъемлемой частью Российской империи, начиная с ноября-декабря 1917 года начали образовываться органы милиции, которые окончательно сформировались к лету 1918. К этому времени первые отряды милиции появились также и на Памире.

Исследование периода становления и формирования таджикской милиции привело нас к следующим выводам:

1. Следует учесть, что в зависимости от оснащенности технической базы правоохранительных органов можно смело судить об их работоспособности, исходя из экономических возможностей той или иной страны. Согласно такому раскладу, правоохранительные органы республики и в настоящее время находятся в весьма затруднительном положении и нуждаются в весомых капиталовложениях.

Учитывая неблагоприятную ситуацию в регионе (ситуация в Афганистане) и последствия братоубийственной войны, а также учитывая нынешнюю социально-экономическую и политическую ситуацию в республике, необходимо целенаправленно и стабильно направлять денежные субсидии на обеспечение и развитие научно – технической базы органов правопорядка. Только в этом случае следует ожидать должного результата деятельности правоохранительных органов в их борьбе против проявлений всякого рода правонарушений, своевременного предотвращения преступности и добиться стабильности общественного порядка, благодаря которому возможен прогресс всего спектра народного хозяйства страны.

2. С момента своего образования органы милиции выполняли свои функциональные обязанности на основе инструкций, положений и циркуляров, вырабатываемых в центре – в России, кото-

рые составлялись без учета национальных традиций и менталитета коренных народов окраин всей Российской империи, а также союзных республик. К тому же многие нормативно-правовые акты ввиду своего регрессивного воздействия и устарелости, превратились в определенные догмы и годами не пересматривались ни руководством правоохранительных органов, ни компетентными структурами государственной власти, что несомненно, отрицательно сказывалось на деятельности всей системы в целом. В связи с этим, для обеспечения плодотворного функционирования всех ветвей органов правопорядка, необходимо предотвращение повторения ошибок предыдущих поколений и в зависимости от нужд и потребностей каждого исторического момента пересматривать и согласовывать ключевые законодательные акты, регулирующие деятельность правоохранительных органов, в частности, таких как "Закон о милиции", "Уголовно-процессуальный кодекс", "Административный кодекс" и др.

3. История таджикской милиции знает и чтит память выдающихся сынов Отчизны, **отдавших все свои силы и знания делу** становления и развития **органов правопорядка в стране. В этом** ряду следует вспомнить **имена А.Ярмухамедова** - первого наркома внутренних дел **Таджикистана, У.Саи-дову** - первую женщину таджичку, вступившую **в ряды органов правопорядка,** Х.Усманова, Б.Содыкова и многих других. В целях идейно - патриотического и морально- нравственного воспитания молодых кадров органов внутренних дел (да и других силовых структур) республики, и их поощрения за добросовестное служение Родине и увековечивания имен верных сынов Отчизны, руководству внутренних дел следует в пределах своей компетенции, утвердить перечень ведомственных нагрудных знаков отличия, почетный званий и наград, носящих эти имена.

4. Органы внутренних дел, несмотря на тяжелейшие периоды своего существования, всегда имели свои специальные печатные издания, такие как "Вестник народного комиссариата внутренних дел", "Бюллетень народного комиссариата внутренних дел", "Советская милиция" и т.д., посредством которых граждане страны имели возможность знакомиться с их деятельностью. Сегодня МВД республики не имеют такого специального печатного органа, и на наш взгляд, целесообразно на базе Академии МВД или

Пресс - центра МВД организовать специализированной орган печати.

5. В первые годы своего формирования, в период гражданской войны, в органы внутренних дел были приняты неквалифицированные, малограмотные кадры. Зачастую принимались даже преступные элементы, что несомненно, сказывалось на авторитете и "производительности труда" этой системы. Приобретение Республикой Таджикистан независимости дает возможность руководству МВД провести качественную аттестацию всего личного состава подразделений органов внутренних дел, освобождая от занимаемых должностей некомпетентных сотрудников, а также тех, кто запятнал "честь мундира". Проведение аттестации с целю очистки органов правопорядка от подобных людей целесообразно проводить каждые пять лет.

6. Как явствуют архивные материалы, годом образования таджикской милиции следует считать 1917 год, а не 1925. Именно в этом году были образованы государственные органы милиции и первые добровольные отряды охраны общественного правопорядка на территории нашей республики. В связи с этим, данный исторический факт обязывает нас еще раз пересмотреть вопрос начала образования таджикской милиции и сделать должные выводы на этот счет.

7. Руководству страны и правоохранительных органов, компетентным органам следует выработать униформу для сотрудников правоохранительных органов, в частности, таджикской милиции (полиции), которая отражала бы национальные традиции и особенности Таджикистана.

8. Исследуя историю становления таджикской милиции, мы столкнулись со многими трудностями по сбору материалов, так как в Центральный государственный архив Республики Таджикистан эти материалы не передавались в связи с чем в Центральном государственном архиве РТ нет специального фонда МВД РТ и предшествующих ему органов. Однако, этих материалов и материалы последующих лет (до 30-х годов) мы не смогли найти, и в ведомственном архиве МВД. Мы уверены, что эти материалы естественно не могли бесследно исчезнуть. Нам кажется, что необходимо найти и восстановить эти документальные источники путем исследования архивных материалов Российской Федера-

ции и Республики Узбекистан. Кроме того мы считаем, что руководству МВД необходимо подыскать соответствующие здание для создания обособленного архива МВД, так как существующий архив МВД (в подвальном помещении УВД г. Душанбе) не отвечает требованиям обеспечения сохранности документов. Целесообразно было бы также создать архив-музей МВД РТ, в одной части которого создать архивохранилище, оборудовано в соответствии с предъявляемыми требованиями, в другой части - читальный зал, для эффективного осуществления исследовательской деятельности, а так же зал музейных экспонатов.

С П И С О К ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

I. Архивные материалы:

Центральный государственный архив Республики Таджикистан (ЦГА РТ) г. Душанбе

Ф.И.1 – Ходжентское уездное управление.

1. Опись 1, дд. 7,10,16,37,42,50 а, 51 а, 54, 60, 63, 70, 74, 78, 111, 112, 138, 180, 178, 187, 191, 199, 221, 223, 227, 229, 234, 244, 269, 278, 303, 331, 355,357, 366, 391-399, 414, 420, 422, 425, 731, 891, 904-906, 973, 974-976, 1465, 1580, 1666,1718, 1789, 1849, 1859,1876, 1881, 2136, 2143, 2144, 22447,2246

Ф.И.4 – Исфонейский участковый пристав.

2. Опись 1, дд. 1-10, 14-17, 44, 57, 69, 70, 127, 152, 154, 170.
3. Опись 2, дд.1,2,3,4,5,6,7,8,9,10,11, 18,23, 61,80.

Ф.И.6 – Полицейский пристав г. Ходжента.

4. Опись 1, дд. 81, 82, 83, 89, 92.

Ф.И.8 – Саватский участковый пристав.

5. Опись 1, дд. 1-10, 14-17, 44, 57; 69-70, 127, 152, 154, 170.
6. Опись 2, дд. 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11.

Ф.Р.10 – Центральный Исполнительный комитет (ЦИК) Советов рабочих, дехканских и красноармейских депутатов Таджикской АССР.

7. Опись 1, дд.43,70,173,201,236.

Государственный архив Ленинабадской области (ГА Ленинабадск. обл.) г.Худжанд

Ф.5 – Ходжентская уездно-городская милиция.

8. Опись 1, дд.12,15,44,71,208,242,247.

Ф.6 – Кистакозская районная милиция Ходжентского уезда.

9. Опись 1, дд. 6,8,11,14,26.

Ф.23 – Начальник охраны города Ходжента.

10.Опись 1, дд. 3,7,14,16,21,32.

Ф.40 – Советский участковый комиссар Ходжентского уезда.

11.Опись 1, дд. 2,5,7,10,17,19,26,29.

Ф.106 – Административный отдел Хожентского угорисполкома.

12.Опись 1, дд. 6, 43, 77, 82,113,117,118.

Ф.130 – Ходжентский военно-революционный комитет.

13.Опись 1, дд. 2, 23, 27, 31,38,41,57,104,166,244.

14.Опись 2, дд. 23, 32, 42, 59, 72, 88, 108, 237

Ф.370 – Исполнительный комитет Ходжентского уездно-городского Совета рабочих, дехканских и красноармейских депутатов.

15.Опись 1, дд. 1,7,47,52,54,57,59,61,63,71.77.

16.Опись 2, дд. 26,29,31,40,93,107,201.

Ф.372 – Исполнительный комитет Ходжентского окружного Совета рабочих, дехканских и красноармейских депутатов.

17.Опись 1, дд. 99,100,542,580,680.

Ф.399 – Административный отдел Ходжентского окрисполкома.

18.Опись 1, дд. 13,24,32,71.

Уратюбинский филиал Государственного архива Ленинабадской области (УФГАЛО) (г.Ура-Тюбе).

19.Опись 1, дд. 1,2,6,11.

Государственный архив Горно Бадахшанской Автономной

области (г.Хорог)

20.Ф. 25, оп 3, дд. 6, 12

21.Ф. 40, оп 1, дд. 11, 23

22.Ф. 42, оп 1, дд. 6, 17, 21

23.Ф. 61, оп 1, дд. 4, 7

Центральный государственный архив (ЦГА) Республики Узбекистан (г.Ташкент)

Ф.Р.17 – ЦИК Туркестанской АССР.

24.Опись 1, дд.10,18,33,61.

Ф.И.3. Российское императорское политическое агенство в Бухаре.

25.Опись 1, дд. 225, 314, 314 а.

Ф.Р-25 СНК Туркестанской АССР.

26.Опись 1, дд. 6, 580, 766.

Ф.Р.39 – НКВД Туркестанской АССР.

27.Опись 1, Введение к описи, дд. 1,5, 6 а, 28, 57, 63, 81, 103, 106, 129, 194, 200, 220, 207, 239,361, 362, 461, 481, 485, 540, 576, 694, 4481.

28.Опись 2, дд. 1, 10, 39, 104, 108, 111, 193, 195, 215, 219, 345, 398, 408, 481, 676.

Ф.Р.33 – Народный комиссариат почт и телеграфов Туркестаской АССР (НКПТ Турк АССР).

29.Опись 1, дд. 414, 417,422.

Ф.Р.46 – Революционный комитет БНСР (Бухревком).

30.Опись 1, Введение к описи, дд. 7, 24, 115, 115а, 114, 177.

Ф.Р-47 Центральный исполнительный комитет (ЦИК) БНСР.

31.Опись 1, дд. 76, 190, 205, 425, 456.

Ф.Р.48 – Совет Народных Назиров (СНН) БНСР.

32.Опись 1, дд. 17, 67, 72, 121, 136, 149, 157, 217, 220.

Ф.Р.59 – Народный назират внутренних дел (ННВД) БНСР.

33.Опись 1. Введение к описи, дд. 5, 7, 14, 19, 20, 30, 39, 49 а, 50, 68, 69, 76, 147, 168.

34.Опись 2, д. 115 а.

35.Опись 3, дд. 33, 36, 68, 113.

Ф.Р.339 – Главное управление милиции при Нардном комиссариате внутренних дел (ГУМ НКВД) Туркестанской АССР.

36.Опись 1, Введение к описи, дд. 28, 57, 106, 302, 341, 344, 407, 416, 418, 446, 659, 674, 678, 1214.

Президентский архив Республики Узбекистан (г.Ташкент).

37.Ф. 14 Опись 1, д. 650, 681,690.

38.Ф. 68 Опись 1, дд. 50, 51.

Самаркандский областной архив Республики Узбекистан (г. Самарканд)

39.Ф.44,Опись 1,дд.1,6,14

40.Ф.62, Опись 1, д.8.

41.Ф.65, Опись 1,дд.16,28,31.

42.Ф.71, Опись 1, дд.7,18,23,41.

43.Ф.74; Оп.1, д.8, ф.1012, опись1, дд.4,7,15.

44.Ф.1012,оп.1,д.10

Ферганский областной архив Республики Узбекистан (г. Наманган)

45.Ф. 436, Опись 1, д. 145,

46.Ф. 405, Опись 1, д.145.

47.Ф 106. Опись 1,д.17

Архивы Российской Федерации (г. Москва)

48.ЦГА РФ, Ф.18, оп.1, дд.10,22

49.ЦГВИА РФ, Ф.400, оп.1, д.101

II. ОБЩАЯ ЛИТЕРАТУРА

50. А.П. Административное устройство Гиссарского бекства // Турк. вед., 1908, – № 112.

51. Абрамов И.Ф. Положение об управлении Туркестанским краем (Свод законов т.II. Изданное в 1892, 1912, 1913 1914гг.).– Ташкент, 1916. – 250 с.

52. Абулхаев Р.А. Субхи Зарафшон. (Баркарор ва устувор намудани Хокимияти Совети дар болоби Зарафшон).– Душанбе: Ирфон, 1981. (На тадж. яз.). – 56 с.

53. Абулхаев Р.А. Упрочение Советской власти в районах верховьев Зарафшана (1918-123).– Душанбе: Дониш, 1972. – 155 с.

54. Абуталипов Ч.А., Алиев Н.Г. Человек из легенды. Ташкент: Узбекистан, 1969. – 82 с.

55. Азиз Ниолло Очерки истории революции и гражданской войны в Киргизии и Средней Азии.-Фрунзе, 1941. – 60 с.

56. Азиз Ниолло. У подножья солнца. // Просвещение национальностей, 1934, – №6. – С.10.

57. Азизкулова Г.С. Цикл лекции по истории государства и права Республики Таджикистан.– Душанбе: ТГУ, 1995. 210 с.

58. Айни С. Бухара (Воспоминание) //Собр.соч.– Т.5.– Худ. лит., 1974. – 411 с.

59. Айни С. Бухарские палачи. (Перевод с тадж.С. Бородина)// Собр.соч.-Т.3, М: Худ. лит., 1973. – 462 с.

60. Айни С. Выборы // Во времена Бухарского Эмирата.//Ком. Тадж. 1950, 12 февр.

61. Айни С. Дохунда (Перевод с тадж.С. Бородина).// Собр.соч.-Т.1, – М: Худ. лит., 1971. – 500 с.

62. Айни С. Еддоштхо// Куллиет. – Ч.7.-Душанбе: Нашрдавточик, 1962. – 646 с. (На тадж. яз.).

63. Айни С. Зиндон.(Могила живых) –М.– Ташкент: Саогиз, 1934. – 46 с.

64. Айни С. История мангитских эмиров //Собр.соч.-Т.6.-М: Худ. лит., 1975. – 365 с.

65. Айни С. О моей жизни//Перевод с тадж. С.Бородина, собр. соч. в шести томах. Т.1– М.: Худ. лит., 1971. – С.35-123.

66. Айни С. Очерки и статьи // Собр.соч.в 6-там.-Т.6.-М: Худ. лит., 1975. – 365 с.

67. Айни С. Рабы. (Перевод с тадж. С.Бородина)// Собр.соч.-Т.2, – М: Худ. лит., 1972. – 440 с.

68. Айни С. Таърихи инкилоби Бухоро.– Душанбе: Адиб, 1987. – 240 с.

69. Алескеров Ю.Н. Интервенция и гражданская война в Средней Азии.– Ташкент, 1959. – 234 с.

70. Алиев А. Великий Октябрь и революционизирование народов Бухары.– Ташкент.: Госиздат Узб. ССР, 1958. – 47 с.

71. Алимов Х.Р. Советская милиция – детище Октября – Ташкент: Знание, 1977. – 21 с.

72. Аманов Р. Конец авантюры Фузайл-Максума и Аъзама (Из воспоминаний).– Сталинабад: Таджикгосиздат, 1960. – 50 с.

73. Арандаренко Г.А. Досуги в Туркестане. 1874-1889.-Спб, 1889. – 666 с.

74. Атишев А. Создание и деятельность Советской милиции в Казахстане (1917-1929гг) – Караганда, 1974.

75. Ахмад Дониш Путешествие из Бухары в Петербург.– Душанбе: Ирфон, 1976. – 300 с.

76. Бабахаджаев А. Провал английской политики в Средней Азии и на Среднем Востоке (1918– 1924г).– М., 1962. – 169 с.

77. Бабаходжаев А,П., Ланда А. и др. Провал захватнических планов англо-аме-риканских империалистов в Средней Азии. // Звезда Востока, 1951, – №8, – №12. – С.129-156.

78. Барои галабаи Советхо.– Душанбе, 1961. – 573 с. (На тадж. яз.).

79. Басков В.И. Правоохранительные органы. – М.,1991. – 287 с.

80. Басова Л. Встреча в переулке // Пароль – мужество.– Душанбе: Знание, 1975. – С.35-39.

81. Блохин Л.И. Чекисты огненных лет. – Душанбе: Ирфон, 1968. – 99 с.

82. Блохин Л.И., Демочкин А.П. На страже революции (Из истории органов госбезопасности Таджикистана). – Душанбе: Ирфон, 1987. – 140 с.

83. Бокиев О.Б. Социально-экономическое положение Таджикистана в дорево-люционной русской историографии.– Душанбе: Ирфон, 1976. – 152 с.

84. Бокиев О.Б. Таджикистан в русской дореволюционной историографии. – Дисс. док. ист. наук (на правах рукописи). – Душанбе, 1991. – 523 с.

85. Большая Советская Энциклопедия, - М.: СЭ. – 1935. – Т.29.

86. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ходжентском уезде (1917-1920гг.) // Сб. док.– Ленинабад, 1957. – 447 с.

87. Брискин А. Страна таджиков. – М.Л.: Госиздат, 1930. – 75 с.

88. Бубнова А. Над Бухарой (по воспоминанием тов. Фаусека) // Гражданская война в Средней Азии. – М., 1935. – 375 с.

89. Варыгин М.А. Опыт описания Кулябского бекства.– Петроград, 1916. – 67 с.

90. Веляминов-Зернов В.В.Исторические известия о Кокандском ханстве от Мухамадалихона до Худояр-хана. – Спб., 1856. – 46 с.

91. Веньюков М.И. Россия и Восток // Собрание топографических и политических статей.– Спб., 1877. – С.107-171.

92. Вербовский С. Положение об управлении Туркестанским краем.– Ташкент, 1911. – 103 с.

93. Г.Г. Администрация, налоги и суды в Бухаре // Турк. вед., 1910. – №240.

94. Гаевский П. Кургантюбинское бекство // Известия РГО, – Т.LV, 1919-1923. Вып.II.– Москва, Петроград: Госиздат, 1924. – С.14-67.

95. Гафуров А.М. Деятельность революционных комитетов Таджикистана (1917-1924гг).– Автореф. канд… ист. наук, Душанбе, 1998. – 22 с.

96. Гафуров Б., Прохоров Н. Падение Бухарского Эмирата // К 20-летию Совет-ской революции в Бухаре (1920-1940гг.) – Сталинабад, 1940. – 95 с.

97. Гафуров Б.Г. Таджики: Древнейшая, древняя и средневековая история.– М: Наука, 1972. – 664 с.

98. Генис В.П. Разгром Бухарского Эмирата в 1920 г. // Во-

просы истории., 1993, – №7. – С.39-53.

99. Гирс Ф.К. Отчет о состоянии Туркестанского края, составленный сенатором Гирсом, командированным для ревизии края по высочайшему повелению. СПб., 1883,-Ч.1-2. – 300 с.

100. Говорят строители социализма в Таджикистане: (Воспоминания участников строительства социализма в Таджикистане) Составители А.В. Макашов, В.А. Рудницкий. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 283 с.

101. Голуб П.А. Революция защищается.//Опыт защиты революционных завоеваний Великого Октября 1917-1920.– М.: Политиздат, 1982. – 317 с.

102. Гольдман В.С. В.И.Ленин и становление Советской милиции. – М.: Наука, 1970. – 34 с.

103. Городецкий Е.Н. Рождение Советского государства (1917-1918гг)– М.: Наука, 1965. – 531 с.

104. Григорев С.Г. Крыша мира (Памир).– М., 1905 (с картой Памира). – 49 с.

105. Громбчевский Б.Л. Доклад капитана Б.Л.Громчевского о путешествии в 1889-1890 гг. Читано в экстреном собрании ИРГО. 10 января 1891.-Т.27.-Вып.2.– с картой. – С.97-118.

106. Громбчевский Б.Л. Наши интересы на Памире.//Военно-политический очерк.- СПб, 1891. – 58 с.

107. Джалилов Т.А. Верные Отчизне (Из истории рабоче-крестьянской милиции в Туркестане (1917-1924гг.).– Ташкент: Узбекистан, 1968. – 160 с.

108. Джалилов Т.А. На страже народных интересов (Из истории борьбы за установление власти Советов в Туркестане в период 1918-1924гг). – Ташкент: Госиздат Узбекской ССР, 1963. – 78 с.

109. Дзержинский Ф.Э. Избранные статьи и речи (1908-1926) – М.: Госполитиздат, 1947. – 392 с.

110. Ди-Мур Гражданская война в Таджикистане // Таджикистан. Сб. статьей. – Ташкент, 1925. – С.283-290.

111. Директивы командования Фронтов Красной Армии (1917-1922гг) Сб. док. – Т.3-, М., 1976. – 767 с.

112. Еропкин М.И. Развитие органов милиции в Советском государстве. – М., 1967. – 87 с.

113. Житов К.Е. Победа Великой Октябрской социалистиче-

ской революции в Узбекистане. – Ташқент, 1957. – 231 с.

114. За власть Советов в Таджикистане // Воспоминания участников революции и борьбы с басмачеством.– Сталинабад: Таджикгосиздат, 1958. – 324 с.

115. За народное дело // Сб. статей. – Вып.1.– Душанбе: Ирфон, 1970. – 431 с.

116. За народное дело // Сб. статей. – Вып.2.– Душанбе: Ирфон, 1974. – 406 с.

117. За Советский Туркестан // Сборник воспоминаний. – Ташкент: Госиздат, 1963. – 383 с.

118. Зевелев А.И. Басмачество: возникновение, сущность и крах. М.: Наука, 1981. – 244 с.

119. Зевелев А.И. и др. Басмачество: правда истории и вымысел фальсификаторов.– М.: Мысль, 1986. – 253 с.

120. Зевелев А.И., Абдулоев Ш. Дискуссия о характере национальных движеий в Средней Азии и Казахстане в колониальный период // Вопросы истории.-1951.-№9. – С. 173-178.

121. Зоиров Р.Х., Кахаров А.А. Место правоохранительных органов в механизме государственной власти Таджикистана // Труды Высшей школы МВД Республики Таджикистан. Выпуск.1. – Душанбе, 1998. – С.6-29.

122. Зокиров Д. Ходжент в революции // Коммунистическая мысль.– 1927. №5. – С. 5-7.

123. Иванов В. Коммунисты Советского Таджикистана за власть Советов (1917-1923гг).– Душанбе, 1968. – 128 с.

124. Из истории ВЧК 1917-1921 гг. // Сб. док. – М.: Госполитиздат, 1958. – 511 с.

125. Ильютко Ф. Басмачество в Локае.-М. Л.: Воениздат, 1929. – 157 с.

126. Иноятов Х.Ш. Народы Средней Азии в борьбе против интервентов и внутренней контрреволюции. – М., 1984. – 463 с.

127. Иноятов Х.Ш. Октябрьская революция в Узбекистане. М.: Гополитиздат, 1958. – 319 с.

128. Иноятов Х.Ш. Победа Советской власти в Туркестане.– М.: Мысль, 1978. – 364 с.

129. Ионова В.М. Коммунисты Северного Таджикистана в борьбе за власть Советов (1917-1923гг.).– Душанбе: Ирфон, 1968. – 128 с.

130. Иркаев М.И История гражданской войны в Таджикистане. – Душанбе: Ирфон, 1963. – 760 с.

131. Иркаев М.И. Барпо ва мустахкам намудани Хокимияти Совети дар Точикистон.– Душанбе: Ирфон, 1966. – 470 с. (На тадж. яз.).

132. Иркаев М.И. Борьба трудящихся Таджикистана за разгром басмачества // Материалы к истории таджикского народа в советский период.– Сталинабад, 1954. – 462 с.

133. Иркаев М.И. Разгром последней басмаческой авантюры в Таджикистане в 1931 год. // Ученые записки ТГУ,-Т.2, Серия гуманитарных наук. – Сталинабад, 1954. – С.45-72.

134. Иркаев М.И.,Николаев Ю.,Шарипов Я. Очерки истории Советского Таджикистана (1917-1957).– Сталинабад: Таджикгосиздат, 1957. – 503 с.

135. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир в период присоединения Средней Азии к России.– Душанбе: Таджгосизд., 1960. – 231 с.

136. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в. в 2-х томах, – Т.1.– Душанбе: Дониш, 1962. – 356 с.

137. Искандаров Б.И. Восточная Бухара и Памир во второй половине XIX в.. Т.2.– Душанбе: Изд. АН Тадж.ССР, 1963. – 351 с.

138. Искандаров Б.И. Из истории борьбы за установление Советской власти в Таджикистане – Изв. АН ТаджССР. Отд. общ. наук, 1953, – №4. – С. 83–95.

139. Искандаров Б.И. Из истории Бухарского Эмирата (Восточная Бухара и Западный Памир в конце XIX в.).– М.: Изд.вост.лит., 1958. – 127 с.

140. Искандаров Б.И. Из истории дореволюционного Таджикистана. – Душанбе: Дониш, 1974. – 70 с.

141. Искандаров Б.И. Из истории Советского строительства в Таджикистане (1924-1929).– Душанбе, 1976. – 211 с.

142. Искандаров Б.И. Из истории Советского строительства в Таджикистане (1929-1937).– Душанбе: Дониш 1983. – 227 с.

143. Искандаров Б.И., Юсупов Ш. Политико-административное и социально-экономическое положение Памира накануне Великой Октя-брьской Социалистической Революю-

ции // Очерк по истории Советского Бадахшана.– Душанбе: Дониш, 1985. – С.53-80.

144. Искандаров М.И. Борьба за установление Советской власти в Таджикистане(1920-1922гг.).– Душанбе: Дониш, 1986. – 167 с.

145. Исмоилов И. Муборизон.– Душанбе: Шарки озод, 1999. – 48 с.

146. Исмоилов Ш.М. Установление и укрепление Советской власти в Каратегине и Дарвазе.– Душанбе: Ирфон, 1977. – 126 с.

147. Исторический опыт строительства социализма в республиках Средней Азии. – М.: Мысль, 1968. – 300 с.

148. Исторический очерк распространения русской власти в Средней Азии (секретно)– Б.М. и Б.Г. – 26 с.

149. История Бухары с древнейших времен до наших дней. – Ташкент, 1976. – 481 с.

150. История Коммунистических организацией Средней Азии.-Ташкент: Узбекистан, 1967. – 450 с.

151. История Ленинабада (Научно популярный очерк).- Душанбе: Ирфон, 1986. – 608 с.

152. История органов внутренних дел (Программа учебного курса).– Санкт-Петербург, 1994. – 16 с.

153. История полиции России (краткий исторический очерк и основные документы). М.: Щит-М, 1999. – 199 с.

154. История таджикского народа. Переход к социализму (1917-1937гг.). – Т.3., Кн.1. – М.: Наука, 1964. – 376 с.

155. История таджикского народа. Поздний феодализм (XYII-1917), – Т.2, – Кн.2. -М.: Наука, 1964. – 236 с.

156. История Узбекской ССР. – Т.2. – Ташкент: Изв. АН УзССР, 1967. – 512 с.

157. Ишанов А.И. Бухарская Народная Советская Республика.– Ташкент: Узбекистан, 1969. – 391 с.

158. Ишанов А.И. Победа Народной Советской революции в Бухаре.– Тошкент, 1957. – 270 с.

159. Ишанов А.И. Создание БНСР. – Ташкент, 1955. – 180 с.

160. Ишанов А.И., Саматова Х.С., Уразаев Ш.С. История государства и права Узбекистана.– Ташкент, 1969. – 250 с.

161. Карамшоев Д., Харковчук И. Пограничники и жители Памира.– Душанбе, Пайванд, 1995. – 148 с.

162. Каратов Д.Н. В те боевые годы. – Сталинабад, 1957. – 150 с.

163. Каримов Т Р. Победа Великой Октябрьской Социалистичесой Революции в Северном Таджикистане (апр.1917-1918гг.).– Сталинабад: Таджикгосздат, 1957. – 233 с.

164. Каримов Т. Р. Шуриши соли 1916 дар Точикистон.- Душанбе, 1966. – 92 с.

165. Каримов Т.Р. Точикистон дар даврои революцияхои солхои 1905-1907.– Душанбе, Ирфон, 1986. (На тадж. яз.). – 126 с.

166. Кахаров А.А. Полицейская служба Бухарского Эмирата //Труды Высшей школы МВД Республики Таджикистан. – Выпуск 2. – Душанбе, 1999.

167. Кахаров А.А. Правоохранительная система Таджикской АССР. (1924-1929гг.). Автореферат диссертации. канд.юрид.наук. – Душанбе, 1999. – 24 с.

168. Кельдиев Т.Х. Разгром контрреволюции в Ферганской и Самаркандской областях. – Ташкент: Госиздат УЗССР, 1959. – 150 с.

169. Ким П., Хасанов М. Басмачество в 1921-1924 годы//Звезда Востока. 1989, – №6. – С. 141-150.

170. Кисляков Н. А. Патриархально – феодальные отношения среди оседлого сельского населения Бухарского ханства в XIX-начале XX в. // Труды института этнографии АН СССР. – Т. LXXIV, М-Л., 1962.

171. Кисляков Н.А. История Каратегина, Дарваза и Бадахшана. //В кн.: Материалы по истории таджиков и Таджикистана. Госиздат при СНК Тадж. ССР.– Сталинабад, 1945. – С. 71-113.

172. Кисляков Н.А. Очерки по истории Каратегина. 2-е изд.– Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – 224 с.

173. Клементьева Г. Тревожные дни Пенджикента // Пароль – мужество. – Душанбе: Знание, 1975. с.18-23.

174. Ковалев П. Рабочие тыловики в революционных событиях 1916-1917гг // Звезда Востока, 1957, – №12. – 170 с.

175. Козачковский В.А. От феодализма до победы социализма.– Душанбе, 1966. – 290 с.

176. Конунов К., Иджубов М. и др. Воспоминания старых коммунистов. К истории организация Советской власти на Памире // Бадахшани Совети, 1964, 4-5сент.

177. Костенко Ж. Басмачи. Изд. Перу.– Париж, 1925. – 357 с.
178. Костенко Л.Ф. Средняя Азия и водворение в ней русской гражданственности. СПб., 1871. – 358 с.
179. Костенко Л.Ф. Туркестанские войска и условия их бытовой походной и боевой жизни //Военный сборник. – СПб., 1875, – Т.103, – №5. – С.61-82.
180. Кошелева А.И., Васильев П.А. Административно-территориальное деление Таджикистана (Исторический очерк).– Сталинабад, 1948. – 46 с.
181. Крыльцов И.И. Государственное управление и суд в Средне Азиатских Ханствах накануне завоевания Туркестана царской Россией. // Уч. записки Свердловского юридического института. – Т.-2, ОГИЗ.– Свердловск, 1947. – С.32-62.
182. Кушакевич А.А. Очерки Ходжентского уезда//Турк.вед.1872, 11 декабря.
183. Ленин В.И. Государство и революция //Полн.собр.соч.-Т.33. – С.1-120.
184. Ленин В.И. Заседание Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов 25 октября (7-ноября) 1917г. Доклад о задачах власти Советов (газетный отчет). Полн. собр. соч.-Т.35. – С. 2-5.
185. Ленин В.И. К деревенской бедноте //Полн.собр.соч.-Т.7. – С. 129-203.
186. Ленин В.И. О пролетарской милиции // Полн. собр. соч. – Т.23. – С.286-289.
187. Ленин В.И. О пролетарской милиции. Полн. собр. соч.– Т.31. – С.286-289.
188. Ленин В.И. Письма из далека//Полн.собр.соч.-Т.31. – С.9-59.
189. Ленин В.И. Позабыли главное (платформа партии пролетариата) //Полн.собр.соч.-Т.32. – С.23-26.
190. Ленин В.И. Тезисы по национальному вопросу.//Полн.собр.соч.-Т.23. – 314-322.
191. Логофет Д.Н Бухарское ханство под русским протекторатом. – Т.1. – СПб, 1911. – 244 с.
192. Логофет Д.Н. Бухарское ханство под русским протекторатом.-Т.2. – СПб, 1912. – 352 с.
193. Логофет Д.Н. В горах и на равнинах Бухары (Очерк

Средней Азии). – СПб. 1913. – 551 с.

194. Логофет Д.Н. В забытой стране: Путевые очерки по Средней Азии. – М., 1912. – 175 с.

195. Логофет Д.Н. Из путевых очерков по Восточной Бухаре.//Военный Сборник, 1910.– №2. – С. 206-211.

196. Логофет Д.Н. Кулябское бекство и его население // Турк. вед.,1905, 27 июль, 20 сент.

197. Логофет Д.Н. На Башне смерти //Кауфманский сборник.– М., 1910. – С.86-89

198. Логофет Д.Н. На границах Средней Азии: Путевые очерки в 3-х книгах: – Кн.1 Персидская граница, – СПб, 1909. – 245 с.

199. Логофет Д.Н. На границах Средней Азии: Путевые очерки. Кн.3. Бухарско-Афганская граница. – СПб, 1909. –203 с.

200. Логофет Д.Н. На границах Средней Азии:Путевые очерки.-Кн.2, Русско-Афганская граница. – СПб, 1909. – 208 с.

201. Логофет Д.Н. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. – Спб., 1909. – 239 с.

202. Лыкошин Н.С Чапкуллукская волость Ходжентского уезда Самаркандской области.// Опыт обследования экономических и бытовых условий жизни населения Чапкуллукской волости.– Самарканд, 1906. – 240 с.

203. Лыкошин Н.С. Пол жизни в Туркестане.– СПб., 1916. – 415 с.

204. Мавлянов К.М. Роль ЦКК-РКИ Таджикистана в укреплении партийных и советских органов.– Душанбе, 1968. – 73 с.

205. Маджлисов А Аграрные отношения в Восточной Бухаре в XIX – начале XX в..– Душанбе – Алма– Ата: Ирфон, 1967. – 331 с.

206. Маджлисов А. Каратегин накануне установления Советской власти.– Душанбе, 1959. – 130 с.

207. Макашов. А. К истории революционного движения трудящихся Туркестана в 1905-1907гг. –Сталинабад: Таджикгосиздат, 1955. – 147 с.

208. Малая Советская Энциклопедия. Третье изд. – М.: БСЭ. – 1959. – Т.54.

209. Масов Р.М. Историография Советского Таджикистана(1917-1975гг.). – Душанбе, 1978. – 200 с.

210. Масов Р.М. История исторической науки и историогра-

фия социалистического строительства Таджикистана.– Душанбе, 1988. – 316 с.

211. Масов Р.М. Проблема изучения социалистического строительства в Таджикистане // История СССР.– 1989, – №4. – С. 130-136.

212. Материалы к истории Советского государства и права Узбекистана. – Ташкент, 1958. – 224 с.

213. Материалы к истории таджикского народа в Советской период// Сб. статей, под.ред. Б.Г. Гафурова.– Сталинабад: Таджикгосиздат, 1954. – 462 с.

214. Мелькумов А.А. Туркестанцы.– М., 1960. – 270 с.

215. Милиции Киргизии-50 лет.– Фрунзе: Кыргызстан, 1975. – 119 с.

216. Мильштейн Н.Я. Из истории Туркестанской ЧК.- Ташкент: Наука. 1965. – 38 с.

217. Мирзо Абдулазими Сами. История мангитских государей. – М., 1962. – 179 с.

218. Мирзо Бади-диван Маджма ал-аркам//Предписания фиска. Приемы документации в Бухаре в XVIII в. Факсимиле рукописи. Введе-ние, перевод и приложения А.Б. Билдановой.– М.: Наука, 1981. – 128 с.

219. Мирзо С.Х. Тухафи ахли Бухоро.– Душанбе: Адиб, 1992. – 269 с.

220. Мотылев Я.С. Верность долгу. – Душанбе: Ирфон, 1986. – 176 с.

221. Мотылев Я.С. Документы свидетельствуют. – Душанбе: Ирфон, 1977. – 189 с.

222. Мотылев Я.С. Недопетая песня // Пароль – мужество.– Душанбе: Знание, 1975. – С.24-28.

223. Мотылев Я.С., Лысенко Е. Солдаты порядка. Краткий очерк истории таджикской милиции. – Душанбе: Ирфон, 1967. – 146 с.

224. Мулукаев Р.С. История органов внутренних дел в системе профессиональной подготовки слушателей Академии. // Актуальные проблемы совершенствования организационных и правовых основ деятельности органов внутренних дел,– М., 1999. – С.76-82.

225. Мулукаев Р.С. Организационно-правовые основы станов-

ления Советской милиции (1917-1924 гг.),– М.: Академия МВД СССР. 1975. – 108 с.

226. Мулукаев Р.С. Политическая полиция дореволюционной России, ее реакционный, антинародный характер.– М., 1986. – 90 с.

227. Мулукаев Р.С. Система органов внутренних дел дореволюционной России.– М., 1979. – 100 с.

228. Муханов Памирский район//Военно-статическое обозрение Памирского района. – Ташкент, 1912. – 110 с.

229. Набиев А. Помирӣ Совети. (Очерки таърихи).-Душанбе: Ирфон, Дониш, 1965. – 96 с. (На тадж. яз.).

230. Набиев А.Г. Установление и упрочение Советской власти на Памире. // Труды АН Тадж ССР.-Т.80//Сб.ст.посвященных 40-летию Великого Октября.– Сталинабад, 1957. – С. 2-44.

231. Назаршоев М.Н. Исторический опыт КПСС по руководству социалистическом строительством в Горно-Бадахшанской Автономной области Таджикской ССР (1917-1941 гг).– Душанбе: Дониш, 1982. – 292 с.

232. Назаршоев М.Н. Партийная организация Памира в борьбе за социализм и коммунизм. – Душанбе, 1970. – 284 с.

233. Назаршоев М.Н. Победа Великой Октябрской социалистической революции и установление Советской власти на Памире//Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе: Дониш, 1985. – 95-113.

234. Наматбаев С.Н. Оправдывая доверие (Из истории милиции Киргизии). – Фрунзе: Кыргызстан, 1989. – 152 с.

235. Наши интересы на Памире // Русский вестник. – СПб., 1896 – Т.243. – С. 317-324.

236. О праздничных днях: Закон Республики Таджикистан от 3.11.1995 // Ахбори Маджлиси Оли, 1995. - №21. – С.

237. Обзор документов центральных архивов о борьбе за утверждение Советского строя в Средней Азии //Исторический архив, 1961, – №1. – С. 131-140.

238. Острогоров В. Памир и памирский вопрос // Наблюдатель.– СПб, 1894, – № 6. – С. 65-94.

239. Очерки истории Коммунистической партии Туркестана.-Ташкент, 1959, – Ч.2. – 184 с.

240. Очерки по истории Советского Бадахшана. – Душанбе:

Дониш, 1985. – 503 с.

241. Павлов П. Агенты, жандармы, палачи.– Петроград, 1922.

242. Пален К.К. Отчет по ревизии Туркестанского края, произведенной по высочайшему повелению сенатором, гофмейстером графом К.К. Паленом. – СПб. 1910. – 483 с.

243. Пиндюрина Н., Акопян А. В суровые годы военной интервенции и граждан-ской войны (1918-1920гг), // Советская милиция. 1957. №8. – С.10-21.

244. Победа Великой Октябрской Социалистической революции в Туркестане. // Сб. док.-Ташкент, 1947. – 292 с.

245. Победа Советской власти в Средней Азии и Казахстане. – Ташкент, 1967. – 771 с.

246. Положение об управлении Туркестанским краем. // Свод законов Российской империи. В двух томах.-Т.2, Кн.1-М.,1899. – 233-260.

247. Полубинский В.И. Из истории советской милиции.– М.: Знание 1987. – 64 с.

248. Полубинский В.И. На службе народу, на страже порядка (Краткий очерк советской милиции).– М.: Знание.– 1971. – 79 с.

249. Поляков Ю.А., Чугунов А.И. Конец басмачества. – М., 1976. – 183 с.

250. Прокопенко В.Н., Романов М.В. Советская милиция (1917-1920гг). – М.: Юридическая литература, 1965. – 112 с.

251. Раджабов З.Ш. Развитие общественной мысли таджикского народа во второй половине XIX-в. и в начале XX в.// Крат. очерк.– Сталинабад: МП Тадж ССР, 1951. – 42 с.

252. Раджабов С.А. Вопросы возникновения и развития таджикский советский государственности.– Сталинабад, 1957. – 27 с.

253. Раджабов С.А., Шергазиев М. Создание и развитие советской государственности в Горно-Бадахшанской Автономной области// Очерки по истории Советского Бадахшана.– Душанбе: Дониш, 1985. – С. 101-123.

254. Рахимов М.Р. По страницам памяти. – Душанбе: Ирфон, 1988. – 91 с.

255. Рахматуллоев А., Мухторов А. Очеркхои таърихи Точикистони Совети.– Душанбе: Маориф, 1989. – 319 с.

256. Рахмонов Э.Ш. Речь на совещании работников правоохранительных органов и силовых структур. 9 февраля 1999 г. //

Главное – верховенство закона. – Душанбе: Ирфон, 1999.

257. Рахмонов Э.Ш. Таджики в зеркале истории. – Душанбе: Шарки озод, 1997.

258. Рожевец Р.Ю. Поездка в Южную и Среднюю Бухару в 1906г.– СПб., 1908. – 200 с.

259. Розикзода А.Ш. Милитсияи ихтиери дар мубориза алайхи куввахои зиддишурави дар солхои аввали таъсиси ЧМШС Тољикистон // Милитсияи точик 75 сол.-Душанбе, 2000, (на тадж.языке). – С.39-45.

260. Розикзода А.Ш. Милитсияи шимолии Точикистон дар мубориза алайхи терроризм дар солхои аввали Хокимияти Шурави (солхои 1918-1924) // Тр. Выс. шк. -Душанбе, 2000. – Выпуск 3. (На тадж языке). – С.60-68.

261. Розикзода А.Ш. Страницы исторической летописи милиции Таджикистана. // 75 лет МВД Республики Тадижкистан / Юбил. журн. – Душанбе: «Рахне», 2000. – С. 11-17.

262. Розиков А.Ш. Обеспечение порядка в эпоху Саманидов // Тр. Выс. шк. МВД РТ / Осори илмии Мактаби оли. – Душанбе, 1999. – Вып. 2. – С.73-75.

263. Розиков А.Ш.Полицейская служба в дореволюционном Таджикистане // Тр. Выс. шк. МВД РТ. – Душанбе, 1998. – Вып. 1. – С.48-61.

264. Сами, Мирзо Абдулазим Таърихи Салтанати Мангитийа. – М.:Изд. Вост лит., 1962. – 179 с.

265. Саттаров А.К. Установление Советской власти и ее первые мероприятия в уездах и волостях Северного Таджикистана// Ученые записки ГПИК, 1953. – Вып. 2.

266. Сборник материалов по вопросу об изучении туземных языков служащими по военно-народному управлению. Туркестанского края. Под. ред. подпол. И.Д. Яило.– Ташкент, 1905. – 239 с.

267. Секретова Н.А. Военно-политическая деятельность Красной Армии в Бухарской народной Советской Республике (1920-1924). Автореф. дисс…канд. ист. наук. – Душанбе, 1992. – 21 с.

268. Семенов А.А. Бухарский трактат о чинах и званиях и обязанностях носи-телей их в средневсковой Бухаре // Советское востоковедение.– М.-Л: Изв. АН СССР. – Т.5, 1948. – С. 137-153.

269. Семенов А.А. Очерк устройства центрального администт-

ративного управ-ления Бухарского ханства позднейшего времени. // Материалы по истории таджиков и узбеков Средней Азии, Вып.2. Труды АН Таджикской ССР.– Т. XXV. – Сталинабад, 1954. – 75 с.

270. Семенов А.А. По границам Бухары и Афганистан (Путевые очерки 1898) // Исторический вестник. СПб., 1902. – Т.-78. - №3. – С.961-985.

271. Снесаров А.Е. Восточная Бухара. (Военно-географический очерк.)//СГТСМА – СПб., 1906. – Вып.79. – 135 с.

272. Советская милиция: История и современность. 1917-1987. – М: Юрид. лит, 1987. – 335 с.

273. Соловьев Л. Из книги юности // Нева, 1961, – №11. – С.78-130.

274. Стеценко И.А. Из истории народных движений в Таджикистане во второй половине XIX и начале XX вв. (1870-1917 гг.) // Труды АН Тадж. ССР. – Т.3. – Душанбе, 1963. – 172 с.

275. Стремаухов Н.Н, Поездка в Бухару.(Извлечение из дневника)// Русский вестник.– СПб, 1875– Т. 117, – №6. – С.682-683.

276. Сухарева О.А. Бухара XIX начала XX в. (позднефеодальный город и его население).– М, 1966. – 327 с.

277. Таджи Усман, Ашурмухамедов М. Мубораккадам (кисса). – Душанбе: Ирфон, 1966. – 92 с. (На тадж. яз.).

278. Таджи Усман. Проклятый народом. – Душанбе: Ирфон, 1969. – 175 с.

279. Тахиров Ф.Т. Правовая система дореволюционного Таджикистана. – Душанбе, 1998. – 70 с.

280. Тахиров Ф.Т. Правовая система Таджикской АССР (1924-1929гг). – Душанбе: ТГУ, 1988. – 130 с.

281. Тахиров Ф.Т. Становление советского права в Таджикистане.– Душанбе Дониш, 1987. – 192 с.

282. Терентьев М.А. Туркестан и туркестанцы //Вестник Европы.– СПб., 1875, Кн.11. – 67 с.

283. Тимитков С.П. Борьба с интервентами, белогвардейцами и басмачеством в Средней Азии.– М., 1941. – 50 с.

284. Тимошенко И.О. Солдаты милиции. – Минск: Беларусь, 1976. – 142 с.

285. Туманов А.И. Великая Октябрьская Социалистическая революция и борьба за установление и упрочение Советской вла-

сти в Таджикистане (1917-1926гг) //Таджикская ССР за 25 лет. – Душанбе, 1955. – 168 с.

286. Тураев Б. Раскрытие заговора эсеров. // За власть Советов в Таджикистане // Воспоминания участников революции и борьбы с басма-чеством. – Сталинабад: Таджикгосиздат, 1958. – С.90-92.

287. Фаньян Д.С. К истории советского строительства в Таджикистане // Сб. док., 1920-1929 гг. – Сталинабад, 1940. – 149 с.

288. Фаньян Д.С. Красная Армия – освободитель таджикского народа.– Сталинабад: Таджикгосиздат, 1943. – 52 с.

289. Фомченко А.П. Русские поселения в Туркестанском крае в конце XIX начале X в.– Ташкент, 1983. – 128 с.

290. Фрунзе М.В. Избр. произ. В 2-х томах. – Т.1.,– М.: Воениздат, 1957. – 472 с.

291. Хайдаров Г. Х. Борьба за установление Советской власти в Северном Таджикистане.– Душанбе, 1956. – 130 с.

292. Хайдаров Г.Х. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Северном Таджикистане. (1917-1923гг.). – Душанбе: Ирфон, 1966. – 183 с.

293. Хайдаров Г.Х. и др. Борьба за установление и упрочение Советской власти в Ходжентском уезде (1917-1920гг.)//Сб.док.-Ленина-бад, 1957. – 135 с.

294. Хайдаров Г.Х. Очерки истории социалистического строительства в Северном Таджикистане (1917-1937) – Душанбе, Ирфон, 1974. – 459 с.

295. Хамраев М. Очерки истории Хисарского бекства конца XIX и начало XX вв.– Сталинабад: Изд-во АН Тадж. ССР., 1959. – 88 с.

296. Ханыков Н.В. Описание Бухарского ханства. – СПб., 1843. – 206 с.

297. Хвичия П. Очерки истории милиции Грузинской Советской милиции (1921-1925гг) – Тбилиси, 1977. – 251 с.

298. Холикзода А. Точикони Моваройуннахр.– Душанбе, 1997. – 182 с. (На тадж. яз.).

299. Хотамов Н.Б. Свержение эмирского режима в Бухаре.-Душанбе, 1997. – 348 с.

300. Чейкина М.И. Географический очерк Восточного Памира // ИТОИРГО. – Ташкент, 1914. – Т.10. – Вып. 1. – С.163-185.

301. Чернуха В.Г. Внутренняя политика царизма с середины 50-х до начала 80-х гг. XIX в.// Под ред. Р. Ш. Ганелина.– Л: Наука, 1978. – 248 с.

302. Джумазода У. Нахусткомиссар // Садои мардум,1992, 7 ноябр. (На тадж. яз.).

303. Шамаров В.М. Государственная служба в милиции НКВД РСФСР.-М: Акад. управ. МВД России, 1999. – 219 с.

304. Шильков Н.А. Советская милиция. – М.: Юрид. лит., 1971. – 120 с.

305. Шинджикашвили Д.И. Министерство внутренних дел царской России в период империализма. // Омская Высшая школа милиции. – Омск, 1974. – 111 с.

306. Южаков Ю.Д. Итоги двадцатисемилетнего управления нашего Туркестанским краем //Русский вестник.– СПб., 1891,- Т.215, – №7. – С.52-86.

307. Юсупов Ш.Т. Вахшская долина накануне установления Советской власти. – Душанбе: Дониш, 1975. – 131 с.

308. Юсупов Ш.Т. К истории дореволюционного Душанбе (конец XIX-нач. XX вв.).– Душанбе: Дониш, 1988. – 113 с.

309. Юсупов Ш.Т. Очерк истории Кабадианского бекства в конце XIX– начале XX вв).– Душанбе: Дониш, 1986. – 136 с.

310. Юсупов Ш.Т. Очерки истории Кулябского бекства в конце XIX и начале XX веков.– Душанбе, 1964. – 126 с.

311. Яворский И.Л. Путешествие русского посольства по Афганистану и Бухарскому ханству в 1878-1879гг.– Т.1, – СПб., 1882. – 383 с.

СПИСОК УСЛОВНЫХ СОКРАЩЕНИЙ

Агитпроп – отдел агитации и пропаганды.
Басмсовещание – совещание по борьбе с басмачеством.
Басмшаек – басмаческие шайки.
БКА – Бухарская Красная Армия.
БКП – Бухарская Коммунистическая партия.
БНСР – Бухарская Народная Советская Республика.
Боеучасток – боевой участок.
БСМ – Бухарский Союз молодежи.
БССР – Бухарская Советская Социалистическая Республика.
БЭС – Бухарский экономический совет.
ВИК – вилоятский исполнительный комитет.
Вилисполком – вилоятский исполнительный комитет.
Вилгорревком – вилоятско-городской революционный комитет.
ВИЛКОМ – вилоятский комитет.
ВИРГО – вестник императорского русского географического общества СПб.
Вилревком – вилоятский революционный комитет.
ВПТ – военно-политическая тройка.
г., гг. – год, годы.
Главмил. – Главное управление милиции.
Горотдел – городской отдел.
Госмилиция – государственная милиция.
ГПУ – Государственное политическое управление.
Госсоваппарат – государственный Советский аппарат.
ГУМЗ – Главное управление мест заключения.
д., дд. – дело, дела.
Джамсовет – джамоатский совет.
Диккомиссия – диктаторская комиссия.
Замнарком – заместитель народного комиссара.
Зампред. – заместитель председателя.
Замполит – заместитель по политической части.
ЗВОИРАО – Записки Восточного отделения императорского русского общества. – СПб.
ЗИРГО – Записки Императорского русского географического

ЗРГО – Записки Русского географического общества. – СПб.

ИАН Тадж.ССР – Известия Академии наук. Таджикской ССР – г. Душанбе

ИАН Уз.ССР – Известия Академии наук Узбекской ССР. – г. Ташкент.

ИИРГО – Известия Императорского русского географического общества – СПб.

ИООН АН Тадж.ССР – Известия отделения общественных наук АН Таджикской ССР. – г. Душанбе.

ИТК – Исправительно-трудовая колония.

Исполбюро – Исполнительное бюро.

Кавпол – Кавалерийский полк.

Комхоз – Коммунальное хозяйство.

л.,лл. – лист, листы.

МСТК – Материалы для статистики Туркестанского края – СПб.

НКРКИ – Народный комиссариат рабоче-крестьянской инспекции.

Нарком – Народный комиссар.

Наркомат – Народный комиссариат.

Наркомпрос – Народный комиссариат просвещения.

Наркомторг – Народный комиссариат торговли.

Наркомхоз – Народный комиссариат коммунального хозяйства.

Наркомюст – Народный комиссариат юстиции.

Нацмен – Национальное меньшинство.

НВД – Назират внутренних дел.

НКВД – Народный комиссариат внутренних дел.

НКЮ – Народный комиссариат юстиции.

Обком – Областной комитет.

ОГПУ – Областное государственное политическое управление.

Окружком – окружной комитет.

Окружмилиция – окружная милиция.

Окрисполком – Окружной исполком

ОНУ – Общественные науки в Узбекистане – журнал в Ташкенте.

ООГПУ – Областной отдел Государственного политического

управления.

Оп. – опись.

ОУР – отдел уголовного розыска.

Политсекретарь – политический секретарь.

Предревком – председатель революционного комитета.

ПУТУРКОМ – Политическое управление Туркестанского ФРонта.

РВС – Революционный военный совет.

Р.Тадж. – Республики Таджикистан

РККА – Рабоче-крестьянская Красная Армия.

Р.Узб. – Республики Узбекистан

СНН – Совет народных назиров.

СНК – Совет народных комиссаров.

СПб – Санкт-Петербург.

СТО – Совет Труда и Обороны

СУ РСФСР – Собрание узаконении и распоряжений РСФСР

СУ Тадж.ССР – Собрание узаконении и распоряжений рабоче-дехканского правительства Таджикской ССР

СУ Узб.ССР – Собрание узаконений и распоряжений рабоче-дехканского правительства Узбекской ССР

Турк.вед. – Туркестанские ведомости

Турккомиссия – Туркестанская комиссия.

Туркполитпросвет – Туркестанское политическое просвещение.

Туркреспублика – Туркестанская республика.

Угормилиция – Управление городской милиции.

УР – Уголовный розыск.

УУР – Управление уголовного розыска.

УФГАЛО – Ура-Тюбинский филиал Государственного архива Ленинабадской области

Ф. – Фонд.

ЦГА – Центральный государственный архив

Центризберком – Центральная избирательная комиссия

ЦАУ – Центральное административное управление

ЦИК – Центральный исполнительный комитет

ЦК – Центральный комитет

ЦКБКП(б) – Центральный комитет Бухарской Коммунистической

партии Большевиков
ЧДК – Чрезвычайная диктаторская комиссия
ЧОН – Часть особого назначения
ЧК – Чрезвычайная комиссия

Приложение 1

ЗВАНИЕ (ЧИНЫ) В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

№ п/п	Наименование званий	Должность (за какой участок работы отвечал)	Приравнен к нынешнему званию	Примечание
1.	Атолик	Заступающий вместо отца эмира		
2.	Кушбеги	Первый министр	канцлер	
3.	Диванбеги	Заведующий финансовыми делами		эти чины с титулом “иоратпанох” по должности имели все хакими, миры и беки всего Эмирата
4.	Парвоначи	Выдаватель писанного эмирского указа	полный генерал	
5.	Инок	Особо близкое лицо к эмиру	генерал-лейтенант	
6.	Дат(д)хо	Ведающий правосудием	генерал-майор	
7.	Бий	Народный судья у кочевых племен	генерал	староказахское слово, означающее «лицо благородное и власть имущее»
8.	Эшик-окобоши	Главный хранитель высокого порога	полковник	эти чины были с титулом “муборизат панох” – убежище войны
9.	Туксабо	Начальник войскового подразделения	подполковник	раньше его функция состояла в том, чтобы ставить кушанья перед ханом
10.	Мирохур	Начальник конюшен	капитан	
11.	Караулбеги	Начальник караула	поручик	
12.	Джеб(в)ачи	Латник	лейтенант	
13.	Мирзобоши	главный письмоводитель	подпоручик	
14.	Чухраогоси	Начальник придворных пажей	младший лейтенант	
15.	Баходур		рядовой	

Приложение 2

СВЕДЕНИЯ
О ПРЕСТУПНОСТИ В ХОДЖЕНТСКОМ УЕЗДЕ

Годы	**1910**	**1911**	**1912**	**Всего**
Уголовных дел	554	693	1063	2310
Происшествий	84	130	114	328

Приложение 3

СВЕДЕНИЯ О ПРЕСТУПНОСТИ В ИСФОНЕЙСКОМ УЧАСТКЕ ХОДЖЕНТСКОГО УЕЗДА

Годы	Виды преступления						По поступкам против	
	Убийство	Самоубийство	найдено трупов	Насилие	Грабеж	Кража	порядка управления	благочиния порядка и спокойствия
1910	8	-	4	2	12	10	13	10
1911	12	-		1	6	8	8	6
1912	9	2	1	3	6	14	11	8

Приложение 4

ВЕДОМОСТЬ

о численности проституток, содержащихся в публичных домах Ходжентского уезда в 1904 году:

Название городов	январь	февраль	март	апрель	май	июнь	июль	август	сентябрь	октябрь	ноябрь	декабрь
Ходжент	14	11	11	12	7	10	8	16	16	14	14	13
Ура-тюбе	13	15	-	12	19	16	20	12	10	12	12	11
Итого	27	16	11	24	26	26	28	28	26	26	26	24

Приложение 5

ВЕДОМОСТЬ

о численности проституток, проживающих в городах Ходжент и Ура-тюбе за январь 1904г:

Название городов	На 1 января состояло	В течение января		К 1-му февраля состоит	Приме-чание
		прибыло	убыло		
Ходжент	14	-	3	11	
Ура-тюбе	13	2	-	15	
Итого	27	2	3	26	

Приложение 6

Штат городской милиции Ходжента в конце 1919г. и начале 1920 г.

Наименование должностей	Численность	Содержание одного		Примечание
		в месяц	в год	
Начальник охраны города	1	950	11400	
Помощник	2	900	10800	
Письмоводитель	1	1540	18480	
Журналист	1	1190	14280	
Письмо переводчик	1	1610	19320	
Писец	2	1190	14280	
Сторож	1	966	11592	
Кучер	1	1022	12264	
Конюх	1	1022	12264	
Милиционеры:				
старшие	7	600	7200	
младшие	23	500	6000	
конные	5	500	6000	
Канцелярские расходы	0	1000	1200	
ИТОГО	46	12990	155880	

Приложение 7

Расходы на содержание районного управления милиции Ура-тюбе в 1918-1919гг.

Наименование должностей	количество	Зарплата в месяц
районные комиссары	4	600
их помощники	4	500
письмоводители	4	450
журналисты	4	400
письменный переводчик	4	400
писец	4	350
рассыльные	4	275
сторожевые	8	275
кучер	4	300
конюх	4	275

Приложение 8

Штат уездной и городской милиции Ура-тюбе в 1918-1919гг.

наименование должностей	кол-во	содержание на 1-го	
		в месяц	в год
Центральное управление			
начал. охраны города	1	950	11400
помощник	1	900	10800
письмоводитель	1	1540	18480
журналист	1	1190	14280
пис. переводчик	1	1610	19320
писец	2	1190	14280
сторож	1	966	11592
кучер	1	1022	12264
конюх	1	1022	12264
Милиционеры: старший	3	600	7200
младший	11	500	6000
конный	3	500	6000
на канц. расходы	0	1000	12000
ИТОГО:	27	12990	155880

Приложение 9

Штат Ура-тюбинской милиции в сентябре 1921 года.

	команд. состав	админ. работн.	канцеляр. сост.	пешие милиционеры		конные милиционеры		вооружение			всего лошадей
				старший	младший	старших	младших	винтовки.	Револьвер	шашки	
по штату	9	3	21	11	84	–	35	95	20	–	566
налицо	5	3	6	3	19	2	35	104	5	–	-

Приложение 10

СВЕДЕНИЯ

о личном составе и расходах на содержание Пенджикентской милиции (1919г.)

Пенджикент	Числен-ность	содержание одного		Содержа-ние, всего в год	другие расходы	Приме-чание
		в мес.	в год			
Милицио-неры:						Городские мили-ционеры находятся в ведении районного начальни-ка мили-ции
старший	1	600	7200	7200		
младший	5	500	6000	30000		
Канцел. рас-ходы		500			600	
ИТОГО	6	1600	13200	37200	43200	

Приложение 11

СВЕДЕНИЯ

о личном составе и вооружении Аштской милиции (октябрь 1922г.)

Название района	Фамилия начальника милиции	Всего		командн. состав	Старшие милнеры		Младш. милнеры		Оружие				Канцелярские и продслужащие
		людей	лошадей		пешие	конные	Пешие	Конные	пулемет	винтовки	револьв.	шашки	
Ашт	Нечаев	76	74	3	-	1	-	72	-	74	-	-	-

Приложение 12

СВЕДЕНИЯ

о личном составе и вооружении Канинбалагской милиции (сентябрь 1919г.)

Личный состав		Оружие		Система оружия				Патроны (разных систем)	Снаряжение		Кол-во лошадей		Примечание
Конный	Пеший	Холодное	Огнестрельн	3-х линейный	Берлан	Австрийск	Наган	Браун		Седел	Патронташ	Строевых	Обозных	
20	-	-	32	9	18	1	2	2	633	28	21	27	1	Кроме 20 чел. милиционеров имеется 7 человек рассыльных с лошадьми
														Из 28 лошадей 23 – собственность членов милиционеров

Приложение 13

СВЕДЕНИЯ

о личном составе и вооружении

Канибадамской милиции (1921 – 1923гг.)

По состоянию на:	Всего		командный состав	Старшие милиц.		Младш. мил-неры		Оружие			
	людей	лошадей		пешие	конные	пешие	конные	пулемет	винтовки	револьвер	шашки
1 сент.1921г.	26	4	2	5	-	19	-	-	40	-	-
1 мая 1922г.	120	34	3	5	5	78	26	-	90	3	-
1июня1923г.	147	81	4	5	7	61	70	-	180	6	-

Приложение 14

СВЕДЕНИЯ

о личном составе и вооружении Канибадамского добровольного отряда милиции (ноябрь 1922г.)

Название района	Фамилия нач. добровольн. отряда	Всего		Командн.состав	Старшие милиционеры		Младш. милиционеры		Оружия				Канцелярские, и Продслужащ
		людей	лошадей		пешие	конные	пешие	конные	пулемет	винтов.	револь.	шашки	
Канибадам	Махмедов	175	62	4	2	2	54	109	-	175	-	-	4

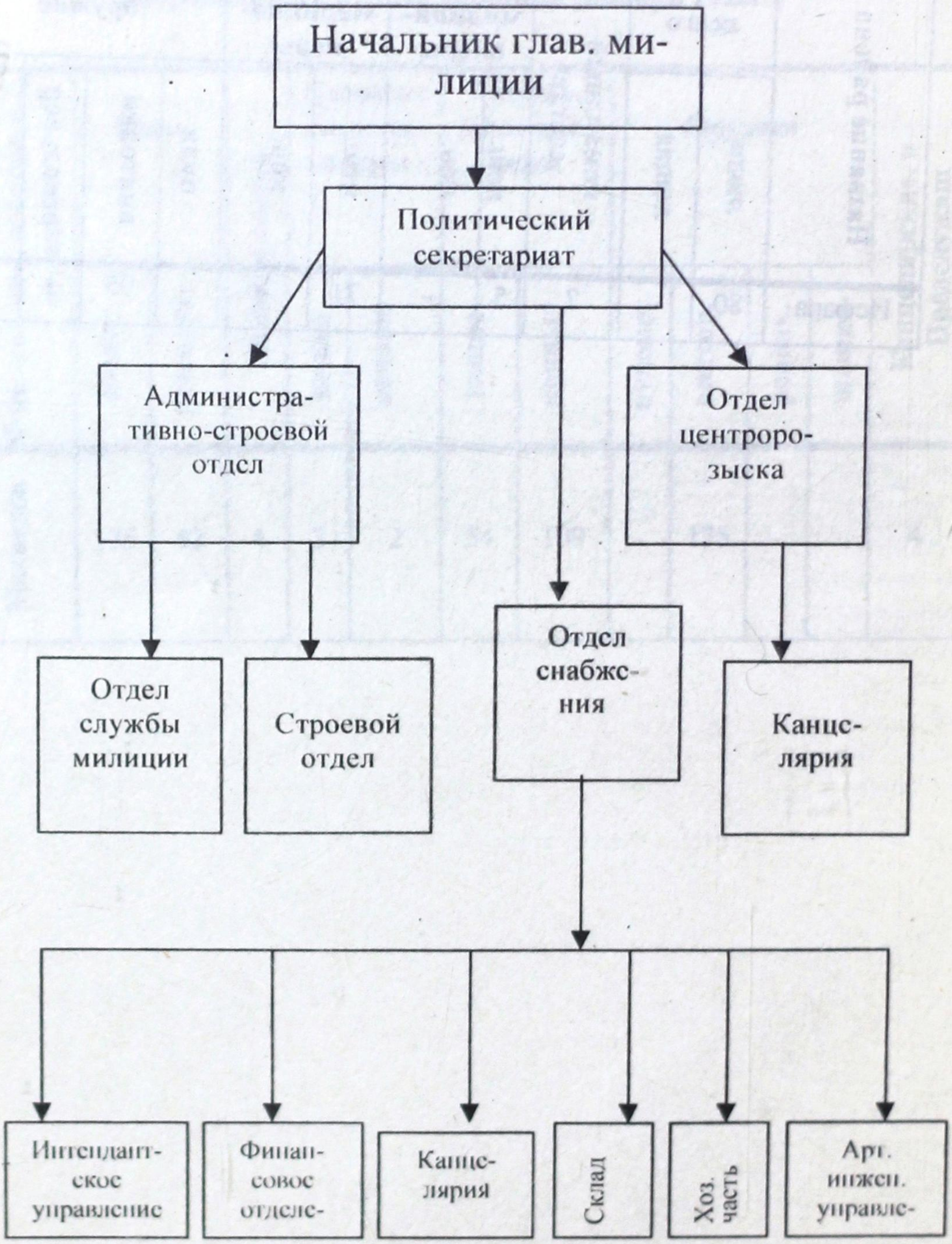
Приложение 15

СВЕДЕНИЯ
о личном составе и вооружении Исфаринской милиции (май 1922г.)

Название района	всего		командный состав	старшие милиционеры		младшие милиционеры		оружие			
	люди	лощад		пеш.	кон.	пеш.	кон.	пули	винтовки	револьвер	шашки
Исфара	80	–	2	5	–	71	–	–	95	1	10

Приложение 16

СТРУКТУРА ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ МИЛИЦИИ

Приложение 17

ШТАТ
ВИЛОЯТСКИХ УПРАВЛЕНИЙ МИЛИЦИИ:

Наименование должностей	Количество единиц
Начальник милиции	1
его помощник	1
Секретарь	1
Счетовод	1
Делопроизводитель	1
переписчик	1
зав. хозяйством	1
его помощник	1
рассыльный пеший	1
рассыльный конный	1
повар	1
служители	2
конюх	2
ВСЕГО	14

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ 5

ГЛАВА 1. **ОБЕСПЕЧЕНИЕ ПОРЯДКА В ДОРЕВОЛЮЦИОННОМ ТАДЖИКИСТАНЕ** 8

§ 1. Блюстители порядка в Бухарском Эмирате и Восточной Бухаре 8

§ 2. Полицейская служба в северных районах дореволюционного Таджикистана и на Памире 30

ГЛАВА П. **СТАНОВЛЕНИЕ ОРГАНОВ МИЛИЦИИ В СЕВЕРНОМ ТАДЖИКИСТАНЕ И НА ПАМИРЕ (1917-1924 гг.)** 61

§ 1. Краткая характеристика учреждения аппаратов управления милиции в Туркестанской АССР 61

§ 2. Организация и деятельность милиции в северном Таджикистане и на Памире 76

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 145

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ 150

ПРИЛОЖЕНИЕ 175

РОЗИКЗОДА АБДУЛХАКИМИ ШЕРАЛИ

ИСТОРИЯ ФОРМИРОВАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МИЛИЦИИ В ТАДЖИКИСТАНЕ

Художественный редактор *А. Исоев*
Технический редактор *Я. Бекназарова*

ИБ № 298

Сдано в набор 26.10.01. Подписано в печать 12.11.01. Формат 60X84 1/16. Бумага офсетная. Гарнитура литературная. Печать офсетная. Усл.печ.л. 10,74. Усл.кр.отт. 10,24. Уч.изд.л. 9,73. Тираж 200. Заказ 847.

Издательское предприятие "Ирфон" Министерства культуры Республики Таджикистан, г.Душанбе, ул. Н.Карабаева 17

Розикзода Абдулхакими Шерали.

Родился в 1959 году в кишлаке Мехнатобод Московского района. С юных лет увлекся историей и литературой. В 1982 г. окончил исторический факультет Таджикского государственного университета. Занимался педагогической деятельностью в средней школе и преподовал в разных вузах республики.

С 1989 по 1993 годы учился в аспирантуре, после окончание которого был приглашен на работу в Высшую школу (ныне Академия) МВД Республики Таджикистан. В январе 1994 г. защитил кандидатскую диссертацию.

Долгие годы занимался исследованием истории формирования и развития таджикской милиции.

Опубликовал более 30 научных и научно-методических работ, посвященных истории милиции Таджикистана.